

ОГОНЁК

№ 39 СЕНТЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЧИТАЙТЕ:

КАК БЫЛИ ЗАБИТЫ ПЕРВЫЕ КОЛЫШКИ

ПО СЛЕДАМ ЗАВОДСКИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Рассказ Сергея Никитина и стихи Евгения Долматовского

ЛЕНИН

Величаво. Задушевно

И_дем мы под солнцем лу_чис_тым, мы нашим единством сильны, и в первых рядах комму_нис_ты — ве_ли_кой От_чиз_ны сы_ны.

Припев

Ле_нин всей планете, словно солнце, светит. Ленин в наших сердцах, в самых заветных мечтах! Ле_нин всей планете, словно солнце, светит. Ле_нин в наших сердцах, в самых заветных мечтах! в самых заветных мечтах!

Стихи Петра ГРАДОВА.

Музыка Константина ЛИСТОВА.

Идем мы под солнцем лучистым,
Мы нашим единством сильны,
И в первых рядах коммунисты —
Великой Отчизны сыны.

ПРИПЕВ:

Ленин всей планете,
Словно солнце, светит.
Ленин в наших сердцах,
В самых заветных мечтах! } 2 раза

Он думал о судьбах планеты,
О дружбе народов мечтал,
И первым советским декретом
Он миру о мире сказал.

ПРИПЕВ.

Года за годами проходят,
Но Ленина имя живет.
Кто думал всегда о народе,
Того не забудет народ!

ПРИПЕВ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 39 (1788)

24 СЕНТЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КУБА—ДА!

«Да» — короткое это слово. Но как много может оно значить. Когда мы говорим «Куба — да, империализм янки — нет», мы говорим «да» отважной борьбе кубинцев за независимость и счастье своей родины. Мы произносим здравицу в честь мужественного кубинского народа.

Посланцы героической Кубы — всегда желанные гости в нашей стране. Это еще раз подтвердилось во время визита Президента Республики Куба доктора Освальдо Дортикоса Торрадо, прибывшего в Советский Союз по приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

16 сентября высокого гостя принял Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Встречи выдающегося деятеля кубинской революции на советской земле вылились в яркую демонстрацию крепкой дружбы, которая соединяет народы Советского Союза и Кубы.

На снимках:
Во время встречи Н. С. Хрущева с Президентом Республики Куба О. Дортикосом.

Большой Кремлевский дворец, 20 сентября.
В президиуме митинга дружбы между народами Советского Союза и Республики Куба.

Фото Е. Умнова.

18 сентября Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев встретился с заместителем премьер-министра и министром иностранных дел Афганистана Его Высочеством Сардаром Мухаммедом Наимом. Беседа Н. С. Хрущева с афганским государственным деятелем проходила в духе дружбы и полного взаимопонимания.

На снимке: во время приема Н. С. Хрущевым Сардара Мухаммеда Наима.

Фото А. Устинова.

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ — ТЕБЕ, ПАРТИЯ!

Орск

Достойно встречают XXII съезд КПСС металлурги Орского Южно-Уральского никелевого комбината. Комбинат работает ритмично, и каждый месяц Родина получает никель сверх плана. Многие металлурги с гордостью носят звание ударника коммунистического труда.

На снимке: в плавильном цехе.

Фото Г. Клипиницера (ТАСС).

Раздумья, предложения, планы

МЕРА ТРЕБО

А. КОЗЛЯК,
рабочий Минского радиозавода

Помнится, мы с моим сменщиком В. Г. Минковым считались уже квалифицированными специалистами, когда нам рассказали о новом резьбошлифовальном станке, который по сравнению с тем, на каком мы работали, казался сказочной фантазией. Потом пришло время, когда станок этот привезли на завод и нам доверили работать на нем. Новая техника предъявила новые требования. Окрыленные доверием, мы довольно быстро набрались нужных знаний, мастерство наше повысилось, и то, о чем прежде лишь мечтали, стало реальностью: станок показал нам все свои прекрасные свойства. Больше того, со временем мы усовершенствовали конструкцию и придумали приспособления, сделавшие нашу машину еще более производительной и «умной».

Я вспомнил эту историю лишь для того, чтобы (читатель простит мне условность и отдаленность сравнения) понятней стали мысли, которые вызывает у меня внимательное чтение проекта новой Программы КПСС и проекта нового Устава КПСС.

Читая, вдумываясь в проект Программы КПСС — в этот поистине потрясающий разум и душу документ, я ловлю себя на том, что многое в нем мне кажется сказочным. И в то же время понимаешь, что коммунизм, который еще вчера казался пускай реальной, но все же мечтой, сегодня стал очередной практической задачей нашей партии, всего нашего народа. Ведь вот полет в космос. Долгое время это был мир отвлеченных размышлений, потом стал предметом математических расчетов и научных экспериментов. И в один прекрасный день стало явью — человек в космосе! Так и коммунизм из области мечтаний входит в нашу жизнь.

К коммунизму, так же как в свое время к социализму, мы идем непроторенными дорогами. Но, читая проект Программы, я да и все наши рабочие так понимают, что коммунистическое общество — это отнюдь не общество праздных, бездельничающих людей. И придем мы к нему через труд упорный, напряженный. При коммунизме людям будет очень много дано, но и спрос с них тоже большой.

Я как-то прислушался к размечтавшимся паренькам — какая будет жизнь лет через двадцать? Обо всем ребята говорили, в наиярчайших красках нарисовали, как обед им бесплатно подадут, и в автобусе куда хочешь без билета поезжай, и за квартиру платить не нужно, а вот насчет того, как при всем при том трудиться надо,— молчок. Надо таким мечтателям почаще напоминать, что коммунизм — не только мир исполнения любых твоих желаний, но и мир, в котором у тебя будут более высокие обязанности перед обществом и самим собой — это и труд, и служение интересам коллектива, и высокая сознательность, и моральный кодекс.

И уже сегодня, на пути к коммунизму, следовало бы мерить свой трудовой шаг грандиозными масштабами Программы партии: достаточно ли широко шагает, не сбился ли где с пути человек?

Некоторыми мыслями о мере нашей требовательности и мере доверия к людям, строящим коммунизм, я и хочу поделиться на страницах «Огонька».

Мне часто приходилось сталкиваться с такого рода рассуждениями: страна наша год от года становится богаче, могущественнее, жизнь обеспеченнее, краше, народ — сознательнее, культурнее и причин, вызывающих нарушения советских законов, порождающих всякие аморальные поступки, становится все меньше и меньше. Поэтому можно-де, мол, относиться терпимее, снисходительнее к таким людям, наказывать их помягче. На первый взгляд, как будто и правильно.

Ну, а если вдуматься? Что же получается? Условий для разного рода неблаговидных проступков становится меньше и меньше, стало быть, и совершать такие проступки и преступления могут лишь те, кто даже в этих условиях пренебрегает нормами нашей жизни. А это уж выродки, люди переродившиеся, нам с ними не по пути. Так почему же мы должны быть снисходительны к ним? Не оказываем ли мы им, да и всему обществу, плохую услугу — смягченные наказания практически становятся поощрением злу? Не оказываемся ли мы теми, недалекими врачами, которые лечат примочками и припарками там, где зловонный нарыв уничтожается одним движением хирургического ножа? И в самом деле, если, скажем, мелкое воровство в буржуазном обществе, то есть когда все общество построено на узаконенном присвоении чужого, является наказуемым преступлением, почему же это зло считать меньшим в наших условиях, когда, по Конституции, никто не имеет права обогащаться за счет чужого труда? Словом, мне кажется, что воровство, взяточничество, тунеядство и другие занесенные к нам из прошлого пороки, которые иногда у нас называют «ошибками», все еще встречаются и потому, что мы терпимо, примиренчески относимся к этим явлениям. И чтобы эту мерзость нам не тащить с собой и дальше, нужно твердо и резко, с революционной принципиальностью кончать с этим злом. И, может быть, в Программе партии следовало бы об этом сказать более решительно.

Я начал с разговора о проступках и преступлениях. Однако новая, повышенная мера требовательности должна быть адресована не только к людям, явно нарушившим наши законы, правила социалистического общежития. Ее нужно адресовать к каждому из нас во всей нашей повседневной деятельности. И тем более к коммунистам, которые сейчас, пожалуй, как никогда, должны являть собой пример всем остальным. А мы, к сожалению, не всегда помним об этом.

Однажды на партийном собрании выясняется, что работник нашего завода Елецкий проявляет склонность к наживе. Было очевидно: человек свихнулся. Когда коммунисты потребовали привлечь Елецкого к строгой ответственности, то нашлись и такие, что стали оправдывать его: это, мол, оплошность, человек подпал под влияние отсталой жены, работающей на торговой базе, и т. д. и т. п. Словом, дело

Иркутская область

Соревнование механизаторов, пожалуй, отличается от всякого иного соревнования. Тут ведь важно не только мастерство, но и прежде всего изобретательность. Комбайнер совхоза «Нукутский» Н. Ф. Яковлев, соревнуясь с другими механизаторами области за быстрейшую уборку урожая, добился большого успеха. Он навесил на комбайн «СК-3» тракторную косилку и довел дневную выработку до 103 гектаров. А всего за сезон Николай Яковлев скосил 620 гектаров зерновых и обмолотил 250 гектаров. В честь XXII съезда КПСС комбайнер-скоростник обязался подобрать и обмолотить валки еще с 500 гектаров.

Фото М. Минеева (ТАСС).

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...

«Ты помнишь...» Эти слова кировоградцы часто слышали на улицах, в скверах родного города в осенние дни. Их произносили пожилые люди, убеленные сединами. Они приехали из разных городов страны на слет-встречу ветеранов комсомола области с молодежью.

Давно прошла их комсомольская юность. Вихрастые парни и задорные девчонки стали солидными людьми. Есть среди них прославленные генералы, ученые с мировыми именами, композиторы, партийные работники, писатели.

Многие из ветеранов десятилетиями не были в родных местах и теперь с трудом узнают их. Там, где раньше были пустыри, выросли жилые кварталы, парки, скверы.

Молодежь плотным кольцом окружила А. И. Олейникова. Затаив дыхание, слушают его. А рассказ действительно интересный. Андрей Иванович прошел путь от рядового бойца до командира Советской Армии. Выучился читать и писать, будучи взрослым человеком, а потом окончил две академии. Вся его жизнь тесно связана с Кировоградом. Отсюда уходил он на гражданскую войну защищать молодую Республику Советов. Здесь же окончил он училище и стал красным командиром. В 1944 году дороги войны снова привели Олейникова в родной город. Его часть вместе с другими соединениями освободила Кировоград от фашистских захватчиков.

Слет проходил в филармонии. В зале собрались представители трех поколений. Комсомольцы рассказали дорогим гостям о славных делах молодежи Кировоградщины. Юноши и девушки собирают высокие урожаи, выпускают сверхплановую продукцию, упорно учатся и весело отдыхают.

Ветераны были довольны этим разговором с молодежью. Они еще раз убедились, что эстафета славных комсомольских дел перешла в хорошие руки. Об этом говорили в своих выступлениях писатель Е. Е. Поповкин, секретарь Черкасского обкома партии С. Е. Стеценко.

Строитель Кременчугской гидроэлектростанции Галина Вовк предложила устроить такую же встречу через 20 лет, когда в нашей стране будет построен коммунизм. Все присутствующие горячо поддержали ее.

И. ДЕМЧЕНКО,
В. ГВОЗДЕЦКИЙ

Комсомольцы-ветераны Кировоградщины возлагают цветы к подножию памятника В. И. Ленину.

Фото В. Ковпака.

ВАТЕЛЬНОСТИ И ДОВЕРИЯ

повернулось так, что Елецкого пожалели, и он остался с партийным билетом. Еще тогда, на собрании, меня охватила досада за такое, на мой взгляд, беспринципное решение. А сегодня, после ознакомления с Проектом нового Устава КПСС, мне стало совершенно ясно, что мы допустили ошибку. Ну какой же Елецкий коммунист, если он может подпадать под чуждые влияния, какая же это невинная оплошность, если он сознательно занялся обогащением, а богатство-то приходит к нему довольно темными путями? Что мы, заводские коммунисты, приобрели, сохранив его в своей среде? А ведь, глядя на Елецкого, беспартийные товарищи говорят: раз это дозволено коммунисту, то нам тем более простится.

Или вот другой пример. Директор одного минского завода стал «путать» личное и государственное в пользу личного, конечно. Его домработница считалась сотрудницей завода. Питание из заводской столовой семья директора получала по заниженным ценам. На курорте ему, видите ли, стало скучно и за счет предприятия изготовили городки и послали самолетом на Черноморское побережье. Поведение директора обсуждалось на партбюро. И здесь тоже нашлись свои адвокаты: он, мол, очень хороший работник. Ошибся человек, с кем не случается? И этот сомнительно хороший директор, совершенно очевидно, плохой коммунист.

Не пора ли нам перестать быть добренькими за счет государства и авторитета нашей партии? Не пора ли более осмотрительно и вдумчиво применять эту формулу: «ошибся человек, поскользнулся, давайте-ка его за локотки поддержим». Поймите меня правильно, я не за «взыскательский зуд», я понимаю, что значит доверять и воспитывать человека. Но не слишком ли часто мы бываем либеральны даже там, где, бесспорно, человек этот чужой для партии!

Мне кажется, что нужно более требовательно подходить к тому члену партии, кто прямых проступков не допускает, однако косвенным путем показывает свою партийную незрелость. Председателя колхоза, например, снимают за очковтирательство, хищения, пьянство. Его исключают из партии. Все правильно. Но все ли на этом кончается? Ведь в том же колхозе есть коммунисты, которые не могли не видеть, как вел себя этот разложившийся председатель. Они знали, но жили по принципу: «моя хата с краю». Люди с этой гнилой философией частенько остаются вне сферы нашей высокой требовательности. С них обычно и спросу не бывает. А зря!

Вообще нужно нашу партийную жизнь, мне думается, теперь повести так, чтобы каждый член партии, а глядя на него, и все люди, видели, что принадлежность к КПСС возлагает на человека особенно большие обязанности. Быть членом партии — это значит посвятить себя жизни, полной борьбы за торжество дела коммунизма во всем — большом и малом.

Повышение меры требовательности должно сочетаться с повышением доверия к советским людям. Если недостаточная требовательность тормозит наше движение вперед, то мелочная опека, связывание инициативы порождает иждивенчество, безответственность и тоже путается у нас в ногах.

Я наблюдаю иногда такое явление: решение самого простого дела обязательно требует вмешательства руководящего работника. И делу будет дан ход только после его, руководителя, «благословения». И в партийной жизни, к сожалению, так бывает. Секретарь парткома или райкома вмешивается буквально во все, стремясь объять необъятное. И часто за мелочами не видит крупное, главное. А ведь это только видимость глубокого проникновения в жизнь, за которой иногда скрывается недоверие к человеку, неумение так организовать работу, чтобы каждый коммунист проявил все свои способности, выполняя порученное ему дело.

Проект Программы, уделяя много внимания развитию демократических принципов государственного управления, требует, чтобы «навыками управления овладевали все более широкие массы». Я бы это требование толковал расширительно. И в партийной, и в хозяйственной деятельности надо больше доверять людям, работающим под твоим руководством, приучать их самостоятельно решать большие, тем более малые вопросы. А то ведь на заводе случается, что не только главный инженер, технолог или конструктор, не только заведующие отделами, но даже начальники цехов не принимают ни одного более или менее важного решения без согласования с директором. Люди превращаются в безынициативных исполнителей, и деятельность их порой сводится к роли связных между директором и тем или иным участником производства.

Чаще всего эта болезнь поражает такое важное звено на производстве, как участок, во главе которого стоит мастер. Он должен быть лучшим из рабочих. Хорошо, когда он к тому же техник, еще лучше — инженер. Но в жизни порою бывает по пословице: «Кто умеет, тот работает, кто не умеет, тот учит». Происходит это оттого, что хороший работник на роль мастера не очень-то охотно пойдет. И тут дело не только в том, что заработок квалифицированного рабочего всегда больше, чем оклад мастера вместе с премиальными. Прав у мастера маловато, а роль его сводится к малопочетной обязанности оформления нарядов. Было бы куда лучше, если бы мастером назначался один из лучших рабочих, который свою основную работу сочетал бы с руководством участком и мог, если потребуется, встать на любую операцию, выполнить любую работу.

* * *

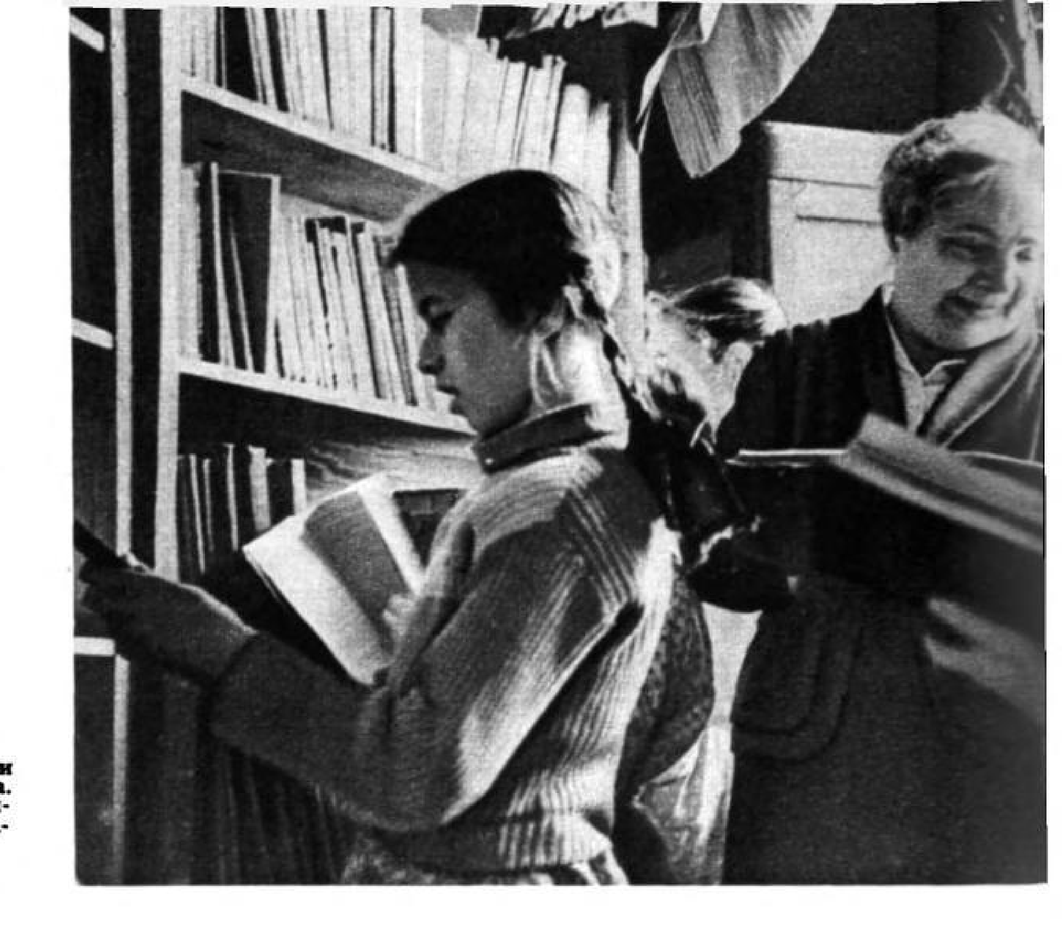
Мы, советские люди, будем еще много раз читать, перечитывать исторический документ, будем его обсуждать, изучать. Но уже сейчас всем ясно: Программа эта принимается нами на вооружение, близка она нашему сердцу, и мы ясно отдаем себе отчет в том, что счастье коммунистической жизни само собой не придет, что радость эта будет добыта упорным трудом, непримиримой борьбой с отжившим и старым, высокими мерами доверия и требовательности к себе, к своему товарищу.

БУДУЩЕЕ РЯДОМ С ТОБОЙ

А. В. РЯБИНИН,
заместитель председателя исполкома Моссовета

«У всех членов общества, благодаря изменению характера труда и росту его технической вооруженности, благодаря высокому уровню сознательности, разовьется внутренняя потребность добровольно и по своим склонностям трудиться для общественного блага».

(Из проекта Программы КПСС).

Самодеятельная библиотека при ЖЭКе № 6 Ленинградского района. В центре — библиотекарь, учительница-пенсионерка А. Ф. Шарапова.

Фото Б. Кузьмина.

ДОМ, В КОТОРОМ ТЫ

Он может быть невелик, этот дом, в котором живет мой земляк-москвич,— всего - в два-три этажа. И может быть высок и громаден, как гора, упирающаяся в поднебесье. Он может стоять на шумной набережной или в тихом переулке, петляющем возле Арбата. Он может быть нов и юн и еще пахнуть белилами, красками, а может быть и стар, сед, как почтенный хранитель истории. Он может быть строг и прост или замысловат и затейлив в своей архитектуре. Одних только улиц, переулков, площадей и проездов в Большой Москве 5 865. Сотни тысяч домов, и у каждого своя история, своя биография.

Однако всех их, таких разноликих и таких разнохарактерных, объединяет одно общее. Идешь или едешь другой раз по улице, а по долгу службы мне приходится много ездить и ходить — и видишь: этот дом имеет своего доброго хозяина. Стоит он опрятен и чист, как человек в хорошо пригнанном, аккуратном костюме, шелестят возле него деревья, пестрят цветы на клумбах, хлопают на детских площадках за сетками мячи. А вон тот дом, напротив, неряшлив и уныл, будто сирота, забытая людьми. И вот что замечательно: домов-«сирот» становится все меньше и меньше...

— Что же у вас происходит? Что изменилось? — спрашивают порой зарубежные гости.

Гость приехал из капиталистической страны, где общество живет по иным законам. Ну какой квартиросъемщик в любом капиталистическом государстве будет беспокоиться о благоустройстве двора или о ремонте занимаемой им квартиры? Это же забота домовладельца, хозяина. И тут мне хочется громко сказать: да, изменились сами жители наших домов, наши советские люди! Они жили в этих домах пять, десять, двадцать лет назад. И живут в них и поныне. И все же это совсем другие люди. Они как бы выросли, стали на целую голову выше.

Мы граждане такой страны, где человек раскрывается во всех наилучших своих качествах. И тогда в его делах, иногда незаметных и будничных, как молодая поросль, проступают ростки коммунистического завтра. Не далеко-го коммунистического будущего, а нашего близкого коммунистического завтра..

Я имею в виду наших общественников, патриотов города, людей, у которых развивается высокое сознание общественного долга. Без них, это надо сразу признать, никакие самые мощные хозяйственные организации не смогли бы высадить за последние два года у наших домов 120 тысяч деревьев и заботливо ухаживать за ними. И сады, целые сады вошли в столицу! Это они, общественники, смогли оборудовать весной в Москве 6 тысяч спортивных и игровых площадок и уголков, соорудить 60 оранжерей и теплиц, скомплектовать и обслужить десятки библиотек, создать в домах самодеятельные клубы с различными кружками и выставками, открыть комнаты и кабинеты здоровья, бюро добрых услуг, советы помощи пенсионерам, группы продленного дня для школьников и даже детские сады на общественных началах... Это благодаря им, общественникам, дом становится центром массовой политической работы с населением. Коммунисты, живущие в доме, поставили своей задачей «дойти», как говорится, до каждого жильца. Они выступают с докладами и лекциями, проводят коллективные и индивидуальные беседы. Очень велика их роль в воспитании людей. И все это добровольно, по собственной инициативе, для себя, и своих знакомых, и совсем незнакомых людей.

К чему эта инициатива может привести, видно хотя бы на одном, может, и частном, но характерном примере. Вот ЖЭК № 6 Ленинградского района. Петр Алексеевич Болотов, председатель домового комитета, и Федор Петрович Львов, председатель физкультурной комиссии, уже вышли из «спортивного» возраста: оба пенсионеры. Тем не менее на каждом участке их микрорайона есть волейбольные площадки и настольный теннис, есть свои футболисты. Есть несколько футбольных команд — юношеских и взрослых. И даже собственная сборная «Ракета». В прошлом году она ездила в Ригу и вернулась оттуда с победой. А в это лето выиграла четыре матча в играх на первенство района по футболу. А началось все с дворовых мальчишеских команд и с игр в школьных гимнастических залах.

Но, конечно, наиболее сложное и трудное происходит в самом доме, за порогом квартиры. Переступая его, вы попадаете в тот самый мир человека, который называется одним коротким словом — «быт». Твой и мой быт. Быт твоей и моей семьи.

...Есть на Варшавском шоссе, у Зеленых гор, большой, четырнадцатиэтажный дом. Он сравнительно недавно построен. Живут в нем рабочие, инженеры, техники, служащие завода имени Владимира Ильича. Живут в этом доме ветераны завода, некоторым из них посчастливилось видеть и слышать Ленина.

Как известно, завод одним из первых включился во всенародное движение бригад за звание коммунистического труда. В его цехах много сейчас таких бригад. И что же удивительного в том, что работники именно этого предприятия первыми в Москве объявили поход за коммунистический быт! «Советский человек должен не только работать, но и жить по-коммунистически»,— решили они.

В доме № 32/38 по Варшавскому шоссе была создана инициативная группа. В нее вошли рабочие и инженеры, комсомольцы и старые коммунисты, домашние хозяйки и пенсионеры. Вот с какими словами, написанными на плакатах, обратились они ко всем жильцам своего дома:

«Всюду в родной столице видны приметы коммунистической нови. В цехах родного завода — это могучее движение бригад и ударников коммунистического труда. На улице — это дружинники, охраняющие наш покой. Трамваи, троллейбусы и автобусы без кондукторов, магазины без продавцов.

Коммунистический труд и коммунистический быт встают рядом, сливаются воедино. Вот почему особенно ценна замечательная инициатива заводских комсомольцев, предложивших начать поход за коммунистический быт, высокую культуру в каждой семье, в каждой квартире, в каждой секции нашего большого ильичевского дома.

вам гарантируем хорошее качество строительства дома, а вы берегите свою новую, хорошую, красивую квартиру,— ведь это ваше и вашего государства добро! А мы потом придем проверим, как ты ее бережешь!» Хороший это опыт, и его надо всячески поддержать.

Мне не раз приходилось бывать на собраниях, где жилищные работники отчитывались перед общественностью, перед домовыми комитетами. И надо было видеть, с каким знанием, пониманием дела — до тонкостей, до разбора технических смет и финансовых отчетов — наседали они на хозяйственников, как критиковали их и как тем туго приходилось. Жильцы видели и знали все: где перерасход средств и где их явно мало, почему не выполнен график ремонта дома и отчего протекают новые крыши.

И что тут удивительного, в каждом же доме найдутся инженеры и техники всех профилей, которые квалифицированно разберутся в любом деле. И тут мне захотелось помечтать, заглянуть вперед...

ЖИВЕШЬ...

В субботу в актовом зале школы № 542 состоится первый семейный вечер жильцов...

Добро пожаловать, дорогие товарищи!

Сделаем наш дом домом коммунистического быта!»

И две тысячи жителей дома откликнулись на этот призыв. Пустырь во дворе превратился в зеленый оазис, в подвале открылся пункт, в котором можно получить пылесос, полотер, стиральную машину. Поликлиника № 67 помогла оборудовать медицинскую комнату. Заработала своя библиотека.

Почин ильичевцев быстро распространяется среди москвичей. Общественники 21-й конторы Октябрьского района создали на одном из участков даже специальную группу, которую можно назвать взрослой тимуровской командой. Она помогает больным, заботится об инвалидах, берет под опеку каждого ребенка, если он по каким-либо обстоятельствам оказывается один, без родителей.

Домовый комитет и контора № 8 Бауманского района объявили конкурс на лучшую квартиру. В условия этого конкурса входит не только требование содержать квартиру в чистоте и порядке, но и требование полной ответственности за ее сохранность. Ведь семья, въезжая в дом, получает все бесплатно. Жилой фонд, так же как и фабрики, и заводы, и земли, и все в нашей стране,— общенародное достояние. В этом отношении мне кажется весьма ценным опыт строителей нескольких московских трестов. Сдавая дом, они вручили жильцам гарантийные паспорта. Каждой семье — отдельный паспорт на ее квартиру. «Мы

Многие функции вплоть до контроля использования средств, распределения жилищной площади, составления и разработки хозяйственных планов доверили мы своим домовым комитетам. И доверие это они оправдывают. При этом самые широкие слои населения втягиваются в элементарную ячейку управления микрорайоном. А что будет дальше? Ведь и сейчас уже в ЖЭКах не выписываются так называемые жировки. Сами жильцы их заполняют и сами оплачивают. Через некоторое время и эта необходимость отпадет. Квартплата будет отменена. Что же касается надзора за сохранностью жилого фонда и осуществления прочих коммунально-бытовых и культурно-массовых дел, то с ними, как показала практика, с успехом справляются сами домовые комитеты. Значит, со временем надобность в жилищно-эксплуатационных конторах отомрет. Нужны будут только ремонтные предприятия, которые, как и любое другое предприятие, будут выполнять заказы домовых комитетов и самих жильцов.

У нас, в нашей стране, народился, поднялся и встал во весь свой рост новый, коллективный хозяин дома — домовый комитет. Именно коллективный, и в этом его сила. Он как раз и есть одна из тех общественных организаций, сферу деятельности которой предстоит расширять всемерно. Вместе с товарищескими судами, добровольными дружинами по охране порядка он способен отвечать за многое.

Общественности — тебе, и мне, и нашему соседу — можно доверить свой дом, дом, в котором ты живешь, свою улицу.

ВОКРУГ НАС

СМЕРТЬ ОТСТУПИЛА

Необычайно смелая операция на головном мозге была не так давно совершена в Тернопольском медицинском институте, на кафедре хирургии.

Событие, которое привело к этой операции, произошло еще в 1944 году, когда вблизи села Джурин, Чортковского района, проходил фронт. Четырнадцатилетняя Франка Гавер, заслышав яростный пулеметный обстрел, выбежала из хаты и вдруг потеряла сознание. Очнулась она только через несколько дней, и с тех пор ей не давала покоя страшная головная боль.

Много раз обращалась Франка к врачам. Но они не могли установить причину болезни. Лишь несколько лет тому назад один из консультантов заподозрил скрытую травму черепа. Был сделан рентгеновский снимок. К величайшему своему удивлению, врачи увидели в глубине мозгового вещества четко обрисованный конусообразный предмет — винтовочную пулю.

Оказывается, случайная пуля угодила девочке в темя, пробила черепную коробку, вонзилась в мозг и на протяжении многих лет прошла расстояние в несколько сантиметров, опустившись в затылочную часть. А в момент ранения Франка не почувствовала ни удара, ни боли.

Больной угрожал паралич, медленное умирание. Спасти ее могло лишь удаление пули. Но шансы на благополучный исход операции были весьма незначительны. И самые опытные хирурги области не решались на оперативное вмешательство.

Врач, ассистент Тернопольского мединститута В. М. Нечипорук пошел на риск, чтобы вернуть здоровье Франке Гавер. Он, ученик выдающегося украинского нейрохирурга А. И. Арутюнова, был уверен в своих силах и умении. Франка без колебаний согласилась на операцию, ибо страдания ее к тому времени стали непереносимы.

Многочасовая операция потребовала от врача исключительной собранности, мастерства. Она закончилась успешно.

...Прошел год. Франка Валентиновна Гавер чувствует себя хорошо. Давно зажило место операции, срослись кости, исчезли боли. Тридцатилетняя женщина как бы родилась на свет заново.

Смерть отступила перед могуществом медицины, перед смелым, одаренным врачом. Сын колхозника из Хмельницкой области, Виктор Матвеевич Нечипорук в 1941 году окончил Винницкий мединститут. Вскоре он ушел на фронт. Много жизней спас молодой хирург, прежде чем попасть в плен к гитлеровцам. Виктор Матвеевич испытал драконовский режим лагерей смерти, но выжил и помог выжить многим товарищам по несчастью.

С 1946 года Нечипорук работает в Тернополе. Был главным хирургом областной больницы. По самым скромным подсчетам, хирург за последние годы провел свыше ста операций, связанных с заболеваниями центральной нервной системы.

А. ОРЛАМЕНКО

Тернополь.

Ракета на проспекте

Оттолкнувшись от стилобата, уходит в московское небо девяностометровая стрела из блестящего титана. На ее конце высоко над городом, как бы венчая перспективу дворцов ВДНХ,— стремительная сигара космической ракеты...

Более трехсот проектов памятника Спутнику было подано на конкурс, объявленный вскоре после знаменательного дня 4 октября 1957 года.

Девиз проекта-победителя — народ-созидатель. Архитекторы М. Барщ, А. Колчин и скульптор А. Файдыш-Крандиевский решили проект строго, величественно и современно. Гранит, из которого будет исполнена облицовка стилобата-постамента, станет соседом «молодого» металла титана, очень прочного и долговечного. Пойдут на строительство обелиска и бетон, и сталь, и синтетические отделочные материалы, и высокосортное дерево. Ведь в отличие от других памятников обелиск «Народ-созидатель» будет еще и музеем.

Первый зал, который расположится в основании обелиска, посвящается истории завоевания космоса. Увлекательную прогулку в заоблачные дали совершат посетители второго зала — «кабины космического корабля». Землю с «гагаринской» высоты, Марс, Венеру, Луну, кометы, мириады звезд, населяющих нашу галактику, увидят люди в этом зале.

У подножия обелиска будет разбит парк. А со стороны Проспекта Мира протянется к памятнику-музею аллея героев — покорителей космоса. Первое место займет здесь скульптурный бюст К. Э. Циолковского.

Ю. БАССЕЯН

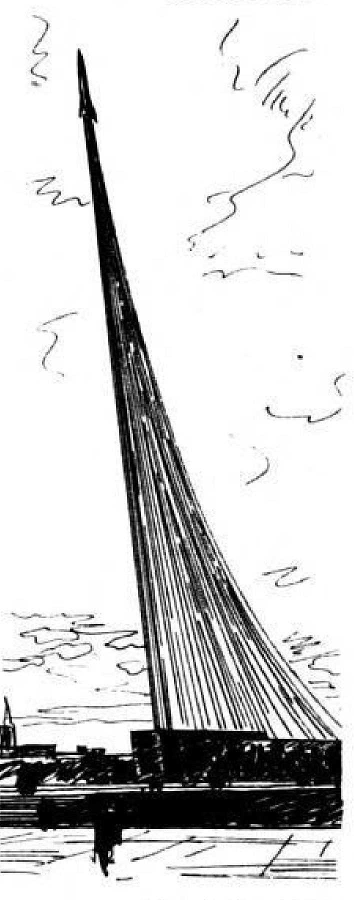

Рис. А. Колчина.

Раздумья, предложения, планы

Полет...

Наталья ДУДИНСКАЯ,
народная артистка СССР

Моя жизнь — это жизнь балерины. И всю свою жизнь я словно вновь пересматриваю сейчас, когда, вернувшись домой после спектакля, начинаю, как все мы, работать над тем документом, который волнует людей всех профессий, возрастов, национальностей,— над проектом Программы партии...

Мне кажется, что я многое в своей жизни сейчас вижу ярче, отчетливей, яснее; вижу и прошлое и будущее в их живой связи.

С самого детства вошло в мою жизнь слово «полет». В Харькове в балетной студии, которой руководила моя мать, всегда говорили о «полетности танца». Я привыкла к этому понятию гораздо раньше, чем осознала его.

Танцевали все вокруг, стала танцевать и я; занятие это мне казалось самым обычным и естественным. Кружась в воздухе, я наслаждалась особым чувством свободы: вот-вот еще немного — и оторвешься от земли! Но едва я начала заниматься в классе, как услышала настойчивые требования: «Взлетай выше и легче! Мягче прыгай! Будь невесомее!»

В детстве эти слова я воспринимала буквально. Я торжествовала, когда по наивности думала, что мое тело «ничего не весит». Позже я постигла, что полет — это будет потом! А сначала тренаж и труд... Труд упорный, ежедневный, требующий напряжения всех сил, физических и нравственных. Этому меня учила не только Агриппина Яковлевна Ваганова — замечательный наставник и хореограф, но и вся окружавшая меня жизнь. И теперь я сама стремлюсь передать своим ученицам этот непреложный и основной закон нашего искусства... Пусть изменяется жизнь, пусть изменяется содержание наших творческих произведений, изменяются многие понятия, и даже с детства знакомое и близкое слово «полет» наполняется новым смыслом. Но при всем этом оно словно еще прочнее, ощутимее сближается со словом «труд».

...Полет и труд!.. Словно вся наша страна перед XXII съездом партии напрягла мускулы в труде, раскрылась в полете... И все мы чувствуем себя приподнятыми, окрыленными. Чувство полета! Оно возникает от гордой, прочной уверенности в себе, которая свойственна всему нашему необычайному, прекрасному миру. И в то же время — от необычайности, «чудесности» всего того, что становится привычным...

Простые советские парни, наши современники, каких тысячи живет рядом с нами, Юрий Гагарин и Герман Титов совершили неслыханный прыжок в будущее. И вот уже из-за звездных миров смотрят на нас новые дали, открытые советскими людьми для человеческих завоеваний... А что же мы, «труженики танца»?.. Мы-то ведь как будто все так же стоим в репетиционном зале у своего станка. Это обыкновенная палка, протянутая параллельно стене. Мы проделываем экзерсисы: отрабатываем прыжок, проверяем гибкость, шлифуем пируэт... Все снова и снова. Как делали до нас Павлова и Карсавина, как делали до них Истомина и Колосова... В поте лица — я употребляю это выражение, увы, не только в переносном смысле! — мы добиваемся полетности танца изо дня в день, из месяца в месяц. И, может быть, вы скажете, что тут что-то не так?!. Может быть, и в самом деле наша профессия либо устаревает, либо раз навсегда закостенела?..

Нет! Тысячу раз нет... Я верю в наше искусство, живу им и вижу его большое будущее.

С каким-то особым профессиональным чувством балерины, артистки, и вместе с тем просто как советский человек я горжусь тем, что в проекте Программы партии написано: «В период перехода к коммунизму возрастают возможности **воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство».**

Именно такого человека мы и призваны показать в искусстве — прекрасного, летящего неудержимо как стрела к самой цели, тренированного духом и телом, смелого, порывистого, глубоко и благородно чувствующего.

Мне кажется, что все мои товарищи вокруг меня переживают такой же подъем, такую же гордость и такие же заботы, по-новому вглядываясь в свои огромные творческие задачи, так полно выраженные в проекте Программы партии.

Да, конечно, мы многого уже достигли. И только для самого поверхностного зрителя, такого, который в танце по преимуществу ценит число фуэтэ или быстроту туров, наш танец остается неизменным. На самом же деле он претерпевает глубочайшие перемены, и я особенно ясно и живо ощутила это, когда видела искусство своих коллег за рубежом. Во Франции, например, многие артисты балета пытливо ищут внешней оригинальности и вместе с тем легко мирятся с теми наивными условностями, от которых советский балет отказался едва ли не сорок лет назад.

В чем тут дело? Я думаю, что здесь как раз и сказывается воочию не разница «школы», а разница того воздуха, которым мы дышим! Точнее говоря, особенности нашего творчества кроются в его идейности, глубокой осмысленности, внутренней целеустремленности. Они присущи всей нашей жизни, а значит, и всему нашему искусству.

Наши зарубежные коллеги прежде всего стремятся продемонстрировать то, что они умеют, и в этом порой достигают блестящих успехов. Мы же не столько стараемся блеснуть техникой и виртуозностью, сколько, вооружившись ими, высказать то главное, что нам дорого и важно. Именно в этом тенденция нашего искусства, его душа и плоть.

Я задумываюсь над этим и, конечно, прежде всего проверяю то, что делаю сама.

В моей жизни большую, может быть, даже поворотную роль сыграл спектакль «Лауренсия».

Он рождался на ленинградской сцене, и я была участницей появления его на свет. Вместе с балетмейстером Вахтангом Чабукиани мы искали краски для портрета народной героини. Весь огромный запас средств балетной классики был призван на помощь. И все же образ, возникавший на репетиционном мольберте, долгое время не соответствовал ни литературному оригиналу, ни просто нашему представлению о Лауренсии как о человеке **нового типа,** духовно богатом и физически совершенном. Постепенно мы начали отказываться от всех своих привычных, казалось бы, хорошо испытанных, не раз проверенных приемов. Энергичный и волевой характер свободолюбивой испанской девушки требовал нового танца.

И тут на помощь мне пришла жизнь. В моем сознании словно происходил сдвиг, и в галерею прежних моих сценических образов — озорная Китри из «Дон Кихота», сказочные Аврора и Одиллия — вошли реальные образы испанских революционерок. Прекрасное, одухотворенное лицо Долорес Ибаррури возникло в моем сознании, когда я думала о Лауренсии. Слова, облетевшие мир: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» — стали лейтмотивом моей героини...

И вот я танцую Лауренсию, а жизнь, идущая по тем законам, которые названы в проекте Программы, все добавляет и добавляет моему любимому образу свежие краски.

На героической Кубе лицом к лицу увидела я Лауренсий нашего времени. Их неукротимый темперамент, стойкость и веселость нрава, непосредственность и природная театральность, живой огонь, одухотворяющий смуглые лица, осветили новым светом мою балетную Лауренсию.

Она мне и самой кажется теперь еще более близкой и еще более обобщенной. Во всяком случае, так я ощущаю ее, когда, наложив смуглый тон, готовлюсь к первому выходу.

...Еще больше я почувствовала это внешнее и внутреннее «раскрепощение», раскованность танца — его полетность, его свободу и окрыленность — в моей самой последней и, пожалуй, самой любимой роли. Это Сари в балете «Тропою грома».

Роль эта трагедийна. Но дело не в том, что я люблю трагическое искусство. Новизна и современность Сари — в большой общественной значимости, психологической и социальной правде характера. Сари, белая, любит цветного. Ее любовь — вызов всем жизненным законам. Ее борьба за право на любовь становится борьбой с тем страшным, несправедливым и жестоким миром, в котором она живет...

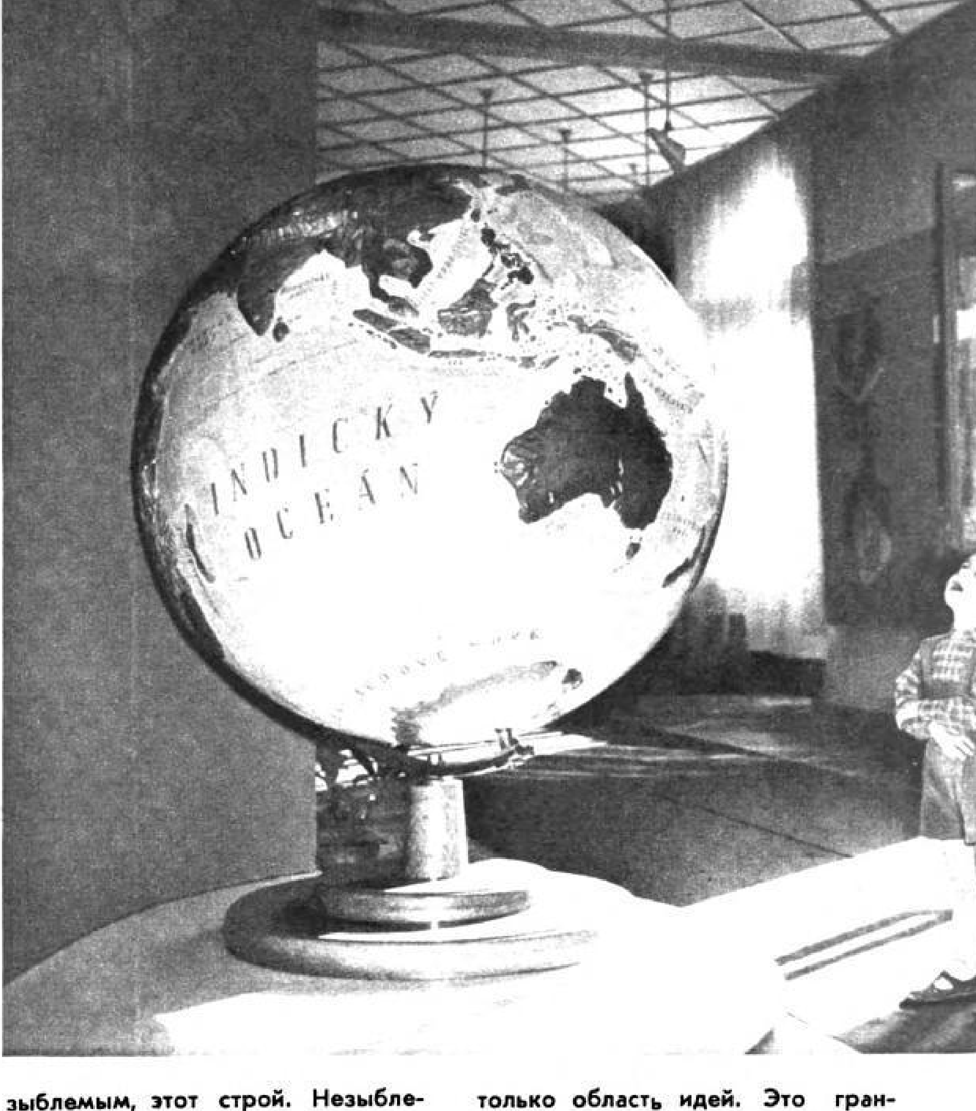
Как передать всю психологию, душевный мир Сари в танце? Как внести в танец мысль о современности, о партийности нашего отношения к тем событиям, которые мы изображаем? Не будет ли это прямолинейной вульгаризацией, огрублением образа? Но оказывается, что нет. Опять нет и еще тысячу раз нет!

Мы сознательно освободили танец Сари от всякого украшательства, бравурности, внешнего эффекта... Этот танец у меня как будто даже несколько угловат: высшее напряжение всех чувств рождает подчеркнутые, резкие линии вместо привычной округлости жестов. Рисунок танца меняется с той быстротой, с какой меняется настроение Сари в острой и сложной ситуации... И вот оно опять возникает — чувство полета,— счастливое и гордое чувство нашего сегодняшнего, боевого, обращенного к людям искусства.

Именно с этим волнующим чувством я отправляюсь на каждый спектакль. Мне кажется, с таким же примерно чувством приходит на взлетную площадку космонавт. А как подумаешь — и не только космонавт! И моряк таким же окрыленным поднимается на корабль и хлебороб берется за штурвал комбайна... И не может быть иначе: всякому полету предшествует длительный труд! На то он и полет!..

ДЛЯ ТЕБЯ, ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ!

Г. ГУРКОВ, А. СЕРБИН

«Тайм» опубликовал рисунок. Земной шар, опутанный хитросплетением линий. Условные знаки рассыпаны по всем континентам...

Нет, это не карта американских космических полетов. Та выглядит намного скромнее. Орбиты, исчертившие страницу американского журнала — не маршруты звездолетов, а следы грязных земных дел. «Тайм» рекламирует один из крупнейших банков Соединенных Штатов Америки — «Ферст нэшнл сити бэнк».

Это реклама грабежа и смерти. Активы банка — 13 миллиардов долларов. Чертова дюжина миллиардов, составленная из пота и крови пролетариев мира. С этим банком еще в прошлом веке познакомилась Куба. Следом за головорезами из американской морской пехоты его эмиссары пришли на зеленый остров, чтобы заковать землю Кубы в долларовые цепи. Название банка с ненавистью произносят горняки Чили, на рабском труде которых выросла корпорация «Анаконда коппер майнинг компани», входящая в сферу влияния «Ферст нэшнл сити бэнк». «Стандард ойл» сосет нефть из песков Саудовской Аравии, и эта нефть превращается в золото в сейфах банка, который финансирует рокфеллеровского спрута. С американских военных баз стартуют самолеты с грузом атомной смерти — и банкиры радуются этому зрелищу: капиталы «Ферст нэшнл сити бэнк» вложены в военные авиационные компании «Боинг эйрплейн» и «Юнайтед эйркрафт».

Банк, который разрекламирован в «Тайме», может считать себя почти ровесником капитализма. Он ведет свое летосчисление с 1812 года.

Что сделано им за полтора столетия? «Мы партнеры прогресса во всем мире»,— хвалятся хозяева банка. Лжет журнальная страница, напечатавшая эти слова! Они не партнеры прогресса, а соучастники преступлений, содеянных в мире капитализмом.

На рекламе — руки, жадно протянутые к земному шару. Хищные, загребущие руки капитала, которые действительно еще не так давно сжимали всю нашу планету. Сжимали так, что кровь лилась по белоснежным накрахмаленным манжетам. Царство нищеты и бесправия, господство голода и войны на всей земле — всемирная система империализма.

Он казался самому себе незыблемым, этот строй. Незыблемым и вечным, как власть золота над людьми. Прочным и несокрушимым, как стальные двери подземных сейфов. Казался...

В наши дни глобальным аппетитам «Ферст нэшнл сити бэнк», ненасытной жажде наживы, с которой взирает на мир финансовая олигархия, положен предел.

Сегодня планета Земля борется, радуется, живет по другим законам.

«Империализм бесповоротно утратил власть над большинством человечества. Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человечества определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества».

Так сказано в проекте Программы Коммунистической партии Советского Союза.

История развивается в наш век с невиданной быстротой. В 1927 году в Москве вышла небольшая книжечка-справочник о коммунистических партиях мира. Вот что сообщалось в ней о коммунистическом движении на нашей планете.

В Румынии — около 1 000 коммунистов. В Польше — около 7 тысяч. В Китае—12 тысяч. В Болгарии — около 1 000. О коммунистах Венгрии сказано: «Численность компартии по конспиративным соображениям указать нельзя. Она работает в подполье и подвергается жестоким преследованиям». И потом далее: Италия — 23 тысячи, Франция — 60 тысяч...

Прошло всего три с небольшим десятилетия — и теперь армия коммунистов мира насчитывает в своих рядах 36 миллионов борцов за человеческое счастье. А сколько у них сторонников и последователей!

Коммунизм — это теперь не только область идей. Это грандиозная стройка, которая идет на Одере и Янцзы, на Волге и на Тисе. Это трудовые победы румынских нефтяников и польских горняков, это поднятая целина в джунглях Вьетнама, это сказочные полеты Гагарина и Титова.

Гражданина социалистического государства вы видите на фотографии, которая напечатана на этой странице. Жизнь паренька из Чехословакии только начинается. Весь мир открыт перед ним. Не тот, опутанный долларовой сетью мир, изображенный на рекламе «Ферст нэшнл сити бэнк», а другой — большой и светлый, полный радости и счастья.

Миллионы коммунистов ведут борьбу, чтобы жизнь этого паренька и всех его сверстников была счастливой. В социалистическом мире на страже этого счастья — мощь Советской страны, солидарность и дружба народов, вдохновенный труд во имя коммунизма.

Мы — современники великих свершений. Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза сделал еще ближе сокровенную мечту человечества — коммунистическое общество.

Напрасно тянутся к миру жадные руки империалистов, напрасно пытаются империалисты остановить ход истории, грозят войной, клевещут и злобно шипят.

Их время прошло!

«Величественное здание нового мира, возводимое героическим трудом свободных народов на огромных пространствах Европы и Азии,— прообраз нового общества, будущего всего человечества».

Так записано в проекте Программы КПСС.

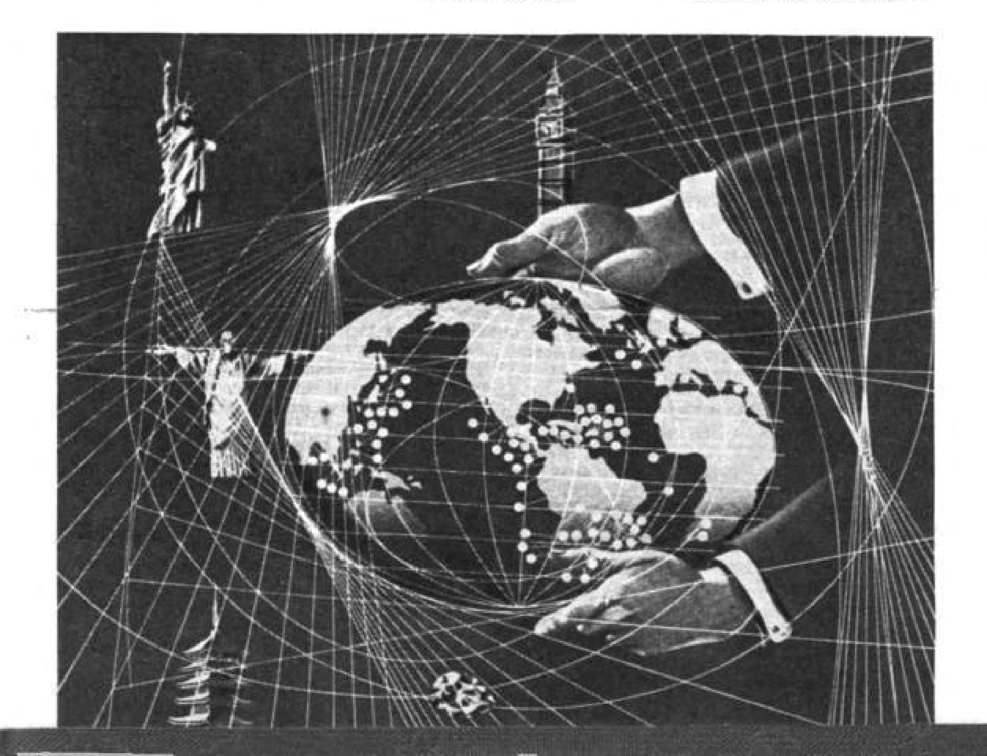
Мир знает, что коммунисты всегда выполняют свои программы.

PARTNERS IN PROGRESS AROUND THE WORLD

FIRST NATIONAL CITY BANK

NEW YORK

Member Federal Deposit Insurance Corporation

По поводу издания нового «кодекса морали» для чиновников США

Юлия ХРУЩЕВА

Недавно писатель Стейнбек предупреждал Эдлая Стивенсона: «Мы не можем надеяться сделать наших детей честными, хорошими людьми, когда город, штат, правительство и корпорации — все сулят бóльшую награду за интриги и обман, чем за честность и правду. Всюду мошенничество, Эдлай, на всех ступенях».

Мошенничество охватило весь государственный аппарат, въелось в души людей, стало ужасающим по своей обыденности явлением. Люди заболели... мошенничеством.

И вот для того, чтобы «вылечить больных», правительство США решило издать строгий «кодекс морали» для всех чиновников страны. В кодексе расписано все, что можно и что нельзя делать человеку, если он хочет сделать чиновничью карьеру.

«Служащий не только не совершает никаких проступков, но и должен быть выше подозрений».

«Запрещается принятие пожертвований, взяток, обычных или в форме «развлечений». В «кодексе морали» министерства внутренних дел не забыта и личная жизнь чиновников: «Личное и частное поведение служащего... также является предметом забот для руководства министерства».

Читаешь кодекс и думаешь: эта мера в такой же степени похвальна, сколь и бесполезна — нельзя, невозможно, записав на бумаге несколько общепринятых правил поведения, вылечить страну, людей, зараженных, отравленных, загубленных сумасшедшей погоней за деньгами. Все это можно сравнить с действиями врача, к которому привезли смертельно больного человека. Спасти его уже ничто не может. А врач растерянно суетится, вертит в руках крохотный кусочек пластыря и не знает, куда его прилепить... «Кодекс морали» — это тот же пластырь...

Не так давно разразился грязный скандал в нью-йоркском муниципалитете. Солидные, внешне респектабельные люди на поверку оказались беспардонными ворюгами, готовыми красть у каждого — у школьника, у измученного жителя трущоб — красть, красть, загребая жадными руками к себе, к себе, к себе.

Ну что здесь может сделать кодекс? Что он изменит? Вряд ли люди переделают себя, даже если вызубрят его наизусть, даже если они дадут тысячи клятв не воровать, не брать взяток, быть послушными, скромными и чистыми, как ангелы. Сама жизнь заставляет человека гнаться за деньгами, хватать их, совать в карман все, что плохо лежит. Новый кодекс можно было бы даже приветствовать, но, чтобы переделать человека, нужно сначала переделать саму его жизнь, строй, порождающий преступления.

Сверху донизу, от Вашингтона до самого захудалого местечка, мораль одна — хватай где можно! Правительственный заказ в первую очередь и по самым выгодным ценам получит, конечно, та компания, которая имеет «своего» человека в соответствующем ведомстве. И «свой» человек, который или раньше сам работал в этой компании, или собирается там работать, или женат на сестре президента этой компании, сделает все, чтобы выгодное дельце прошло без сучка, без задоринки. И, конечно же, компания найдет потом способ «отблагодарить» его. И неважно, запрещен этот способ «кодексом морали» или нет. «Ну как не порадеть родному человечку!» Смеются отцы бизнеса над «кодексом морали»,— деньги не пахнут!

В агентство печати «Новости» (АПН) пришло на днях письмо из США, в котором рассказывалось: В Лиме, штат Огайо, живет и здравствует судья Моран Дженкинс. Он обладает всеми пороками, какие существуют. Он садист, он берет взятки, принуждает своих клиенток к сожительству, подкупает свидетелей, подделывает судебные документы, запугивает юристов и свидетелей. Об этом все давным-давно знают, но у Дженкинса много друзей и покровителей в Американской ассоциации юристов. Какие кодексы ни составляй, с Дженкинсом не сладишь! Выручит его «банда» — они ни за что не дадут ему утонуть — они все в одной лодке. Они сильнее всех американских кодексов, они ничего не боятся, ибо тот, кто замахнется на них, замахнется на самое святое, что есть в этом обществе,— силу денег. Плевали они на кодексы!

Недавно мне попалась в руки книга двух американских журналистов: Тэда Прейджера и Лидса Моберли — «Бандиты Нью-Йорка». Они пишут о знаменитом американском бандите Альберте Анастазиа — главе «Треста убийц». На счету этого морального выродка более 200 жизней. Состояние его оценивалось в миллионы долларов. Он дважды привлекался к суду и дважды умудрялся выйти сухим из воды. В 1957 году в возрасте 54 лет он был сам убит одним из бывших «сподвижников» — что-то не поделили. Все, вся страна, все газеты, все судебные власти знали о его «мокрых» делах, знали десятилетиями и окружали его имя легендами. А Альберт Анастазиа спокойно делал свое дело: убивал — получал деньги, опять убивал — опять получал деньги, ходил в церковь, между делом возглавлял какой-то профсоюз в порту, «уважал» полицию, а полиция — его. Кто знает, какая часть его «заработков» осела в карманах городских властей? И в этих джунглях пытаться навести порядок изданием «кодекса морали»!

В Чикаго полицейские нередко служат наводчиками для воров и потом делят с ними добычу. Изменит ли что-нибудь в жизни таких полицейских новый кодекс? Кто может помешать такому «свободному человеку в свободной стране» делать свое бандитское счастье?

Известно, что авиационные компании устраивают щедрые угощения крупным генералам, чтобы получать правительственные контракты. Правда, новый кодекс налагает запрет на такого рода «устройство развлечений» для государственных служащих. Ну что ж. Нельзя, так нельзя. Можно и не пообедать. Можно получить наличными.

У колыбели Америки стояли великие люди: у них была высокая цель, они мечтали о свободном, гордом человеке, о его счастье. Америка тогда была символом прогресса. С тех пор прошло много лет. Не так давно в Филадельфии полиция арестовала человека. Он вслух на площади читал какой-то, как показалось полицейским, подозрительный документ. Он читал собравшимся Декларацию независимости. В ней великие американцы завещали высокие цели своему народу.

Эти цели сегодня попраны. И можно понять горечь Уолтера Липпмана, когда он пишет:

«В настоящее время народ наш не имеет великих целей, которых он сообща стремился бы достичь».

— Всюду мошенничество,— вторит ему Стейнбек,— на всех ступенях!

Вряд ли Америке поможет «кодекс морали» государственных служащих: все равно что мертвому припарки!

АПН

ИНТОНАЦИЯ ЖИВОПИСИ

Хороший актер может сказать самую простую фразу, например: «Дайте мне стакан чаю»,— так, что в интонации голоса вы почувствуете целый душевный мир: человек счастлив, огорчен, задумался, испуган... Живопись тоже имеет свой подтекст, свою «интонацию». Вы можете при взгляде на несложный, казалось бы, натюрморт — стакан, кувшин, сверток бумаги — ощутить вдруг душевную пустоту и даже страх; так писал, скажем, француз Брак. Но есть живопись оптимистичная по своему существу, живопись, которая учит радости. Эта радость оживает, к чему бы художник ни обратился: ветка березы, открытое окно, портрет девушки или старика...

Александр Герасимов учился живописи в годы реакции, наступившей после разгрома революции 1905 года. В то время, вспоминает он, «Москва окружила меня меланхолическими художниками, бледными, томными вернисажными девицами, какими-то нерожденными младенцами на полотнах выставок «Голубой розы» или «Золотого руна»...»

С этим трудно было примириться юноше, который приехал в Москву из провинции в поддевке, красной рубахе, в сапогах с медными подковками и принес с собою здоровое народное понимание красоты и силы.

«Я любил,— говорит художник,— останавливать тройку на лету, любовался грузчиками с восьмипудовыми мешками зерна за спиной, мне нравились задорные, звонко смеющиеся, румяные хозяйки постоялых дворов, я мог часами слушать гудение пчелиного улья...»

Для выражения этой любви нужен был свой живописный язык. Герасимову повезло: он учился у Касаткина, Серова, Архипова и у «самого жизнерадостного человека» — художника Константина Коровина. Они научили Александра Герасимова любви к яркому цвету и свету, вниманию к натуре и мужественному, сочному мазку, как бы передающему плоть и весомость мира.

...Коровин любил писать розы. Кончаловский бесчисленное количество холстов посвятил сирени. Герасимов тоже, как всякий живописец, любит писать цветы. «Я любил и люблю писать цветы,— говорит он,— люблю их писать залитые солнечным светом, в стекле с чистой, свежей водой».

Герасимов писал розы в простых стеклянных кувшинах и в вычурных старинных вазах, удваивал букеты роз отражением в зеркале, даже семейный портрет он написал, заняв на полотне главное место букетом огромных осыпающихся алых и белых роз. Еще на студенческой скамье Герасимов написал картину «Капельки росы» — сочные зеленые листья, и с них стекают капли прозрачной воды, сверкающей на солнце. Почти через 30 лет появилась картина «Капли дождя» — открытое окно, по небу несутся тучи, ветер рвет ветки березы и шевелит стоящий на окне букет сирени, а на оконном стекле — последние капли только что отшумевшего дождя... Герасимова всегда привлекал дождь, вымывающий цветы и листву, заставляющий их празднично сверкать. В картине «После дождя» соединились два любимых Герасимовым мотива — дождь и цветы, «залитые солнечным светом, в стекле с чистой, свежей водой».

Но главным объектом искусства для художника, конечно, всегда был человек, портрет.

«Портрет — это самое серьезное в живописи,— говорит Герасимов,— в задачу портрета входит остановить лицо человека и заставить его жить на полотне через столетия». И «через столетия» люди должны жить на холсте так же по-разному, как по-разному они жили в жизни. ...Молодая девушка в светлой кофте, вся залитая солнцем, сидит в дачном плетеном кресле. Она забыла книжку и глядит в сад, сама такая же юная и свежая, как листва, горящая под солнцем, как цветы летнего сада. Это портрет дочери художника. ...Медленно опустившийся в кресло седобородый старик даже в комнате не снял теплого, уютного пальто. Он зябнет от старости. У него старчески отекшие руки и неожиданно молодые, без тени усталости, умные, прищуренные глаза. Таким на фоне картин и книг, в привычной для него обстановке изображен Михаил Петрович Кристи — искусствовед и директор Третьяковской галереи.

Александр Герасимов — мастер портрета. Верный себе, он любит писать людей. И именно в портрете, особенно в портретах современников, раскрылся его талант. Достоянием мирового искусства стал созданный Герасимовым портрет В. И. Ленина; этот портрет печатался не раз на страницах «Огонька».

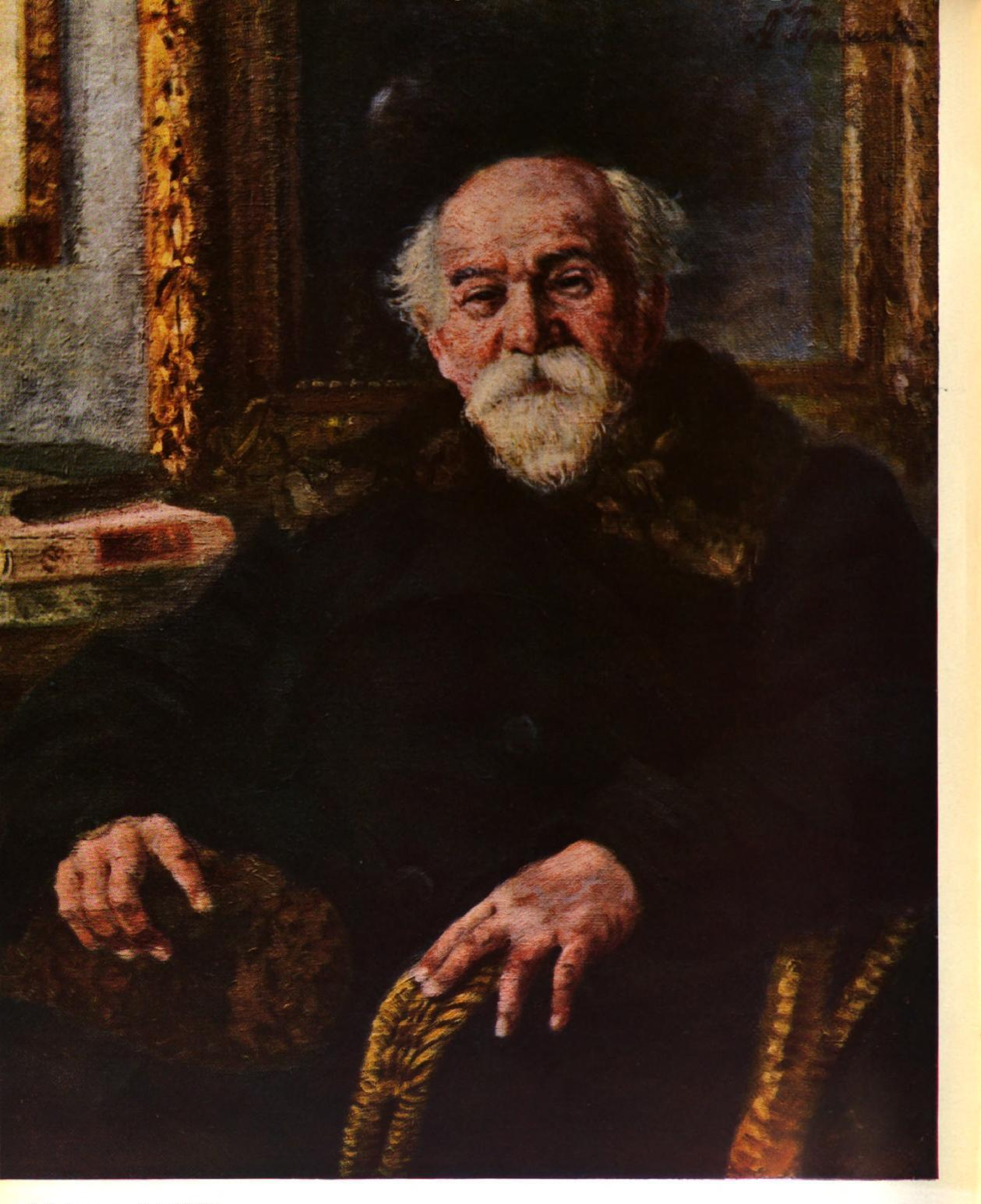
...Да, актер, конечно, может сказать ту или иную фразу, вложив в нее глубочайший подтекст, трагизм, темперамент. Но наиболее полно его дарование раскроется лишь тогда, когда его высокому душевному горению отвечают высокие, исполненные глубочайшего смысла идеи и образы. Наибольшего результата он достигнет только тогда, когда коснется вплотную души человека.

А. ЖУКОВА

А. М. Герасимов. ПОСЛЕ ДОЖДЯ.

«Огонек».

А. М. Герасимов. М. П. КРИСТИ.

Таинственная записка

А. Н. САБУРОВ,
генерал-майор, Герой Советского Союза

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Удачи и разочарования на станции Авромовская

Мы с начальником штаба Бородачевым сидели над картой, где были обозначены пути нашего продвижения к Припяти. Час назад Бородачев сообщил мне, что наш первоначальный план прыжка через Припять стал известен врагу. Танки из Хойников спешно переброшены в Брагин, лежащий на нашем пути. Вообще все дороги, по которым мы должны идти, обставлены танками. Следовало побыстрее перестроить отряды, уже находившиеся в движении.

В комнату штаба, громко топая, входит дежурный по соединению Бесонов — начштаба отряда Ревы. Он чем-то взволнован.

— Что случилось?

— Товарищ командир, взята станция Авромовская,— скороговоркой докладывает Бесонов.— Какие будут приказания?

Вот тебе раз! Тут что-то не так. До сих пор мы на правобережье Днепра избегали операций по захвату станций на оживленных железнодорожных путях. Это не входило в наши планы.

— Кто взял? Как это произошло? — спрашиваю у Бесонова.

— Разведка отряда Шитова вышла на станцию. Там словацкий гарнизон. Немного постреляли. Потом гарнизон убежал, я приказал Шитову быть готовым к занятию станции. Какие будут ваши приказания, товарищ командир?

— Красиво получается,— заметил Бородачев.— Сначала сами отдаете приказ, а потом уже спрашиваете, какие будут приказания у командира.

— Обстановочка заставила спешить, товарищ начальник штаба,— оправдывается Бесонов.— Опоздаешь, противник опомнится и снова займет станцию. Я и решил, пусть уже побудет она в наших руках, покуда наши отряды пройдут к Припяти. Полагаю, неплохо будет.

Отыскиваю на карте Авромовскую. Это небольшая железнодорожная станция, затерянная в лесах между Василевичами и Хойниками, правее нашего маршрута.

Пожалуй, действительно не так уж плохо. Теперь мы без помех со стороны Василевичей возьмем Хойники. Пока Рева будет их брать, остальные отряды могут благополучно переходить Припять...

— Хорошо получилось, товарищ капитан.

— Так ли уж хорошо, Александр Николаевич? — не успокаивается Бородачев.— Чтобы взять Авромовскую, хватило пяти разведчиков, а как расхлебывать будем? Противник наверняка всполошится. Шутка сказать — железнодорожная линия перерезана! Теперь жди удара со стороны Брагина. Нужно нам это, как мина под подушкой...

— Брагин нам не страшен,— говорит Бесонов,— там всего лишь батальон, да и тот словацкий.

— А Василевичи вы во внимание не принимаете, товарищ капитан? — уже резко перебивает Бородачев.— Там дивизия концентрируется...

— Тоже словацкая,— невозмутимо добавляет Бесонов.

— К сожалению, у вас старые и неверные сведения. По последним разведданным, туда прибыл полк «СС».

— Это, конечно, меняет дело.— Бесонов смущенно ерошит ладонью волосы.

Ясно одно: надо спешить с операцией на Хойники. Сегодня за ночь мы непременно уйдем отсюда, танки из Брагина не успеют нанести нам удар.

Не выходит из головы мысль: почему словаки так легко, почти предупредительно отдали Авромовскую горстке разведчиков?

Нужно поскорее добраться до Авромовской. Там была первая стычка партизан со словацкими войсками — на месте происшествия всегда остаются какие-нибудь улики...

Пара волов вытаскивает на дорогу мою «Татру» — легковую полубронированную машину, захваченную нами у командира фашистской дивизии при переправе через Днепр. В последние дни к большому неудовольствию Степана Лесина, моего шофера и ординарца, «Татра» частенько путешествует воловьей тягой. Ничего не поделаешь: слишком медленно движется наша колонна, да и пути не для автомобильных гонок.

Истосковавшись по рулю, Степан лихо ведет машину по лесной дороге. Она отчаянно подскакивает на ухабах, круто кренится в колдобинах.

Через час мы уже в Авромовской.

Исковерканное взрывом бомбы станционное здание. Все стены в оспинах от ружейных пуль. Вокруг валяются битый кирпич и куски штукатурки, не убранные после прошедших здесь фронтовых боев.

Справа — здание лесокомбината. На запасных путях сиротливо стоят товарные вагоны. Рядом с ними высокие штабеля просмоленных шпал.

Вхожу в станционное здание. Внутри пустынно, неприютно, шуршат на полу обрывки бумаги. Из полуоткрытой двери диспетчерской доносится голос Кости Петрушенко:

— Начальник станции Авромовская слушает вас. Да, да, здесь...

Осторожно открываю дверь. В диспетчерской полумрак. Окно занавешено черной маскировочной шторой. За столом сидит Костя с телефонной трубкой в руке. Он так увлекся разговором, что вначале не замечает меня. Другой рукой торопливо перебирает разбросанные по столу бумаги. Наконец находит чистый листок и быстро записывает. Подхожу ближе. Костя весело сверкает глазами и, очевидно, боясь, чтобы я не заговорил, делает предостерегающий знак. Наклоняюсь и в полумраке слежу за карандашом. «101-й словацкий полк, капитан Налепка»... Дальше не могу разобрать.

Костя закрывает трубку рукой, возбужденно шепчет:

— Окно, окно... не видно.

Отдергиваю штору. Вместе с тусклым светом пасмурного осеннего вечера в разбитое окно врывается холодный ветер. Бумаги летят со стола. Петрушенко удерживает свой листок и продолжает записывать: «Полк «СС». Обеспечьте встречу...»

— Партизаны? — переспрашивает в трубку Костя.— Нет. Не слышно... Что?.. А, спасибо, И вам, господин капитан, желаю... Не беспокойтесь, встретим как положено. До свидания...

Петрушенко осторожно кладет трубку на рычаг и, не отрывая от нее руки, молча смотрит на аппарат, словно ждет, что он опять заговорит, потом поворачивается ко мне и смеется, весело, заразительно.

— Интересно... Очень интересно,— говорит он, вертя в руке карандаш.

— С кем говорил?

— Вхожу в аппаратную, слышу звонок. Спрашивают начальника станции. Говорю: начальник станции слушает. Требуют к телефону командира взвода словацкого полка. Отвечаю: комвзвода отсюда далеко. Отлучиться не могу, один. И тогда, представляете себе... Нет, это просто невероятно... Он рекомендуется начальником штаба 101-го словацкого полка капитаном Налепкой и сообщает, что сейчас в Василевичах грузится и скоро прибудет к нам в Авромовскую двумя эшелонами полк «СС». Просит обеспечить встречу. Я обещал. Вот и все... Теперь надо думать, что нам делать.

— Кто говорил, немец?

— Нет. Акцент мягкий, на немца не похож.

— Твое мнение?

— Странно, очень странно. Передает по телефону первому встречному о передвижении войск... Не понимаю...

Мы сидим в диспетчерской и пытаемся разгадать, что бы это могло значить.

— При каких обстоятельствах была захвачена станция?

Петрушенко рассказывает, что он встретился с людьми Шитова, решил «прицепить» к ним Рудольфа и послал разведать Авромовскую.

— Рудольф — просто находка. Пошел сам на станцию, нашел их командира — сержанта и договорился с ним, чтобы они немедленно освободили станцию. Понимаете, они его послушали. Для самооправдания немного постреляли в воздух и ушли.

Ну, с Рудольфом ясно. А что это за Налепка?

— Давайте рассуждать логично. Представим себе, что со мной действительно разговаривал начальник штаба словацкого полка... Нет, чушь! Штабник, если он в здравом уме и твердой памяти, ни при каких обстоятельствах не будет разбалтывать по телефону секретные сведения. К тому же начальник штаба не может не знать, что его взвод уже давно покинул Авромовскую... Уверен, это не деловой разговор штабника. Значит, разговор нарочитый, деланный. Значит, он заведомо знал, что будет говорить с партизанами. Мне кажется... Да... Но зачем Налепке понадобился этот разговор? Допустим, Налепка наш тайный друг. Допустим, он искренне хотел предупредить нас о подходе эсэсовского полка. Нет, снова чушь!.. Ни один мало-мальски серьезный конспиратор не пойдет на такой отчаянный риск. Ведь этот телефонный разговор — почти неизбежный провал, а значит, арест, гестапо, смерть...

— Остается?

— Да, остается думать, что это провокация,— уверенно подытожил Петрушенко.

— Хотят отвлечь наше внимание, а сами ударят из Брагина, чтобы отрезать нас от Припяти,— вслух раздумывал я, вспоминая наш недавний разговор с Бородачевым.— Похоже на провокацию. И цель — задержать нас здесь возможно дольше.

Необходимо немедленно обезопасить себя. Вызываю Шитова. Его отряд должен выставить прикрытие от Брагина и от Василевичей. Шитов пришел скоро. В руках у него полевая сумка явно не нашего образца.

— Тут какие-то бумаги,— протягивая мне сумку, доложил он.— Обнаружена на квартире, где останавливался словацкий офицер. Очевидно, с перепугу забыл.

В сумке среди всякой дребедени несколько

Продолжение. См. «Огонек» № 38.

страниц тонкой бумаги. Убористо отпечатан на пишущей машинке текст на словацком языке. Костя нетерпеливо берет у меня эти листки и восклицает:

— О, опять он!.. Смотрите!

Действительно, внизу под текстом стоит подпись: «101-й полк. Налепка».

Костя приказывает разыскать Рудольфа. Тот является моментально, будто только и ждал вызова. Коротко поздравляем его с отличным выполнением первого партизанского задания. И, не успела еще краска нескрываемого удовольствия сойти с лица Рудольфа, Костя сует ему листки.

— Переведи!

Рудольф оказался своеобразным переводчиком. Слово в слово перевести текст он не сумел, объяснив, что это личный дневник и его автор пишет сокращенно. Рудольф смог понять только общую суть записей.

— Тут сказано про такое: штаб имеет сведения, что солдаты свободно ходят по домам, то значит — по тетушкам, по девушкам. Капитан боится, что его солдаты могут вести откровенный разговор. Он предупреждает, что солдаты могут встретить шпионов — врагов словацкого народа — и запятнать честь своего полка.

— Рудольф,— говорю я,— нас интересует Налепка. Вы не можете рассказать нам о нем подробнее?

— Я ничего про него не знаю. Капитан — то есть большой для меня командир.

Мы отпускаем Рудольфа.

Костя задумчиво смотрит вслед ему и, как бы про себя, повторяет:

— Да, для него это большой командир...

А для нас большая загадка...

Снаружи доносятся крики: «Поезд идет, поезд!..» Мы выходим из станции.

Партизаны бегут вдоль полотна, занимают боевые места. Издалека чуть слышно доносится стук колес.

Значит, Налепка не обманул!

Мы с Костей Петрушенко тоже бежим по шпалам — туда, к Шитову, уже успевшему развернуть свой отряд. Насыпь высокая. По сторонам лощина и заросли мелкого кустарника. Успел ли Шитов заминировать полотно? Стук колес отчетливо слышится в лесу. Тяжело пыхтит паровоз. Бойцы привычно расположились в кустах по обе стороны насыпи.

Навстречу поднимается Шитов.

— Товарищ командир, в засаде сто десять стволов.

При таком вооружении можно удержать под надежным обстрелом только небольшой воинский эшелон.

Над опушкой уже отчетливо виден дымок... Из леса огромной змеей выползает поезд. Почему так медленно? Ждет засады?..

Пар с шипением вырывается из трубы паровоза, стелется по крышам вагонов, и кажется, поезд вот-вот остановится. Машинист, будто почуя беду, высунулся из будки, внимательно оглядывает полотно. Да, видимо, в вагонах ждут, не обнаружат ли себя партизаны.

Состав ползет мимо нас. За паровозом классный вагон, дальше теплушки. Отсчитываю про себя вагоны: пять, десять, пятнадцать, а конца нет. Несколько вагонов уже вне обстрела. Я намереваюсь скрытно перебросить несколько пулеметов к передним вагонам, но тут, наконец, раздается взрыв. Клубы пара, дыма, копоти заволокли паровоз, часть эшелона. Лязг буферов по составу, что-то с грохотом катится вниз под откос...

И вдруг наступила тишина. Смотрю, на рельсах нет паровоза и всего лишь нескольких вагонов. В теплушках же двери по-прежнему закрыты. Почему медлят те, кто в вагонах? Что готовят?

Ждать больше нечего. Нажимаю на спусковой крючок, и тут же тишину разрывает дружный залп. Вагоны молчат. Молчим и мы, снова тишина. Все двери по-прежнему закрыты.

В хвост состава бежит Костя с пулеметчиками. И вот они уже на полотне. Еще секунда, и дверь предпоследнего вагона с грохотом раздвигается. И оттуда вырывается... громкий девичий крик:

— Стойте, не стреляйте!.. Свои!

В широком проеме двери появляется девушка. Невысокого роста. Светло-голубое пальто, отороченное белым мехом. Белая шапочка. Высокие желтые сапожки. Этакая фифочка. Попадались на нашем пути такие...

Рядом со мной встает Лесин. Его автомат поднят. Он смотрит на девушку сквозь прорезь прицела, держа палец на спусковом крючке. Резко ударяю по стволу. Сухой выстрел бьет в землю...

Откуда ни возьмись, за спиной у меня появился Рудольф. Он крайне взволнован:

— Не стреляйте! Это наша девушка. Из столовой...

И тут я узнаю Галю! Да, невероятно, но это именно она.

Из вагона выскакивают женщины. Смеясь и плача, обнимают партизан. Открывается дверь последней теплушки. И там тоже женщины — взволнованные, радостные, бегут к нам.

Галя сбегает с насыпи и бросается к Петрушенко. Костя резко отворачивается. Галя понимает и смущенно отходит в сторону.

Партизаны быстро раскрыли двери всех вагонов. Они пусты, совершенно пусты.

Костя подходит ко мне.

— Хорош гусь, этот капитан Налепка! Ловко он нам подсунул эшелончик женщин вместо эсэсовцев.

Нас окружает толпа женщин. Жмут руки, крепко обнимают, целуют, плачут...

— Да откуда вы? Господи, не верится!..

— Вот вы откуда на наши мины приползли? — резонно откликнулся кто-то из партизан.

В ответ сбивчивый разноголосый говор. Оказывается, женщины из Василевичей. Их мобилизовали грузить шпалы, которые заготовлены здесь, в Авраховской.

Даю распоряжение отвести всех на станцию, а вагоны сжечь. Подхожу наконец к Гале. Она стоит в стороне в группе девушек. Резко выделяется своим нарядом.

— Вы что, специально так нарядились, чтобы было удобнее шпалы грузить? — с нарочитой суровостью обращаюсь к ней.

Галя бормочет что-то невразумительное.

— Странно... весьма странно...— Я стараюсь говорить как можно громче, чтобы всем было слышно.— А ну-ка, идите со мной!

Только отошли в сторону, Галя заговорила быстро-быстро:

— Ой, как я рада! Так и думала, что вы где-то здесь. Тут такая молва, будто вас целая армия идет на Берлин... Я вас решила искать, пока не найду. А тут как раз узнала, что женщин за шпалами посылают. Авраховская-то ближе к лесу, ну, думаю, и мне по пути будет. Вот не гадала, что удачно так сложится...

Хочется расспросить у Гали, как она преодолела все, что встретилось ей на ее нелегком пути, как удалось устроиться в столовой. Но сейчас нет для этого времени.

Я не успеваю ничего сказать, как нас догоняет Петрушенко.

— Беговцева нашла? — с нетерпением спрашивает он Галю.

— Нашла. Только долго искала. Последнее время ему пришлось туго. Он три раза менял адрес. Передал вам письмо и посылку.

— Давно ты от него?

— Он дней пять назад приезжал ко мне.— Галя улыбнулась.— Ой, бог мой, вы же не знаете, я работаю теперь в офицерской столовой в словацком полку!

— Мы знаем,— говорю я.

Галя удивилась, но не спросила, откуда нам это известно. У Кости уже готов очередной вопрос:

— В Василевичах на станции никаких других эшелонов не было?

— Составов там несколько стояло. Станция эсэсовцами забита. И по вагонам сидят.

Стало быть, Налепка насчет эсэсовцев все-таки не соврал. Он играл хитрее, не упомянув одну маленькую деталь: что перед эшелонами с войсками «СС» пойдет профилактический эшелон с ни в чем не повинными людьми. Можно было подумать, что, когда он разговаривал с Костей по телефону, за спиной у него стоял эсэсовский офицер.

Но все было тихо. Со стороны Василевичей никаких поездов больше явно не предполагалось.

Мы подошли к оставленному партизанами еще горячему костру.

— Так где же эта посылка и письмо? — спросил Костя.

Галя слегка смутилась.

— Они у меня запрятаны. Я сейчас.— Она отошла в сторону и быстро вернулась. Протянула Косте конверт и маленький плоский мешочек из сурового полотна, тщательно перевязанный шпагатом.

— Ну, посмотрим, что прислал нам этот хваленый Беговцев,— не без ехидства заметил Костя.

Я знал: Костя не очень доверял Беговцеву. И в этом не было ничего удивительного. Петрушенко прилетел к нам из Москвы незадолго до рейда и был знаком с ним лишь по нашим рассказам, а биография Беговцева действительно не внушала особого доверия. Но сейчас у меня не было настроения вступать в

спор: я думал о Гале. За последние месяцы она очень изменилась: как-то повзрослела, даже внешне стала иной, словно подросла; и похорошела.

Костя развязывает шпагат, перочинным ножом аккуратно вспарывает мешочек и достает из него горсть бобов, обыкновенных бобов.

— Отлично,— говорит он саркастически.— Имея такого разведчика, партизаны с голоду не помрут.

— Чудит Беговцев! — сердится Галя.— Десять раз повторял: «Как зеницу ока храните зерна, барышня, чтобы ни один боб не пропал».

— Дай платок, Галя,— говорит Костя.

Галя присаживается на корточки возле самого костра, расстилает носовой платок на коленях. Костя осторожно высыпает на него бобы и внимательно осматривает, ощупывает мешочек.

— Больше ничего. Пусто.

Бобы лежат на платке, словно разноцветные морские камушки.

— Ты что-нибудь понимаешь, Костя?

— Пока нет. Но еще есть письмо.

Петрушенко вскрывает конверт и медленно читает:

«Братья во Христе!

Пишет раб Божий, покинувший вас. Горе мне, грешному: не в райских садах пребываю — в геенне огненной. Но не ропщу, на все воля Господня.

Посылаю плоды земли нашей. Знайте: не плевелы это — кладезь истины.

Не скоро, не просто познать слово Божие. Однако сказано в Писании: толците — и отверзется вам. И откроется истина. И насытитесь ею».

— Шифр? — спрашиваю я.

— Нет, это не мой шифр.

— Ну до чего же крючкотвор! — возмущается Галя.— Так законспирировал — ничего не поймешь. А почему? Потому что трус. Боится, как бы не раскрыли его, если меня возьмут по дороге. Все твердил: «Заберут письмо, скажите: от старика-баптиста везете в Брянскую общину. А бобы рассыпьте, непременно рассыпьте. Помните одно: бобы и письмо не должны попасть вместе в чужие руки».

Но Костя уже не слушает Галю.

— Однако не дурак,— говорит он.— «Толците — и отверзется вам». Ясно!

Костя берет одно из зерен и осторожно разрезает его. Боб распадается на две равные дольки. Мы внимательно рассматриваем их, пробуем на вкус — пресная мучнистая масса. Костя повторяет опыт, потом еще и еще раз — и опять то же самое.

— Да-а, задал нам загадку старик,— задумчиво смотрит на бобы Костя.

Они все одинаковые, только одни темно-коричневые, другие в крапинку.

Я подбрасываю в костер сухую еловую ветку. Она вспыхивает, и Галя, тихо вскрикнув, испуганно отодвигается назад. Несколько бобов падает в тлеющие угли. Мы с Костей бросаемся к костру, вытаскиваем из углей зерна.

— Вон еще одно! — кричит Галя.

Она боится рассыпать оставшиеся бобы и показывает куда-то в огонь, не может пошевелиться. Мы же ничего не видим. Тогда Галя быстро завертывает зерно в платок, наклоняется над ним и восклицает:

— Смотрите, смотрите! Он расплавился... Воск это!

Действительно, темно-коричневый боб стал светло-желтым и легко мнется под пальцами. Костя осторожно разрезает зерно. Внутри — свернутый тугим жгутиком листок папиросной бумаги. Он весь исписан мельчайшими знаками.

— Бинокль! — просит Петрушенко.

После него смотрю я. В линзах видно: в верхнем левом углу листка стоит «№ 8», а дальше — сплошные ряды цифр.

— Мой шифр! — радостно объявляет Костя.

Осторожно просматриваем все зерна. Примерно каждый пятый боб искусно слеплен из воска. И внутри — жгутик папиросной бумаги.

Стараясь не дышать, раскладываем по порядку тонкие листики на Галином платке. Последний помечен двадцать девятым номером, но нескольких номеров нет; очевидно, эти бобы сгорели в костре.

— Диктуйте, Александр Николаевич.

Вооружившись биноклем, читаю скучные, ничего не говорящие цифры. Потом Костя вынимает из кармана записную книжку, начинает расшифровку — и карандаш переходит ко мне.

Минут через сорок перед нами лежат обрывки донесения Беговцева:

«... и наконец обосновался все в том же Остроге у местного ксендза. Думаю здесь перезимовать.

...Гестапо крайне заинтересовано словацким офицером Репкиным. Перехвачена записка Репкина, устанавливающая его связь с белорусскими партизанами. Гестапо считает его руководителем хорошо законспирированного подполья советской ориентации. Приняты меры к розыску Репкина, но пока тщетные. Со своей стороны пытаюсь связаться с Репкиным. Делаю это деликатно — боюсь спугнуть.

...В лесу под Винницей ставка Гитлера. Туда съехалось все высшее командование: решался вопрос о Сталинграде. В сентябре под Сталинградом был генерал Цейплер, кажется, начальник штаба сухопутных войск (уточняю). Информацию его приняли на совещании за основу: русские больше не располагают оперативным резервом — их основные силы израсходованы в летних боях. Гитлер закончил совещание словами: «Пора кончать с этим городом — он превратился в пожирающий фокус». Ответственность за взятие Сталинграда возложена на командование 6-й армии...

...прибыли два крупных резидента. Получили задание лично от Гиммлера. Отправляются в словацкую дивизию. Маршрут: Винница — Мозырь. Дата выезда из Винницы на машинах: девятнадцатого-двадцатого ноября. Задача: раскрытие в словацкой дивизии предполагаемого подполья и Репкина. Дополнительное задание: «заняться изучением микробов». (Простите, так зашифровано ваше соединение. Очевидно, потому что микробы быстро размножаются.)».

Продиктовав о резидентах, Костя на секунду задумался, посмотрел на меня. И продолжал:

«...Галей доволен: умна, настойчива, достаточно опытна, хорошо умеет носить любую одежду. Несколько раздражает излишняя эмоциональность, но она со временем пройдет. Меня искала и нашла умно, осторожно, с большим тактом настоящего разведчика. Возвращение Гали к вам будет ее «государственным экзаменом».

Жду инструкций.

Беговцев».

РЫЦАРИ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ КОРОЛЕВЫ

Л. КАФАНОВА, Р. ЛИХАЧ,
специальные
корреспонденты «Огонька»

У края огромного кукурузного поля остановился крытый выцветшим брезентом «газик». Из него выпрыгнули девушки.

— Вот он, Лисичников. А вы не верили,— сказал шофер, указывая на стоявшего рядом невысокого черноволосого паренька. Девушки неожиданно громко рассмеялись.

— Мы думали, что у вас лицо в морщинках и борода седая.

— Почему?

— Да все говорили: «Чародей, чародей». А волшебник-то должен быть старым!

«Чародеем» назвал Никита Сергеевич Хрущев механизатора колхоза «Первое мая» Алексея Лисичникова. И слова эти подхватило все Забайкалье. Иначе и не назовешь человека, который не только доказал, что здесь, в сложных климатических условиях, при коротком и коварном забайкальском лете, можно выращивать сказочные урожаи кукурузы, но и обучил этому искусству десятки своих земляков.

...Одна за другой подъезжают к полю машины — собираются на очередной семинар слушатели школы передового опыта Алексея Лисичникова: кукурузоводы, механизаторы и агрономы всех районов Читинской области...

Рассказывают, что однажды спросили Ньютона, как все-таки удалось ему открыть закон всемирного тяготения. «Я думал об этом»,— сказал ученый. Пожалуй, точно так же мог бы ответить и Лисичников на вопрос, как же сумел он заставить кукурузу прижиться в суровом Забайкалье. С того самого года, когда, вернувшись из армии в родное Кокуй-Комогорцево, впервые посеял он здесь кукурузу, Алексей постоянно думал о ней. Лисичников много читал, изучал опыт знатных кукурузоводов, советовался с агрономами, смело, даже дерзко экспериментировал,— сколько их было тут, скептиков! — стараясь вырвать у «королевы» секреты ее высокой урожайности. И в конце концов он нашел свой, ни в каких книгах не описанный метод выращивания кукурузы, учитывающий специфические условия Забайкалья.

Вот Алексей стоит на краю поля, в кругу колхозников, и рассказывает, как билась нынче его бригада за урожай, как прошлой осенью, сразу после уборки, провели вспашку под зябь и всю зиму возили на поля удобрения. В мае, чуть отступили холода, в кратчайшие сроки посеяли кукурузу.

Несколько раз произносит Алексей: «Погода...» Даже удивительно, каким емким может быть иногда это простое слово! Она, погода, обернулась злой мачехой в пору июньских заморозков, грянувших в ночь на седьмое, когда на поле уже показались всходы. Алексей Лисичников, его друзья, услышав по радио, что ожидаются заморозки, сели на тракторы и до тех пор не уходили с поля, пока не закончили боронование на всех трехстах гектарах, пока не прикрыли землей нежные зеленые побеги. Так спасли кукурузу.

«Погода!..» Это слово звучит ласково, когда вспоминается щедрое на солнце нынешнее лето, и тревожно, когда Алексей заключает: «Надеемся собрать по тысяче двести центнеров зеленой массы с каждого из этих ста гектаров. Если погода не подведет...»

Нет, теперь уже погода не властна! Глубокие знания, высокая агротехника в сочетании с самоотверженным трудом победили ее. Алексей Лисичников перевыполнил свое высокое обязательство — с каждого из 100 гектаров он собрал не 1 200 центнеров, как обещал, а 1 225. И теперь уже не один Алексей Лисичников, а многие его ученики и последователи получают в Забайкалье высокие урожаи кукурузы.

...На трехметровую высоту поднялись увенчанные серебристыми метелками толстые, упругие стебли. Легкий ветерок играет шелковистыми хохолками набирающих соки молодых початков.

— Добрая кукуруза!..

— Алексей — прирожденный агроном. Сердцем чувствует землю, угадывает, что ей надо.

— А по-моему, нет. Он талантливый инженер. Техникой здорово владеет! Тут на одном занятии он при нас проводил междурядную обработку на повышенных скоростях. Ничего не скажешь, чародей да и только!

Так говорят об Алексее Лисичникове участники семинара.

Вот они, рыцари забайкальской «королевы»

Забайкальский «чародей» Алексей Лисичников.

— Ох, я его ненавижу! — в сердцах восклицает Галя.

— Вы оказались правы, Александр Николаевич,— заметно обрадованный, говорит Костя.— Старик Беговцев действительно опытен. Молодчина!

Мы сидим у костра, вслушиваясь, не идет ли все-таки со стороны Василевичей эшелон. Но нет. По-прежнему все спокойно.

Снова мыслями возвращаюсь к Налепке. Хочу спросить у Гали, не знает ли она его, но меня опережает Костя.

— Ты, Галя, из своих рук офицеров кормишь,— говорит он.— Не приходилось ли тебе начальника штаба сто первого полка обслуживать?

— Капитана Налепку? — уточняет Галя.— Все время у нас питается.

— Что можешь о нем сказать?

Галя отвечает, не задумываясь:

— Он службист. Между прочим, на днях такой случай был. Я принесла ему в штаб кофе. Он при мне начал по телефону звонить. Сообщал кому-то, что у него есть перехваченное письмо Репкина. Это тот самый Репкин, про которого и Беговцев пишет.

— Ну, и что он дальше говорил? — сразу цепляется за слово Костя.

— Дальше вроде письмо читал. Какие-то партизаны убили словацких солдат, а Репкин будто бы пишет словакам, чтобы не верили этому, что это фашистская провокация, что партизаны не хотят проливать кровь своих братьев.

Галя рассказывала о телефонном разговоре Налепки, а мне вспомнилась старушка — «секретарь райкома». И то, как офицер включил радио, а сам вышел. Очень похожая картина!

Мы с Костей так и уставились друг на друга. Попросили Галю рассказать, как же реагировал сам Налепка на письмо Репкина. Может, он как-то комментировал от себя это письмо? Но оказалось, что Галя, забрав посуду, вынуждена была вскоре уйти из кабинета Налепки.

Пора было покидать Аврамовскую. Костя сказал Гале, что теперь она должна ждать связи от нас, и велел ей присоединиться к женщинам, которые были собраны на станции. Вместе с ними она вернется в Василевичи. Галя простилась и ушла. Все было очень обыденно, словно уходила она не в стан врага, а к себе домой.

Мы с Костей медленно отправились искать Шитова.

— Слишком много случайных совпадений для одного дня,— глядя под ноги, не поворачиваясь в мою сторону, тихо говорит он.— Судите сами, Александр Николаевич. Мой разговор по телефону, рассказ старушки, этот Галин Налепка... Странно, везде мы на него натыкаемся. И кто же этот таинственный Репкин?

Послание к офицерам

Минуло две недели. За это время много было событий в нашей партизанской жизни. Но в словацком вопросе мы далеко не продвинулись. Правда, кое-что начинало решаться самим ходом жизни.

В Хойниках, например, которые брал отряд Ревы, произошло такое, о чем долго еще не могли вспоминать без негодования все партизаны соединения.

Словацкий взвод, который оборонял станцию Хойники, без боя отдал ее партизанам и отступил в город. В разгар сражения на улицах словаки стали отходить во двор комендатуры — сильно укрепленного опорного пункта, где засели немцы-эсэсовцы.

Едва словацкие солдаты появились во дворе, эсэсовцы открыли по ним шквальный огонь из автоматов. Словаки стали звать на помощь. Партизаны бросились в атаку на комендатуру, но вынуждены были отойти: уж очень плотным был огонь. Там погиб один из самых смелых и опытных командиров отряда Ревы, Николай Кочетков. Эсэсовцы перебили весь словацкий взвод.

К этому полю съезжаются колхозники со всей области...

Идут занятия в «народной академии».

За эти две недели мы ушли далеко за Припять. И всюду по пятам за нами двигалась словацкая дивизия. Когда мы останавливались, прекращала движение и она. И вот теперь подразделения дивизии обложили своими гарнизонами весь район в междуречье Припяти и реки Уборть, где мы по примеру Брянских лесов заложили свою партизанскую базу и готовили большой аэродром для приема самолетов из Москвы.

У нас уже насчитывалось несколько словаков, перебежавших к партизанам поодиночке. И Рева все шутил, что пора нам сформировать интернациональную бригаду.

В бою у села Скородного, где гитлеровцы пытались окружить нас, был момент, когда словаки открыли огонь по немецким частям. Словаки сумели все так обставить, что немцы не могли истолковать это иначе, как роковое недоразумение.

И все же, повторяю, в словацком вопросе мы далеко не продвинулись.

В большом селе Валавске, где несколько дней располагался штаб нашего соединения, на собрании командирского состава Богатырь предложил перейти к действенным мерам в отношении словацких войск. И в качестве первого шага — послать письмо словацким офицерам. Если они колеблются, письмо должно их подтолкнуть.

Эта мысль всем понравилась.

— Ты думаешь сделать это при помощи листовки? — спросил я Богатыря.

— Нет, зачем,— возражает он.— Надо Чембалыку послать письмо: или — или. Поставить ультиматум.

— Правильно! — поддержали командиры.

Почему именно Чембалыка назвал Богатырь? Я его понял. Во-первых, нам более или менее знакомы были по рассказам два офицера — Налепка и Чембалык. Если выбирать из них, то естественнее было остановиться именно на Чембалыке. Он представлялся нам более доступным. Ибо он не начштаба полка, как Налепка, а командир батальона, а значит, ближе к солдатам. По свидетельству Рудольфа, который служил в батальоне Чембалыка, его бывший командир — довольно умный человек, не очень-то любящий немцев; достаточно вспомнить хотя бы притчу Рудольфа о двух петухах, красном и черном. К тому же Чембалык с батальоном расположился совсем недалеко — в деревне Буйновичи. Рудольфу легко будет доставить письмо по назначению.

И мы садимся за письмо. Вот что в нем было:

«Фашистские войска на Восточном фронте несут большие потери в живой силе и технике. Немцы прикрываются войсками Венгрии, Румынии, Чехословакии и их же используют в тылу для борьбы с партизанами... Вы, как командир, отвечающий за судьбу своих солдат и их семей, должны понять, что вам придется отчитываться перед своим народом за каждого убитого и искалеченного солдата. Продолжать помогать фашистской Германии не только бесцельно, но и преступно. Мы, партизаны, предлагаем вам принять окончательное решение. Или вы будете продолжать борьбу в интересах Гитлера до последнего немецкого и вашего солдата, или перейдете на защиту народа своей родины. Наше отношение к вам и к вашим солдатам будет зависеть от вашего решения, с которым вы должны поспешить. Ваш ответ желательно получить при личной встрече в...»

И мы занялись на карте поисками места для встречи, словно уже были уверены, что она обязательно состоится.

— Если господин Чембалык соизволит отозваться на наше приглашение,— говорю я,— давайте укажем ему место встречи в Картеничах. От него недалеко. Мы переводим штаб туда.

— Кто пойдет с письмом к Чембалыку? — спрашивает Богатырь.

— Рудольфа пошлем.

Продолжение следует.

ПЕРВЫ

Первый колышек! Маленький символ большого дела. Первый колышек — это новый город и новое слово в науке, первый кубометр земли на месте будущего котлована электростанции и первая палатка будущего совхоза на целине.

Сегодня мы рассказываем о тех колышках, что «забили» советские люди за пять лет, прошедшие со времени XX съезда КПСС. Небольшое путешествие, которое мы совершили по их следам,— это рассказ об удивительно быстрых темпах нашего созидания, о том, как широко и уверенно шагает в коммунизм советский человек.

У КАЧКАНАР-ГОРЫ

А. ГРИГОРЬЕВ

Было это в году одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмом, в канун празднования сорокалетия Октября, и улицу — первенца города будущего — назвали Октябрьской...

...В таежной глуши Северного Урала сооружается один из крупнейших в стране горнообогатительных комбинатов. Строится он у горы Качканар, знаменитого железного утеса, железной целины, как ее иногда называют,— тут колоссальные нетронутые запасы руды. Почти восемь миллиардов тонн уже разведано, а ведь до многих богатств качканарских недр еще не добрались геологи.

Мне довелось побывать в этих местах четыре года назад, когда о громаде будущих корпусов можно было судить лишь по чертежам, а вокруг расстилалась бескрайняя тайга, среди которой то тут, то там белели полотняные городки строителей. Топорами и автопилами расчищали они чащобы леса.

Как изменился с тех пор здешний пейзаж! Там, где едва заметно вились лесные тропки, сверкают белизной домов улицы нового горняцкого поселка, а рядом растут красавец город, уникальные предприятия будущего комбината...

— Вы знаете, сколько у нас сейчас уже улиц? Двадцать семь! А жителей? Тоже не знаете? Уже за двадцать пять тысяч перевалило.

Это говорит Юрий Азаренко, невысокий светловолосый паренек, бригадир монтажников-высотников. Мы встретились с ним среди сложных сплетений металлоконструкций строящегося гигантского корпуса. С пятидесятиметровой высоты далеко видна панорама стройки. Азаренко рассказывает о ней с увлечением. Он считает себя старожилом: почти целый год на Качканаре работает. Обстоятельно, со знанием дела говорит он о строящихся больших обогатительных предприятиях, о гигантских механизированных карьерах, где будут добывать свыше тридцати миллионов тонн руды в год, о том, как из качканарского чугуна получат самую дешевую в стране сталь.

— А вон там будет море!

Юрий махнул рукой в сторону, где за густым лесом извивалась узенькая лента Выи.

1957 год. Первая палатка и первый дом.

Фото Е. Халдея

Й КОЛЫШЕК

1961 год. Вот он, новый город горняков!

Фото И. Тюфякова.

— Море в тайге,— правда, здорово? И название ему уже есть — Выйское.

Действительно, целое море воды понадобится железорудному гиганту для обогащения руды. Уже сейчас на реке Вые завершается сооружение плотины, которая образует колоссальное водохранилище, почти на сто миллионов кубометров воды.

Новому горнообогатительному комбинату понадобятся высококвалифицированные рабочие и специалисты. Ими станут многие сегодняшние строители. Сто сорок качканарцев учатся в местном филиале Свердловского горного института, более двухсот — в вечернем техникуме и почти триста — в вечерней средней школе.

...Все выше к небу поднимаются конструкции огромных дробильных и обогатительных фабрик, а по новой, недавно проложенной в тайге железнодорожной магистрали один за другим прибывают эшелоны с оборудованием, какого еще не знала горная техника... Только одна дробильная машина, создаваемая сейчас на Уралмашзаводе, сможет за час измельчить четыре тысячи тонн руды — около четырех тысяч железнодорожных составов в сутки. Она будет установлена в специальном корпусе крупного дробления, высота которого более тридцати этажей.

Далеко видно зарево огней, что полыхают ночью у знаменитой Качканар-горы. Растет город, растет комбинат, подымается железная целина Качканара...

Есть на Каме завод...

Май 1956 года.

Фото Г. Тюриной.

Август 1961 года. Там, где были леса и болота.

Г. ФУТОВ

Вот он, первый снимок из летописи большой камской стройки. Дата — 19 мая 1956 года, через три месяца после XX съезда партии. Смотрите, как пермские комсомольцы расчищали площадку для будущего гиганта электротехнической промышленности — завода «Камкабель». Перед тем как огородить колышками корпуса стройки, надо было осушить торфяные болота, выкорчевать густой лес.

Прошло пять лет, и теперь между Гайвой и Заозерьем, неподалеку от Камской гидроэлектростанции, выросли громады светлых цехов. Нет, кабельный гигант еще не готов. Стройка продолжается. Но уже третий год с берегов Камы во все концы страны и даже за ее рубежи ежедневно уходят десятки вагонов с барабанами нового кабеля различных сечений и расцветок: бронированные — для электростанций, буровые — для нефтяников, экскаваторные — для угольщиков, провода для тепловозов и электромашиностроения...

Новый завод будет не только самым крупным в Советском Союзе,— равного ему не найдется и в Европе. К концу семилетки он должен производить за год столько кабеля, что им можно будет трижды опоясать земной шар по экватору — более 120 тысяч километров.

Конец семилетки — это 1965 год. Но у камских строителей он наступит намного быстрее. Решено ввести завод в эксплуатацию на полную мощность на три года раньше, чем намечалось семилетним планом,— уже в будущем, 1962 году.

Мы идем по просторным цехам строящегося и в то же время уже работающего завода. Мощные краны возводят стены новых корпусов, а в «старых» (их уже называют так, хотя они переживают только младенческий возраст) гудят машины: одни скручивают в толстые жилы десятки медных нитей, другие одевают их в «рубашки» из хлопка, резины, капрона... А тут же рядом устанавливается новое, еще более совершенное оборудование. Вот уникальный пресс усилием в 10 тысяч тонн. Сейчас заканчивается его монтаж. Он сможет выпускать 25 тысяч километров кабеля в год. Скоро начнется монтаж и самого производительного в стране, полностью автоматизированного стана «250».

Рядом с «Камкабелем» уже забиваются новые колышки, намечаются границы новых предприятий: заводов трансформаторного, высоковольтной аппаратуры и других. Здесь рождается крупнейший в нашей стране электротехнический комбинат.

Люди прометеевой профессии

О. КУПРИН

На экране пустыня. Бредут не спеша верблюды. Бушуют черные смерчи. Пески, пески... Но это не пустыня. Нет. Это крышка от огромной газовой цистерны. Здесь спрятала природа несметные сокровища — газ. Там, где издавна пролегали трассы унылых верблюжьих караванов, уже намечена другая трасса — стальной арык на многие сотни километров, из Средней Азии на Урал.

...Воюет с песком трудяга «газик». Буксуют в песке колеса. Стоп! Остановка. Ветер вырывает из рук людей карту. Да, здесь... Здесь надо селиться. В песок вбивают первый колышек. На нем табличка «Газли». Это случилось пять лет назад, в марте 1956 года.

«Люди голубого огня» — фильм о человеческом мужестве, победившем пустыню, о людях прометеевой профессии. Фильм посвящен XXII съезду КПСС.

Посмотрите на карту: Средняя Азия и Урал. Степи, пустыни, бурные реки между ними. Человек решил перерезать их стальным ножом газопровода. Забил первый колышек, бросив вызов природе, и двинулся навстречу опасностям, удачам и бедам.

Один из людей голубого огня — Искандер Ходжаев. Он начальник колонны, инженер. Он заботливый сын, он музыкант, он просто веселый парень. Мать хранит его письма. Сын сообщает, что работа у него приятная, «не пыльная»; она и правда совсем не пыльная — мы видим, как Искандер бредет куда-то по пояс в воде, а потом выливает воду из сапог...

Есть у Искандера верный друг — Василий Бевзюк. Он тоже начальник колонны и такой же простой, хороший человек, как Искандер. Мы видим, как его колонна штурмует ворота Тамерлана — там трасса идет через скалы... Штурмовали три дня и три ночи. Четвертую ночь спали около костра, как солдаты на привале после трудного боя. И тем, кто видел их — авторам фильма, а потом зрителям,— вспоминалась старая фронтовая песня: «... не тревожьте солдат. Пусть сол-

«Здесь будет город заложен!»

даты немного поспят». Когда-то писатель Михаил Пришвин заметил: «У меня свое, у тебя свое, у него... А вместе — это Родина. Чувствовать вместе «свое» мы научились на войне». А эти парни научились вместе чувствовать «свое» здесь, на трассе. У каждого поколения своя история.

Трудное дело рождает большую дружбу. Пример тому — самый кинофильм «Люди голубого огня». Он тоже детище большой дружбы. Его делали друзья — две киностудии — Узбекская и Центральная студии документальных фильмов. Два сценариста — ташкентец Ибрагим Рахима и москвич Роман Григорьев. Снимали два оператора — Джалал Ахмедов и Олег Арцеулов. Текст написали Борис Агапов и Константин Симонов.

Большая дорога у людей голубого огня — от первого колышка до последнего рапорта. А впрочем, будет ли когда-нибудь последний рапорт? Не такие это люди. Забьют новый колышек и отправятся в новую дорогу, быть может, потруднее, чем та, которая осталась за плечами.

Стальная труба газопровода ползет к Уралу. Кадры из кинофильма «Люди голубого огня».

ЗЕМЛЮ СОТВОРИЛ ЧЕЛОВЕК

Вл. КРУПИН

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

«Почва Голодной Степи состоит из темно-серой глины; местами попадаются солонцы. Вода получается исключительно из колодцев и при этом почти всегда солоноватая или соленая. В летнее время Голодная Степь представляет собой сожженную солнцем, мертвую желто-серую равнину, которая при палящем зное и полном отсутствии жизни вполне оправдывает свое название... Стада угоняются в пески, улетают птицы, черепахи прячутся по норам... Здесь и там разбросанные кости верблюдов и лошадей и разметанные ветром куски стеблей зонтичных, похожие на кости, еще более усиливают гнетущее впечатление, производимое в это время Голодной Степью...»

Так охарактеризованы эти места в книге «Туркестанский край», изданной в 1913 году. Такой представляется с вертолета неосвоенная часть Голодной Степи, раскинувшейся на стыке трех среднеазиатских республик: Казахстана, Узбекистана и Таджикистана.

Ошибка, которой не было

...Владимир Камалов, пилот вертолета «МИ-1», приданного «Главголодностепстрою», около года не летал по трассе Ташкент — Самарканд.

Нынче, получив назначение в Янги-Ер, он шел туда обычным курсом, время от времени сверяясь с картой.

— Смотрю это я вниз,— поведал он мне,— и вдруг засомневался. На карте — пустыня. А подо мной — хлопковые поля. Ну, думаю, бывает: новые земли освоили. Иду дальше. Что за чертовщина? На карте — пустыня. А подо мной — город. Каменные двухэтажные дома. Еще какие-то солидные постройки. Карта у меня новенькая, шестидесятого года. Неужели ошибся? Связался по радио с отрядом, уточнил координаты. Все вроде верно. А через пять минут — опять городского типа поселок. И опять на карте ничего нет — ни хлопковых полей, ни автомагистралей. Отстают наши картографы от жизни. За год вся их география вконец устарела.

И верно, карты стареют в наше время с космической быстротой. В 1958 году, незадолго до XXI съезда партии, вышла карта Узбекской ССР. Новая карта республики издана теперь, накануне XXII съезда. Посмотрим, какие изменения произошли в той же Голодной Степи. От Сыр-Дарьи к пескам Кызыл-кумов потянулся голубой лампас Южного Голодностепского канала. Триста кубометров воды в секунду несет эта искусственная река, преобразуя мертвую равнину в плодородные земли. Янги-Ер — Новая Земля — так и называется юный город, новый центр наступления на целину.

Новый город на целине... Тут бы и вспомнить первую палатку, первый колышек, забитый в степи на месте будущего Янги-Ера. Долго и безуспешно искал я фото, которое запечатлело столь знаменательное событие. Один из строителей, закладывавших город, долго и напряженно вспоминал, как все начиналось, и неожиданно смутился:

— Запамятовал. Вагончики были. Сборные дома были. А был ли колышек?..

Внуки Фархада

— Колышка не было,— сказал Улугбек Юсупов, директор совхоза № 6, основанного в прошлом году.— Вагончики, правда, были. А потом заложили фундамент и построили двухэтажный кирпичный дом.

— Совершенно верно,— поддержал его Шомет Чекаевич Айтметов, управляющий трестом «Янгиерводстрой», — палаточного периода у нас теперь не бывает. Начинаем сразу с капитального строительства. Размах работ так велик, что иными, а тем более устаревшими методами здешнюю целину не поднимешь. И сроки поджимают.— Он кивнул на синюю обложку книги проекта Программы КПСС.— За двадцать лет такой рывок сделать надо!

Да, все, что мы сегодня делаем, пронизано ощущением необходимости того скачка, который предстоит нашему народу. И именно в Голодной Степи не раз вспомнишь, услышишь, повторишь одно из положений проекта Программы:

«В целях успешного решения задач коммунистического строительства и координации хозяйственной деятельности могут создавать в определенных зонах межреспубликанские хозяйственные органы (особенно по таким вопросам, как орошение...)».

«Главголодностепстрой» — как раз такая организация. Она олицетворяет содружество наций, на ее вооружении техническая и научная мощь всей страны. Две тысячи землеройных машин — не кетмень легендарного Фархада, а шагающие экскаваторы, землесосы, бульдозеры, скреперы — могут выполнить за год 150 миллионов кубометров земляных работ. Не помню точно, сколько подсобных предприятий — заводов железобетонных изделий, кирпичных, силикальцитных, деревообрабатывающих, ремонтно-экскаваторных и прочих — создано в Голодной Степи. Помню только, что простое перечисление их заняло у инженера В. А. Ронина добрую четверть часа, пока мы перебирались с одного объекта на другой. С такой базой внуки Фархада могут смело мечтать о том, чтобы превратить всю Голодную Степь в Гулистан — Землю Цветов. И не только мечтать.

...Весной 1958 года два садоводов старика, Халмат Хадыров и Мамур Хаджиев, выгрузили в голой степи машину саженцев. Много лет ждал этой минуты уста Халмат. Ради нее он работал землекопом на «Фархадстрое», потом поливальщиком на подсобном хозяйстве при Фархадской ГЭС. Ради нее перебрался в совхоз «Фархад». И вот персиковый сад, посаженный его руками в Голодной Степи, зацвел.

— Мечта, а не персики!— восхитился я, вонзив зубы в сладчайшую сочную мякоть.

— Мечта...— вздохнул уста Халмат, вкладывая в это слово свой, сокровенный смысл.

Она уже стала для него действительностью. Это и 250 гектаров совхозного сада и 50 тысяч га виноградников, которые закладываются на юге Голодной Степи, куда теперь перемещается из Самарканда центр кишмишного производства.

Для всех, для себя

В Голодную Степь зачастили гости. Из Азии, Африки, Европы, Америки. Туристы, корреспонденты, государственные деятели, ирригаторы. Грандиозный экономический, научный и человеческий эксперимент, который здесь совершается, не может не привлечь взоры.

Разное увидишь в глазах гостей: восхищение и недоверие, благодарные слезы и затаенную злобу.

Португальский профессор Пинто, человек весьма сдержанный и немногословный, сказал мне:

— Невероятно! Огромные масштабы. Трудно заставить себя поверить, что люди способны преодолеть такие трудности. И в такие сроки.

Садовод уста Халмат Хадыров — настоящий мастер своего дела.

Мертвая, выжженная солнцем равнина — такова Голодная Степь...

Но вот пустыню прорезали каналы. И на сотворенной людьми земле расцветает хлопок — дитя солнца и воды.

Когда над Голодной Степью палит солнце и термометр показывает 40° в тени, нет большей отрады, чем купание.

Этого городка еще нет на карте. Два года назад его не было и в действительности. Теперь здесь живут хлопкоробы, виноградари, механизаторы.

Трудностей, конечно, много. И, конечно, нелегко поверить, что ржавая, иссохшая в прах глина даст через десяток лет миллион тонн хлопка.

Наскоки стихии в здешних краях внезапны и опустошительны. Я сам видел нынче, как в течение нескольких часов увял и пожух хлопок, сожженный гармсилем — горячим пустынным ветром. Это было на небольшом, близком к Кызыл-кумам и недавно освоенном участке.

Вода! «Мать урожая», она может стать злой мачехой, если с ней неправильно обращаться. Излишки воды образуют болота по краям полей, выступают белой соленой коркой на пашне. Наука повела борьбу с опасностью в двух направлениях. С одной стороны — предупредить засоление, с другой — сократить потери воды.

Работа ученых и инженеров видна с воздуха, как на ладони. Серо-голубые стрелы бетонных лотковых систем разрезают на зеленые квадраты хлопковые поля. От них тянутся в борозды черные влажные змеи гибких шлангов. Семицветные радуги висят над прозрачными дождевальными агрегатами. Надувается за хвостом самолета серый шлейф химикатов. Идет сотворение земли!

Восемнадцать центнеров хлопка с гектара собираются взять в этом году в совхозе № 6. Еще весной никто на это хозяйство особенно не рассчитывал. Совхоз создан чуть больше года назад. Площади у него огромные — 5 500 гектаров. Освоить такой массив чрезвычайно сложно, если учесть, что одних поливальщиков в горячую пору требуется по человеку на гектар. А воды весной и в помине не было. Еще не подошла. И все-таки засеяли. Риск был большой, но строители обещали: в день, когда посевы потребуют влаги, она будет.

Вода, конечно, пришла. Подробности этой истории поведает в свое время летописец Голодной Степи. Он, может быть, расскажет и вот какую историю...

Работает на стройке один паренек. Что его потянуло сюда, в пекло, от вишневых садов Полтавщины, сам объяснить затрудняется. Работает скреперистом. Озорник, любит спорить с начальством, бражничает. Словом, не на самом лучшем счету. Хотя работяга. Аллах его знает, почему, но именно им заинтересовался один достопочтенный турист.

Он дотошно расспрашивал нашего скрепериста, только что вылезшего из тучи песка и пыли. Измазанный, изнуренный жарой и жаждой, тот отвечал односложно.

— Сколько зарабатываете?

— Полтораста.

— Жарко?

— Жарко.

— У вас тяжелая работа?

— Тяжелая.

— Вам не надоело все это?

— Нет.

— Вы откуда?

— С Украины.

— Родители там?

— Там.

— Зачем же вы здесь?

Парень молча усмехнулся.

— Вы чем-нибудь недовольны?

— Да.

— Это интересно,— оживился иностранец.— Чем же?

— Медленно строим.

— Не понимаю.

— Ну, быстрее построим — быстрее вода придет.

— А вам это зачем?

— Как зачем? Для себя, для всех. Простите, а вы кто будете?

— Ирригатор.

— Ясно.

— Все-таки жарко у вас здесь! — вздохнул гость.

— Жарко,— согласился скреперист.— А вы приезжайте годика через два. Мы тут, на Чардаре, такое море отгрохаем! На пять миллиардов кубометров. Покупаетесь, в тенечке посидите.

— Вы уверены?

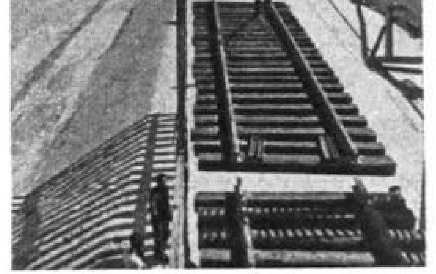
— А как же!

— Ну, что же, будьте здоровы!

— Будьте здоровы!..

...На этом можно было бы поставить точку. Но дело в том, что нам все-таки удалось найти палатки. На самом краю освоенных земель раскинулся целый палаточный городок. В нем живет несколько сотен тысяч жителей. И хотя у них еще временная прописка, но надо думать, что они прочно обоснуются в Голодной Степи. Это пчелы. Сюда, на цветущие хлопковые поля, вывозят их в ульях за сто — двести километров. Палатками же прикрывают пасеки от жары.

А колышков я так и не нашел. Правда, в совхозе «Фархад» сторож на винограднике показал мне место, где три весны назад из земли торчала сразу целая аллея колышков. Но, как оказалось при детальном выяснении, это были саженцы тала. И теперь там ласково лепечет листва густой и тенистой лесной полосы...

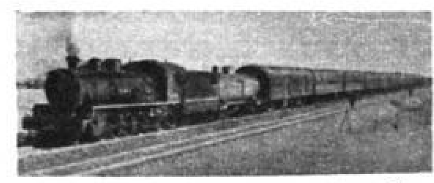
У станции Актогай начиналась стройка.

НА ПРОВОДЕ АКТОГАЙ

Строители пришли в Актогай пять лет назад. Вернее, не пришли, а приехали. Ведь Актогай — маленькая железнодорожная станция большой республики — Казахстана. Встречали их тепло. Они должны были превратить маленькую станцию в железнодорожный узел, проложить стальные пути к границе с Китайской Народной Республикой.

Прошло пять лет. Мы связались по телефону с начальником станции Актогай Кабшкеном Жашибаевым.

— Поезда идут. Все в порядке. Какие изменения за пять лет? Легче перечислить, что у нас не переменилось. Теперь тут целый городок. Электростанция, кинотеатр, клуб, магазины городского типа... Дорога проходит по некогда диким уголкам — там есть старики, которые и поезд-то увидели впервые. Возим мы теперь по этой дороге зерно, свеклу, рыбу. Много чего возим. Пассажиров, конечно. Хозяйство железнодорожное большое. Тепловозное депо построили. Многолюдная у нас теперь станция. Раньше всего-то работали тридцать человек, а сейчас сто пятьдесят еле справляются. Живем дружно. Недаром нашу дорогу называют дорогой Дружбы.

Идут поезда по дороге Дружбы.

В крутильном цехе опытного производства.

Фото Н. Романики.

Шелковый город

В. КОТОВ

Молодеет и хорошеет древний Чернигов. Новыми стройками, буйно зелеными скверами и чудесными садами гордится этот украинский город. А за околицей над Десной встает химический гигант семилетки — завод синтетического волокна. Его корпуса воздвигнуты на бывшем пустыре, где путалась узкая тропа и над одинокой березой шелковой паутинкой пролетало бабье лето. Начал сооружаться новый завод весной 1957 года. С комсомольскими путевками пришли сюда тысячи юных энтузиастов.

Минул год напряженного труда. Вступило в строй опытное производство с химическим, прядильным, крутильным и другими цехами. Этот миниатюрный завод готовит кадры для всего предприятия и выпускает черниговский капрон высоких сортов.

Освоено производство корда. Одна из партий ценного полуфабриката недавно отправлена шинному заводу. Кипит работа на комсомольской стройке. Здесь соревнуются за то, чтобы накануне XXII съезда партии сдать первую технологическую линию большого капрона.

Около 100 предприятий страны посылают грузы на черниговскую стройку. Крутильные машины и котлы прибыли из Ленинграда компрессоры, прядильные машины, холодильные установки и другое оборудование изготовлено рабочими городов Российской Федерации, Украины, Узбекистана.

В Чернигове открылся филиал Всесоюзного научно-исследовательского института легкого и текстильного машиностроения.

...Рождается новый город — Шелкоград. Вокруг одинокой березки разрастается посаженный руками комсомольцев парк Дружбы, а за ним сверкает железнодорожная колея. Разгоняя ветром серебристое кружево бабьего лета, пойдут шелкоградские эшелоны.

Из черниговского капрона будут изготовлять и одежду, и чулки, и меха, и много других вещей.

Фото Е. Умнова.

У «ВРАТ» СТОЛИЦЫ

Г. ВЛАДИМИРОВА

Деревня, зажатая железной дорогой и речкой Филькой, лежала узким длинным клином на самом въезде в столицу. Купцам из-под Можайска и Смоленска никак нельзя было миновать ее, и здесь, у западных «врат» города «сорока сороков», они приводили в порядок свои брички и подводы, груженные товарами, смазывали колеса, чистили сбрую, мыли коней. Может быть, поэтому и самую деревню назвали Мазиловом?.. Так или иначе, была она старой, древней, с темно-бурыми, осевшими по самые наличники в землю домишками. Да, впрочем, нужно ли говорить про деревню Мазилово «была»?.. Последние «осколки» ее можно увидеть еще и сейчас на широкой Кастанаевской улице, наполненной гулом самосвалов и грузовиков...

...Четыре года назад, в 1957 году, лирическую тишину Мазилова нарушили экскаваторы и бульдозеры. Здесь началось строительство нового жилого массива. Разом, дружно, точно грибы в лесу после теплого дождя, пошли в рост сами дома; розово- и красно-белые, светло-серые и кремовые. Жилые дома и отдельные корпуса для магазинов и школ, поликлиник и разных мастерских. И вот уже целый городок пестрит яркими, веселыми красками среди бережно сохраняемых мазиловских садов.

Там, где по пыльным ухабам тянулась грунтовая главная улица деревни Мазилово, пролегла широкая асфальтовая гладь Кастанаевской улицы. Посредине ее, где еще под высокими мачтами светильников стоят сегодня деревенские избушки, возникнет торговый и административный центр. В подземное железобетонное ложе ушла речка Филька, послушно уступив дорогу голубым экспрессам. Скоро здесь к станции «Пионерская» пойдут поезда метро, и тогда к центру столицы сразу приблизится ее новый микрорайон.

Вот каков он, еще один «колышек», московский!

АФРИКА ИМЕЕТ ФОРМУ СЕРДЦА

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Рисунки В. ИНЮТИНА.

Бремя белых

Вдали прилив работает, как сердце.
Ночь на беседу собирает всех.
Здесь русский доктор, инженер
венгерский,
Директор выставки — веселый чех.

Еще пришел поляк, ехидный парень.
Он с кем-то громко спорит в темноте.
Потом француза к нам привел болгарин,
Корреспондента из «Юманите».

У немца, что сидит со мною рядом,—
Высокий лоб, железно сжатый рот...
Альфред, ты помнишь, как под
Сталинградом
Читал стихи ты в рупор через фронт?

Настала эпоха больших перемен,
Но чувствую, что временами
Из зарослей прошлого
Джентльмен
Подглядывает за нами.
А вы опоздали с принятием мер,
В болото истории влипли.
Убирайтесь подальше, почтенный сэр
Джозеф Редиард Киплинг.

Мы все друзья: кто по застенкам тюрем,
Кто по фронтам и встречам мирных дней.
Сошелся весь наш мир в миниатюре —
Большое в малом иногда видней.

Но мы воспоминаньями не будем
Тревожить души, потому что здесь
Заботы привалило белым людям,
О том и разговоры вечер весь.

Когда прибудет танкер из Плоешти?
На стройке института как дела?
Здесь белый человек врагом был прежде,
Нас в Африку лишь дружба привела.

Заслуженный мастер интриг и измен
В стетсоновской мятой панаме,
Из зарослей прошлого
Джентльмен
Подглядывает за нами.
А вы опоздали с принятием мер,
В болото истории влипли.
Убирайтесь подальше, почтенный сэр
Джозеф Редиард Киплинг.

Мы посланы сюда самой свободой,
Готовой поделиться всем, что есть,
Чтоб снова племена сошлись в народы
И край несчастный снова мог расцвесть.

Пот жжет глаза. В ушах трезвонит хина.
Все гуще сумрак, душный и сырой.
А все ж земного шара половина
Уже идет за нашею зарей.

...Горжусь, что побывал на этой встрече,
Что до вершины века дожил я,
Что бремя черных и себе на плечи
Взвалили мы, как братья и друзья.

Настала эпоха больших перемен,
Но чувствую, что временами
Из зарослей прошлого
Джентльмен
Подглядывает за нами.
А вы опоздали с принятием мер,
В болото истории влипли.
Убирайтесь подальше, почтенный сэр
Джозеф Редиард Киплинг.

Озеро Того

Вот и увидел я озеро Того,
Молча стою над его красотой.
Кажется мелкой и грустной немного
Взрослая встреча с мальчишьей мечтой.

На берегу, возле озера Того,
Жалкий зверинец, пустой ресторан,
Полчища мух над стаканами грога,
Клетки угрюмых и злых обезьян.

Лучше осталось бы озеро Того
Маркою редкой в альбоме моем.
Плещет волной не купель носорога,
А малярийный густой водоем.

Но посмотри — вон по озеру Того,
Пересекая его по прямой,
В сторону хижин уходит пирóга.
Кто там из города едет домой?

Доктор, рожденный у озера Того,
Но побывавший в краях, где снега,
В шляпе и куртке, застегнутой строго,
Жадно глядит на свои берега.

Смотрит влюбленно на озеро Того
Тот, кто вакцину в пирóге везет.
Тихое счастье, святая тревога,
Тысяча новых сыновних забот.

Пусть же отныне на озеро Того
Буду смотреть я глазами того,
Кто донесет до родного порога
Ящик с вакциною, как торжество.

Мэмми

Торговки уличные — мэмми,
Веселые и в дождь и в зной,
Не разобрался я в системе
Торговли вашей разбитной.

По ослепительным базарам
Бродил я, наблюдая вас.
Там ни одной улыбки даром —
Три пенса выложи тотчас.

Но что касается товаров,
На них довольно вялый спрос.
Лишь горьковатый запах варев
Щекочет мальчуганам нос.

Здесь перец, банки, тряпок ворох,
Кошачий хвост, перо орла.
Весь день в горячих разговорах,
А вот уже и ночь пришла.

Но как гвардеец, разводящим
Забытый на своем посту,
Копилку водрузив на ящик,
Все смотрит мэмми в темноту.

А за спиною спит сыночек,
А тот, что старше, ползунок,
Все «мэмми» ласково лопочет
У пыльных материнских ног.

Противником торговли частной
Я прожил весь свой век, но вам
Желаю барыша и счастья —
Поверьте искренним словам.

Здесь стал базар народным вечем,
За морем займов не прося,
Первейшим словом человечьим
Вас величает Гана вся.

И, кажется, приходит время
Признаться самому себе,
Что некого назвать мне «мэмми»
В моей кочующей судьбе.

Башня в Ибадане

(Надпись и комментарии)

«Эта башня поставлена в память
Сэра Роберта Листера Бауэра».
(По-английски исписанный камень
Сотней ливней оч щен от траура.)
«Первый был резидент в Ибадане
Этот рыцарь Британской империи».
(В бурях века не слышно рыданий
И громов полевой артиллерии.)
«Убедил он народ йоруба
Жить в союзе с британской короной».
(Непокорные головы рубит

На скаку жандармерия конная.)
«Храбрость, воля, характер прекрасный —
Вот за что он снискал уважение».
(Дым пожара вполнеба распластан,
Снова Томми пошли в наступление.)
«Лихорадкою желтой сраженный,
Спит здесь рыцарь Британской империи».
(Башня, словно осколок граненый,
Крепко впившийся в тело Нигерии.)

Видение свободы

*(Стихи, написанные
за поэта Агостиньо Нето)*

Мой друг Агостиньо Нето
Лично мне незнаком,
Я не видел врача и поэта,
Не владею его языком.
В душной тюрьме Анголы
Он лежит, избитый, больной.
Постель его — камень голый,
Пытают его тишиной.
Лежит он больной, избитый
Среди окровавленной тьмы.
Волны великих событий
Разбились о стены тюрьмы.
Но если б сквозь камни сырые
Проник хоть единый звук,
Песнь о «Санта Марии»
Сочинил бы мой гордый друг.
И пускай мы с ним незнакомы,
Я берусь написать за него,
По его стихотворным законам,
Пряча рифму за болью живой.

Дым теплохода на горизонте,—
Лучше не троньте — это свобода!
Пусть португальский в страхе диктатор,—
Через экватор, яростным галсом
Мчится к Анголе «Санта Мария»,
И позывные — песня о воле.
Слушай, Европа, голос колоний:
Строй обреченный катится в пропасть!
Слышат в Анголе тюрьмы сырые
«Санта Марии» голос веселый.
Полон надежды зов теплохода,
Голос народа, грозный и нежный.

Я за поэта Анголы
Эти стихи написал.
Постель его — камень голый,

Зарешечены небеса.
История «Санта Марии»
Сошла со страниц газет,
Но тихие позывные
Оставили громкий след.
И силы на свете нету,
Чтоб двинуть историю вспять.
Мой друг Агостиньо Нето,
Нам солнце будет сиять.
Поэты единой боли —
Я верю, настанет час,—
В свободной твоей Анголе
Мы встретимся в первый раз;
В Лоанде, под легкой крышей,
По-братски — рука в руке —
Стихи мы вдвоем подпишем,
Как важное коммюнике.

И, радости не скрывая,
Придя к соглашенью сторон,
Пошлем капитану Галвао
Эти стихи в Лисабон.

Ныряльщик

Всплеск.. Ныряльщик уходит на дно.
Только там он не ищет жемчужин,—
Нигерийца волнует одно:
Заработать бы шиллинг на ужин.

Для того, чтобы глубже нырять,
Служит камень на шее грузилом.
Вот сейчас он всплывает опять
С переполненной илом корзиной.

Здесь намечено сделать причал,
Украшенье лагосского порта.
— Не зевай, шевелись! — закричал
Белый мастер в панаме и шортах.

Кровяного давления гул
В барабанные бьет перепонки.
Голубые торпеды акул
Вдруг проносятся — к счастью,
в сторонке.

Снова, в сотый и тысячный раз,
Поднимает он бороды ила.
Иссякает дыханья запас,
Солона водяная могила.

Он слыхал, что у фирмы давно
Есть и землечерпалки и драги,
Но дешевле разгресть это дно
Просто пальцами нищей отваги.

Океан разъедает, как пот,
Чернокожее тело худое,
Но уж если машина придет,
Всем дружить с безработной бедою.

Только ночью нырянью конец.
Ждут кормильца жена и ребята.
За полшиллинга полумертвец
Покупает полклубня батата.

Он поест и в мучительный сон,
Как на дно океанское, канет,
И приснится бедняге, что он
Потерял там нашейный свой камень.

Конкурс красавиц

Ты навек для меня всех красивей,
Как вершина вершин совершенства.
Ты не только Москва и не только Россия—
Вся вселенная в образе женском.

Я вопросов других не касаюсь,
Но в разлуке обычно глазею
На холодную стать иноземных красавиц,
Как глядят на скульптуры в музее.

Исключение в этом вопросе
Составляет сегодняшний вечер:
Это конкурс красавиц в далеком Лагосе.
Это Африки лица и плечи.

Молодежь на ажурных трибунах
И жюри компетентное в креслах,
И торжественный выход на берег лагуны
Победительниц конкурсов местных.

Коронованы в соревнованье
Человечества гордые сестры.
Их прически — подобие черной саванны,
В мелких кустиках — крепких и острых.

И таинственны очи и мудры,
И трепещут могучие губы.
Не нужны ни румяна, ни черная пудра,
Вы и так своей родине любы!

А за кем репортеров ватага
Устремилась со вспышками блицев?
Это «мисс Независимость» в платье из
флага —
Ясноглаза, юна, чернолица.

Это девушка племени эве,
Первый приз присужден ей по праву,
Отражают пожары глаза ее в гневе
И растерянно смотрят на славу.

Ты, далекая, мир мой священный,
Разгляди фейерверк над лагуной,
Подели все, что есть во
вселенной,
С этой девушкой, с Африкой юной.

Старая крепость

Генерал-губернатор жил в крепости
древней,
А теперь президент должен въехать сюда,
На циновке рожденный в безглазой
деревне,
Знавший с детства и голод и горечь труда.
Президент жил в бараках, в ангарах из жести
И у Темзы изгнанником спал на скамье.
В крепость он переедет с министрами вместе,
Приготовлены также покои семье.

А крепость пуста,
Крепость пуста,
Лишь старый служака не сходит с поста,
Смотритель в камзоле сержанта,
В малиновом колпаке,
Со связкой ключей, зажатой
В чугунного цвета руке.

Наконец приезжает в блестящем
«роллс-ройсе»
Президент с пестрой мантией через плечо,
Худощавый, стремительный, среднего роста,
Человек, поседеть не успевший еще.
Бегло он осмотрел кабинет и покои,
А потом попросил показать каземат.
Зазвенели ключи, и столетней рукою
Отпер двери скрипучие древний солдат.

А крепость пуста,
Крепость пуста,
Лишь старый служака не сходит с поста,
Смотритель в камзоле сержанта,
В малиновом колпаке,
Со связкой ключей, зажатой
В чугунного цвета руке.

А потом они встретились молча глазами.
Президент помрачнел и задумчивым стал.
Поглядел ему в очи смотритель и замер.
А в замках поржавелых металл скрежетал.
— Нет, я больше сюда не приеду,
пожалуй,—
Прошептал президент. И, по-дружески прост,
На прощанье смотрителю руку пожал он:
Дескать, служба есть служба. И сел
в свой «роллс-ройс».

А крепость пуста,
Крепость пуста,
Лишь старый служака не сходит с поста,
Смотритель в камзоле сержанта,
В малиновом колпаке,
Со связкой ключей, зажатой
В чугунного цвета руке.

Похитители времени

— Все во имя человека, для блага человека!

Эта мысль пронизывает каждую строчку проекта Программы КПСС.

Дух захватывает, когда читаешь в историческом документе строки, посвященные росту жизненного уровня советского человека,— какой замах у нашей партии!

Партия всегда проявляла, она проявляет и сейчас большую заботу о советских людях, о их быте, о их благосостоянии. Многое, в частности, сделано за последнее время — это ощущает каждый рабочий, служащий. Не буду говорить обо всем. Возьмите бюджет времени,— сутки как бы удлинились на один час. Сейчас у нас больше свободного времени для отдыха, спорта, чтения, для всяких домашних дел. Но вот беда — есть еще среди нас немало таких людей, по чьей вине эти свободные часы растрачиваются, что называется, «зазря». Так и хочется крикнуть: «Караул! Время воруют!» «Воруют» его неумелые работники связи, городского транспорта, торговли, всяких бытовых учреждений.

«Огонек» в свое время много писал на тему «Хорошо ли вас обслуживают?». Прошу вас показать конкретных виновников растраты нашего свободного времени. Они нам мешают строить свой быт так, как это намечает партия в проекте Программы КПСС.

Б. БРЫКОВ,

член бригады коммунистического труда

депо Москва-Сортировочная.

Вологодские мытарства

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Средь бела дня

В самом центре Вологды, возле молочного магазина № 43, извивается очередь. Топчется она главным образом на месте, почти совершенно не продвигаясь вперед. Да и не мудрено: в магазине всего лишь одна продавщица: взвешивает творог, режет сыр, разливает сметану... Она же и деньги получает.

— Кассира нет,— сокрушаясь, пояснила нам заведующая магазином А. С. Смирнова.— Да и продавцов не хватает.

— А у покупателей беззастенчиво украдено время,— добавили мы.— Неужели в Вологде специальность кассира такая редкая?

Наши опасения подтвердились. Касса предварительной продажи билетов в кинотеатре «Искра» тоже не работала — кассир ушел в отпуск. Заменить его кем-нибудь не сочли нужным. И вот сейчас небольшой дворик перед входом в кассы запрудила толпа народа, привлеченная афишами «Полосатого рейса». Сколько часов загубят здесь вологодские любители кино? Чтобы получить билет в кассе, открывающейся в час дня, очередь заняли в одиннадцать!

Вот и получилось: не подумал о людях один человек — директор кинотеатра,— а результат ощущают сотни зрителей. Нам начало казаться, что в Вологде мало кто думает об удобствах в быту.

— Привыкла публика к самообслуживанию, вот и привередничает, а у нас система другая — официантки,— хмуро изрекает заведующий столовой № 24 Н. А. Гостевский.

— Но ведь эта система себя не оправдывает,— пытаемся возразить мы.— Почти час тратишь у вас на обед или завтрак. Иной хочет взять в буфете салат или селедочку, а ему говорят: «Только через официантку!» А буфетчица стоит скучает...

— Ну и что?..

— Как что? Люди зря время теряют. Если уж нельзя самообслуживание ввести, так хоть поставьте кассу у входа. Пришел, заплатил — и отдавай официантке чек. Ведь сейчас она и заказ принимает, и в кассу платит, и с заказчиками рассчитывается. А тут взяла бы чек — и на раздачу. Время бы вдвое сократилось.

— Нельзя,— авторитетно заявляет неумолимый Гостевский.— Если она по чекам начнет блюда получать, ее название будет не официантка, а подавальщица. Стало быть, зарплата пойдет меньше. Ясно?

Ясно было одно: время трудящихся в Вологде тратилось впустую, расхищалось средь бела дня и совершенно безнаказанно.

С применением «технических средств»

В статье, карающей лиходеев за тайное похищение личного имущества (кражу), существует подраздел с применением «технических средств». Этот подраздел мы невольно вспомнили, когда стали пассажирами городского автохозяйства.

В очереди на этот раз стояли не люди, а автобусы. Вернее, люди в автобусах тоже сидели, стояли и ждали, когда же поднимется шлагбаум у железнодорожного переезда.

Дело в том, что городские дороги в пятнадцати местах пересекают железнодорожные пути, и только в одном месте существует мост.

Вот и гонит водитель машину, гадая про себя: «Проскочу — застряну, проскочу — застряну?..» Гадать, собственно, нечего: на каком-то переезде он обязательно застрянет. И стоят пять, шесть автобусов, набитых пассажирами, а перед ними взад-вперед катают товарные вагоны. Скрипят зубами водители, у которых ломается график, с отчаянием смотрят на часы рабочие, опаздывающие на смену.

— По тридцать, сорок минут стоим,— жалуется заместитель начальника пассажирского автохозяйства тов. Праслов.— Особенно невмоготу бывает у контейнерной. Отцепят два вагона как раз на переезде и уедут.

— Ничем помочь не могу,— разводит руками главный инженер Вологодского отделения Северной железной дороги Г. В. Слизской.— Мы об этом несколько лет пишем в управление дороги. Только у одного переезда, возле льнокомбината, ежесуточно проходит 166 поездов, а по шоссе — в среднем четыре с половиной тысячи автомашин. Получается около 750 тысяч поездо-экипажей.

Абстрактные поездо-экипажи нас не особенно интересовали. Куда важнее были конкретные человеко-часы. Простой арифметический подсчет приводит в трепет. На линии льнокомбинат — Октябрьский поселок девятнадцать автобусов делают в среднем 220 рейсов. Если только один автобус из четырех с 70 пассажирами простоит даже не 40 минут, а 15, получается страшная цифра. Более ста человеко-дней! Это только у одного из четырнадцати шлагбаумов!

Как бы взгрели начальника цеха за простой целой смены, где сто рабочих! А ведь здесь это происходит ежедневно и никого особенно не волнует.

— Писали мы в Министерство путей сообщения,— поясняет председатель Вологодского горисполкома тов. Гоглев.— Просили хоть в 1963 году построить два путепровода на самых бойких местах, а нам ответили: и на 1965 год не рассчитывайте!

Идет переписка, а возле переездов по-прежнему стоят вереницы автобусов. Пока выстроят путепроводы, сколько времени бесцельно потеряют здесь жители Вологды?

За хищение времени нельзя привлечь к уголовной ответственности. Да мы к этому и не призываем. Но ответить за равнодушие к людям в Вологде кто-то должен.

Три девицы у окна...

В городской поликлинике народу полным-полнехонько уже с восьми часов утра. Перед столом регистратуры — толпа.

— Вчера все утро потерял,— жалуется седой гражданин, тяжело опираясь на палку.— Здесь постоял, в коридоре просидел, а меня врач на рентген назначил, вот и стой сегодня опять за талончиком. Да хоть бы точно время обозначили, а то ведь пишут: «С 11 до 12»!.. Гадай, когда тебя примут.

За столом регистратуры сидят три девицы. Трое раздают талоны, но очередь почти не двигается. На каждого больного тратится чуть ли не десяток минут.

— Где живете-то?

— На улице Папанинцев, касатка.

С окошка снимается полуметровая стопа карточек, и начинаются поиски одной из тысячи.

— Может, на Пролетарской? Как фамилия-то, я что-то уж забыла...

— Ужасно затянулся ремонт,— оправдывается исполняющая обязанности главного врача С. Л. Ильева.— Картотека у нас в другом помещении, а здесь только дубликаты. Вот уж как переедем на место, порядок наведем! А пока...

Пока сидят и стоят в коридорах люди, битый час ждут записи, а потом приема врача по ориентировочному обозначению «с десяти до одиннадцати...».

Да и не только в поликлинике бесцельно теряется дорогое время.

Десятки людей толпятся в самом здании горисполкома. Кто-то огрызком карандаша на газете записывает прибывающих. Интересуемся причинами такой многолюдности.

— К начальнику жилуправления попасть собираемся, если примет,— поясняет человек с огрызком карандаша.— Вы сорок первый будете, как в кинокартине.

В полутемном коридоре едва можно разобрать запыленную табличку с часами приема: «Понедельник — с 17 до 18, среда — с 9 до 13».

— А вы эти надписи напрасно читаете,— послышалось из толпы.— Еще в свое время один товарищ сказал: «Не верь глазам своим». Так и здесь. В прошлый понедельник стояли-стояли с шести утра, а начальник в пять часов вечера на городской актив заседать ушел. Сегодня человек двадцать таких понедельниковых...

Мы беседуем с исполняющим обязанности начальника горжилуправления Д. Н. Козловым.

— Было такое дело,— с грустью во взоре разводит он руками.— Вызвали на актив, пришлось все бросить.

— Наверное, и о внимании к людям на активе говорили? — не выдерживаем мы.

— А как же! Во главу угла это ставили! — восторженно подтверждает тов. Козлов.

НЕ ВЕРЬТЕ РЕКЛАМЕ!..

Г. АРОНОВ

Телефон съедает время...

Бухгалтер Петр Иванович Букин сосредоточенно вращал диск телефонного аппарата. Послушав секунду, он разочарованно ударял по рычагу и снова начинал набирать. Сослуживцы следили за ним с сочувствием.

Днем мы встретились с Букиным в трамвае.

— Пришлось все-таки отпрашиваться с работы,— грустно сказал он.

Петр Иванович ехал в кассы предварительной продажи билетов. Через восемь дней он собирался в отпуск.

В Свердловске широко разрекламированы предварительные заказы железнодорожных билетов по телефону с доставкой на дом. Удобный, прогрессивный метод. Позвонил — и никаких тебе забот. Но это, так сказать, в теории. На практике получается по-другому. Потратив час-два на безрезультатные попытки дозвониться до касс, приходится затем еще отпрашиваться со службы и ехать на другой конец города, ибо заказать и приобрести билет здесь можно только в часы работы. «Предварительные кассы открыты с 9 до 4, выходной день — воскресенье».

Телефон, телефон... Ведь бывает, что и при этом ценном изобретении

человеческого разума, призванном экономить время, приходится транжирить его. Вы можете из Свердловска быстро связаться с Москвой, затратив на это всего несколько минут. Нередко, сделав заказ, даже не кладете трубку. Свердловская телефонистка непосредственно набирает номер телефона в Москве. Но вот вам вовремя не дали разговор с каким-нибудь городом или просто появилась надобность навести справку на междугородной станции. Можно часами набирать номер справочного бюро «08» и слышать малоутешительные короткие гудки: телефон занят. В лучшем случае удается навести справку минут через тридцать — сорок. И сидит занятый человек, словно цепью прикованный к аппарату.

...Недавно на Свердловском вокзале я разговорился с приятелем. Его супруга должна была приехать хабаровским поездом, и вот уже около часа он уныло бродил по залам ожидания. Поезд опаздывал.

— Не ценишь ты, брат, время. Разве не мог заранее навести справку по телефону? — не удержался я от упрека.

— Наводил, полчаса подряд наводил. Но разве дозвонишься?

Телефон справочного бюро вокзала Д 1 -71-20 уже много лет служит предметом острот свердловчан. Говорят, что быстрее в Москву слетать, чем соединиться по этому номеру...

В чем же тут дело?

Три начальника — Свердловского вокзала И. Ф. Савостин, междугородной телефонной станции И. В. Клебанов, городской телефонной сети А. А. Шушаров — не расходились на этот раз во мнениях.

— Не хватает соединительных линий.

Это, по-видимому, так. Установить новый телефон в Свердловске — пока еще нелегкая проблема. И все же трудно поверить, что в городе, где более двадцати тысяч телефонов, нельзя выкроить еще десяток линий, которые помогут населению экономить ежедневно сотни часов драгоценного времени.

...В Свердловске часто встречаются плакаты, призывающие пользоваться телефоном для вызова такси. Поверив рекламе, мы набрали номер одной из диспетчерских. Это было в четыре часа дня. Машину заказывали к 11 вечера.

— Свободных такси нет,— ответил диспетчер.

— Но ведь у вас еще семь часов в запасе.

— Лимит заказов на вечер был исчерпан еще утром. Машину можете взять на стоянке в порядке живой очереди.

Вот официальная справка управления по пассажирским перевозкам Свердловского автотреста: из 328 наличных такси в городе на линию выходит едва половина. Так что если у вас много вещей и вам надо попасть вовремя к поезду, не верьте рекламе, не пользуйтесь телефоном! Зря потеряете время.

Как видите, не всегда телефон — удобство. Особенно в Свердловске.

На почтамте после четырех...

До чего бывает обидно, когда много лишнего времени приходится тратить попусту из-за неорганизованности в обслуживании населения!

...Возвращаясь с работы, вы забежали на Главный почтамт отправить заказное письмо. Человек несведущий здесь просто растеряется. Вряд ли он решится подойти к окну, над которым сверкает отпугивающая надпись: «Прием служебной корреспонденции от организаций». К тому же возле окошка очередь. Многочисленные курьеры сдают накопившуюся за день почту. У каждого десятки пакетов. А приемные окна для так называемых частных лиц закрылись еще в три часа. И вновь откроются лишь утром следующего дня. Если некогда стоять в очереди, вам посоветуют прийти сюда завтра, разумеется, в часы... вашей работы. Тогда здесь мало посетителей, но зато открыты все окна, в которых можно наблюдать скучающие лица приемщиц... Таков незыблемый распорядок дня на Главном почтамте города. Думают ли его изменить начальник почтамта К. И. Стихин и его заместитель З. Н. Исмагилов?

О билетах «с обратом»

В выходные дни тысячи свердловчан стремятся отдохнуть за городом. Уехать просто: на вокзале десятки пригородных касс. Но заботливый пассажир просит тут же обратный билет. И часто ему отказывают. Поэтому вернуться в город гораздо сложнее. Легко представить себе, какие очереди выстраиваются по воскресным вечерам к единственному кассиру пригородной станции.

— Не может быть,— сказали в один голос начальник отдела вокзалов В. Д. Шишканов и заместитель начальника финансовой службы Свердловской железной дороги Н. П. Самойлов.— Обратными би-

летами Свердловский вокзал обеспечен полностью.

Тогда вместе с оператором вокзала Анной Семеновной Кондаковой мы проверили все пригородные кассы и теперь с полной ответственностью докладываем товарищам Самойлову и Шишканову: билетов «с обратом» — как их называют железнодорожники — в кассах не хватает, а по многим наиболее «ходовым» направлениям таких билетов нет вовсе.

* * *

Время драгоценно. Надо надеяться, что в Свердловске станут наконец его беречь!

Добрые и недобрые

Н. ХРАБРОВА

В Таллине немало добрых, заботливых людей. Ильме Тамм, например, на междугородной телефонной станции не станет держать вас часами у телефонного аппарата, а предупредит, что уже поступило много заказов и лучше заказать разговор позднее. И вам становится приятно, если вдруг у вас зазвонит телефон и дружеский женский голос спросит:

— Вы еще хотите говорить с Киевом? Можете получить разговор быстро: освободился провод.

Удивительно, как только эта ежесекундно занятая переговорами девушка ухитрилась запомнить ваш номер телефона!..

Работают заботливые люди и в знаменитых таллинских кафе. Тут можно быстро позавтракать, купить вкусные торты, пирожные, булочки, пирожки и печенья разных сортов, а ко дню рождения заказать в подарок «виновнику торжества» пышный, густо начиненный изюмом крендель. Вот и прикиньте, сколько времени сэкономили женщины, занятые на работе! Кафе и молочных залов много — двадцать два. Они подстерегают прохожего и приглашают его к себе в любой части города.

А сколько в Таллине магазинов кулинарных изделий, в которых есть и готовые блюда и свежие полуфабрикаты!

Вам надо заказать мебель, карнизы для штор, настольную лампу, простые рамки для картин... В городе есть специальные мастерские, где заказы выполняются хорошими мастерами.

Добрый город Таллин, не правда ли? И немало в нем добрых, заботливых людей. Но есть в нем и неотвратимые, прямо как будто судьбой предопределенные обязательные ложки дегтя в бочке меда.

Понадобилось вам нотариально заверить доверенность и справку. Заглянув в телефонный справочник, находите таллинскую государственную контору № 1, что на бульваре Эстония, 17. Вы аккуратно пишете на машинке или от руки — почему бы и нет? — справку и доверенность и направляетесь в уютный с виду особняк под сенью лип.

— Можно заверить у вас доверенность?

Долго длится гробовое молчание. Потом молодая полная женщина берет ваши бумаги.

— Так у вас же справка! — грубо и очень громко кричит она.

— А разве справку нельзя заверить?

Тогда кричит другая женщина:

— Что же вам надо заверять: справку или доверенность?!

— И то и другое.

И тут вам очень сердито отвечают:

— Можно и то и другое, но возьмите наши бланки, все заново перепишите в двух экземплярах и тогда приходите опять.

Может быть, так полагается у юристов, но их клиентам это неудобно и хлопотно: неизбежно приходится терять уйму времени.

...Раз в неделю, а то и чаще многие жители Таллина испытывают беспокойство и досаду: надвигается печальная необходимость идти в парикмахерскую. О женской парикмахерской даже говорить не стоит: там тратится не один час, а два, три и больше. Но время от времени женщины могут обойтись собственными силами, устроив себе самодельную прическу и собственноручно приведя в порядок ногти. А мужчины? Им ведь на роду написано стричься только в парикмахерской. Таллинские мужчины и мальчики тратят на стрижку час-полтора. Почему? Вероятно, потому, что мало парикмахерских. Но еще и потому, что в каждой парикмахерской каждый раз почему-то обязательно пустует одно или два кресла.

...Год назад в Таллине появился новый универмаг — большой, просторный и богатый магазин, в ко-

Рисунки М. УШАЦА.

тором можно купить почти все необходимое. Но он в центре города, а ведь у каждого жителя есть и на своей улице магазины. Однако же ходить в ближние магазины — дело куда более рискованное, чем в дальний универмаг. Работает он без выходных, в строго определенные часы: с половины одиннадцатого утра до восьми вечера. Что же касается остальных магазинов, то ни об одном из них нельзя сказать ничего определенного. Определенно известно только одно: если вы отправитесь в магазины после часа дня, то именно с этого времени до четырех часов будете натыкаться на запертые двери: в одних магазинах перерыв с часа до двух, в других — с двух до трех, в третьих — с трех до четырех. Ну, можно запомнить обеденный перерыв в магазине, что на твоей улице. Но ведь редко покупатель обходится одним магазином. А всю путаницу обеденных перерывов кто же в состоянии запомнить? Вот и теряют покупатели драгоценное время.

Починка обуви в Таллине — тоже немаловажная проблема, особенно летом. Почти все сапожные мастерские в центре города делают набойки целых десять дней! За эти десять дней изнашиваются набойки на второй паре туфель, ну, а если семья большая и в ней есть мальчишки, на которых обувь горит, как на огне, то в течение всего лета она будет незримыми цепями прикована к сапожной мастерской.

Но еще хуже оказаться в плену у неразумного расписания поездов. Вот что рассказал нам товарищ Лауэр, заведующий базой учебных пособий. Он и члены его семьи живут в загородном поселке Кехра, а работают в Таллине. Работа у них начинается в восемь часов утра. Но поезда из Кехра в Таллин и из Таллина в Кехра ходят таким образом, что Лауэры приезжают в Таллин в шесть утра и уезжают в пять вечера! Подсчет простой: Лауэр и другие жители Кехра, работающие в Таллине в первую смену, теряют на поездки уже не один час, а четыре часа свободного времени.

Кому же адресовать жалобы на потерянное время? Конечно, часть из них должна дойти до соответствующих отделов Таллинского горисполкома. Если можно было открыть хорошие кафе и магазины кулинарных изделий, можно, вероятно, открыть и новые парикмахерские и сапожные мастерские и пересмотреть расписание поездов.

Мы взываем и к недобрым людям, не жалеющим «чужого» времени: пусть они подобреют! Пусть подобреют сами, не дожидаясь указания горисполкома. Ведь если Ильме Тамм, девушка с междугородной переговорной станции, без директив сверху, просто по-человечески оказалась чуткой и напомнила совсем чужому и незнакомому человеку о том, что есть возможность быстро поговорить с Киевом, могут же и сотрудницы нотариальной конторы № 1 говорить со своими клиентами любезно и не гонять их из конторы домой и снова в контору!

КУЗНЕЦ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунок В. БОГАТКИНА.

Кузнец умер внезапно. И всех сначала поразила не сама смерть его, а ее совместимость с кузнецом. Был он в свои сорок лет на загляденье хорош собой: серебрилась в крупных кудрях паутина, по углам рта лежали матерые складки, широкие ноздри всегда чуть подрагивали, а в глазах горели такие угли, что даже у многих девчонок становилось горячо под сердцем от их взгляда. Играючи, махал он из печи под молот пудовые коленчатые валы, и казалось — износа ему не будет. На заводе про его силу рассказывали такой случай. Вышел он как-то из цеха и увидел, что по заводской ветке мчится вагонная ось с двумя колесами. Кузнец сорвал с пожарного щита лом, загнал его в песок под шпалу, а другой конец принял на свое плечо. Лом согнуло осью, точно ивовый прут, а кузнец выпрямил его о коленку и опять повесил на щит, на место... Вековая держалась сила: дед его был кузнец, и отец его был кузнец, и сам он был кузнец, и фамилия им всем была Кузнецовы.

И вот умчали кузнеца санитары в фуражках с кокардами, только пыль муругим хвостом завилась за машиной.

А начался этот воскресный день с того, что грузовик привез дрова. Шофер грохнул кулаком в раму, закричал: «Эй, хозяин! Покажи, где сваливать!» — и стал ждать, насвистывая что-то веселое.

Пока кузнец путался спросонок в штанах, дочь его Маша набросила халатик, вышла босиком на крыльцо.

— Ух! — сказал шофер. (Озорник был ужасный.) — Ух! На вас глядеть, как на солнце,— глазам больно.

В это время вышел и кузнец.

— На солнце могут глядеть только орлы,— сказала Маша.

И пошла, поджимая пальцы, через двор к сараю — тоненькая, легкая, длинноногая.

Шофер сдвинул на лоб засаленный берет, сел в кабину и, подгоняя задним ходом грузовик к сараю, подмигнул кузнецу:

— Значит, во всех смыслах задний ход, дядя?

— А ты думал! — самодовольно сказал кузнец.

Дрова с гулким раскатом осыпались с самосвала: винно запахло кислым березовым соком, на торцы, к сладкому, сразу налипли большие синие мухи.

— Целая роща под топор пошла,— покачал головой кузнец.

Шофер опять созорничал:

— А это, дядя, чтобы мораль соблюсти.

— Как так?

— Чтобы, значит, молодежь по рощам не норилась.

— Ну, понес! — рассердился кузнец.— У тебя, видно, одно на уме, оболтус.

Когда он уехал, кузнец закрыл ворота, походил по вытоптанному пыльному дворику. Жил он на новой улице из маленьких коттеджей, которые здесь называли финскими домиками. Улица была окраинная. За канавкой с пересыхающим ручьем и бревенчатым мосточком уже начинались колхозные поля, по косогору блестели рамы парников, а дальше, на самом перевале, щеткой торчал мелкий ельник, и было здесь по-деревенски тихо, привольно, яснонебо, хотя и головато, как всегда на новом месте после стройки.

— Деревья надо сажать,— сказал кузнец.— Обязательно, чтобы яблони, вишенье, терн...

Маша в это время ломала у забора полынный веник.

— Буди-ка Василия,— сказал ей кузнец.

— Василий, папа, на рыбалку ушел,— ответила Маша.

— А, дьявол его задави! Ведь было говорено намедни, что дрова привезут.— Кузнец пнул ногой откатившийся кругляк.— Перепилить бы их сразу, убрать — за лето до звона высохнут.

— Ладно, папа,— сказала Маша.— Пусть уж...

Василий догуливал последнее перед армией лето, и ему было все позволено — гуляй напропалую.

— Потатчицы...— проворчал кузнец.

На крыльцо вышла жена с большой корзиной в руках.

— Ну, что развоевался? — ласково спросила она.— Пойдем со мной.

И в то утро, как обычно по воскресеньям, кузнец ходил с женой на рынок.

Было жарко. Утро, по-августовски медленное, долго выстаивалось в сиреневом тумане и казалось пасмурным, волглым, но, когда туман поднялся и растаял, обрушилось на город каленым зноем, сушью, запахами уже подсыхающей листвы тополей и базарной площади.

Пока жена делала покупки, кузнец по обычаю выпил в закусочной кружку пива. Здесь у него нашлось много знакомых, рабочих с завода. Одного — усатенького, юркого, норовившего пролезть к буфетной стойке без очереди — он хлопнул по плечу и спросил:

— Ну, как теперь живешь-можешь, Иван Власыч?

На что тот, хитренько посмеиваясь одними глазами, ответил:

— Нет, я теперь уж не Иван Власыч — «тыбы». Как вышел на пенсию, только и слышу дома: «Ты бы сходил на базар», «ты бы принес дров», «ты бы вылил помои»...

— А «ты бы выпил кружечку», небось, не говорят? — под общий смех всей очереди спросил кузнец.

С базара он нес тяжелую корзину, а жена шла по другую руку и держала его за локоть.

Недалеко от дома им надменно поклонилась «каменная красавица» Люська Набойкова — толстая блондинка с белым неподвижным лицом. Она никогда не улыбалась, чтобы уберечь лицо от морщин, и за это на улице ее прозвали «каменной красавицей».

— Ишь ты! — сказала жена кузнецу.— Так и ведешь за ней блудливым глазом.

— Ну, полно, мать! — засмеялся кузнец, обнимая свободной рукой жену за плечи.— Мне бабу нужно, как ты, резвую. Чтобы платье на ней шуршало, когда она по квартире бегает.

И зная, что это говорится не в пустое утешение, а во истину, она, вся такая ладненькая, крепенькая и ловкая, расцвела от его грубоватой ласки.

Дома в ожидании завтрака кузнец возился с младшим сыном, которого звали редким теперь именем Аксен.

— И ты его видел? — спрашивал мальчик.

— Ну конечно! Доктор отхватил его блестящим ножичком и бросил в таз, а потом его закопали на госпитальном дворе, у помойки.

— Бррр...— сказал мальчик.

Он сидел у отца на животе и осторожно держал его большую темную руку с выпуклыми венами и несмываемой грязью в складках кожи. Мальчика давно занимала эта история с рукой, которую сначала ранили на войне, потом долго лечили в госпитале и все-таки отрезали ей один палец. Он был вот здесь, на этом самом месте, шевелился, сгибался, сжимался вместе со всеми в кулак, и мальчик, силясь вообразить продолжение маленького гладкого бугорка, все настойчивей донимал кузнеца вопросами:

— А он был такой же, как этот?

— Точно такой же.

— Тебе его жалко?

— Еще бы!

— А почему не вырастает новый? Почему зуб вырастает, а палец — нет?

— Ну, уж этого я не знаю.

Аксютка опять долго рассматривал изуродованную кисть его руки, потом спросил:

— А волоски на нем тоже были?

Они лежали на тощем островке травы у забора, из-под которого лезла седая вонючая полынь, но оба привыкли к ее запаху и даже любили его. В нем жил сухой летний зной, звон кузнечиков, полуденная сонь, и без него лето было бы не летом. В этом запахе для них было даже что-то праздничное, потому что хозяйка дома — жена, мать — каждое воскресенье мела вспрыснутый пол свежим полынным веником, потом вся семья садилась за стол, ела огромную кулебяку с капустой, а кузнец удостаивался к тому же стакана или даже двух водки.

— Ну-ка, Аксен Федорович, узнай, как там

у матери дела,— сказал кузнец и поднял сына, чтобы снять его с себя, но вдруг охнул, сел и удивленно оглянулся по сторонам.

— Ух, как старую царапину засаднило! — сказал он.

Потом встал и пошел к дому, держась за грудь, но на крыльце остановился, подождал Аксютку, и в кухню они вошли рядом — большой, сутуловатый, с густым серебром в волосах и маленький, босой, в полинявшей майке, заправленной в синие штанишки.

Кузнец шел и морщился.

— Что-то старую царапину засаднило,— опять сказал он.

В спальне он лег на ковер, на пол, где всегда любил лежать в прохладе и просторе, и уж не сказал ничего, кроме самого обычного, что говорил много раз:

— Окно откройте...

Маша бросилась к окну, толкнула плотно пригнанные створки, и сухой, горячий, пахнущий полем и ельником сквозняк пронесся по комнате, подхватив со столика пачку Аксюткиных конфетных оберток. Желтые, красные, синие, они, кувыркаясь и трепеща, носились в воздухе и падали кузнецу на лицо, а он лежал с открытыми глазами, и веки его не дрогнули...

Было около десяти часов утра. За день в доме на окраинной улице перебывало много людей. И все, кто видел в это утро кузнеца, теперь с недоумением припоминали и в подробностях пересказывали друг другу каждый его шаг, каждое слово: вот привезли дрова, вот был на рынке, вот шутил с Иваном Власычем, вот возился с Аксюткой...

У низенького забора, разинув рот, стояла и грустными коровьими глазами смотрела на пыльный дворик соседка, «каменная красавица» Люська Набойкова.

Иван Власыч, слизывая с усов слезы, сказал:

— Ведь она, наверно, в меня, старика, подлая, метила, да промахнулась...

А озорник шофер, успевший сменить свой засаленный берет на выходную кепочку, мрачно произнес:

— Все мы на земле, как в гостях.

Было ему на вид лет девятнадцать.

Жена, Маша и Аксютка ничего не говорили — они плакали.

Вечером, вернувшись с рыбалки, узнал о смерти отца Василий. Ударом ладони распахнув дверь, он выбежал из дома и зашагал в поле, подывая сквозь сцепленные зубы.

Темно и тихо было в поле. Ни свет звезд, ни сияние Млечного Пути, как это бывает в августе, не достигали земли; и только в стороне, где пролегала шоссейная дорога, в черном воздухе шатались столбы света от автомобильных фар.

Под ногами у Василия сухо шуршала ржаная стерня, потом он оступился в глубокую межу, упал, поднялся и снова зашагал, но теперь уже по неровному, комкастому картофельнику, путаясь ногами в ботве.

Очнулся он около леса. Мелкий ельник дохнул на него горячей, устоявшейся за день духотой; жесткая трава, росшая на закрайке, со свистом стегнула по сапогам. Над головой бесшумной тенью — ни вскрика, ни посвиста крыльев — метнулась маленькая совка.

«Зачем я тут? — подумал Василий.— Вот пенек торчит. Вот паутина на лицо налипла... Если воткнуть с приговором в гладкий пенек нож и перекувыркнуться через него — станешь волком, а когда набегаешься, надо перекувыркнуться с обратной стороны. Унесет кто-нибудь нож — так и останешься волком...»

Он сел в траву, припал к теплому пню и заплакал...

И еще. Утром патологоанатом, сделав свое дело, вышел в коридор покурить. Это был высокий, сухой, всегда басовито покашливающий старик, насупленный и молчаливый. В смерти, с которой его профессия сняла мистические покровы, для него не было тайн, и о кузнеце он тоже знал все и теперь, затягиваясь и глядя в окно, думал:

«Вот и довершила свое гнусное дело фашистская пуля...»

В памяти докучливо звучали слова поэта, имени которого он никак не мог вспомнить:

Мы не от старости умрем,
От старых ран умрем...

И когда, поступая против собственных правил, он закуривал вторую папиросу подряд, руки у него слегка дрожали.

Торопись, заведующий!

Л. ОСИПОВА

Гулко бабахнуло что-то по кузову машины, заскрежетали тормоза. В открытое окно вдруг дохнула тишина, давняя, устойчивая. Неслышно покачиваются высокие метелки травы-чий, вдали суетятся суслики, замер в полете над горами беркут.

Денис рванул дверцу.

— Того и гляди, машину покалечишь! Может быть, кто нарочно закидал дорогу камнями?

По крыше кабины громко стучат.

— Эй, Мукаш! Заведующий! Эй!

Из кузова в маленьком окошечке торчит озорная черненькая головка Турсуной.

— Долго еще ехать, заведующий? Смотри, дорогу потеряем! Торопись!

Мукаш не успевает ответить. Голова Турсуной исчезает.

И снова наползает горбатая дорога. Спуск — подъем, подъем — спуск. И снова неохотно расступаются бурые, словно покрытые ржавчиной горы, пропуская высокую, немного неуклюжую машину с надписью на борту — «Автоклуб».

В голове у Мукаша теснятся мысли. Он думает: доберется ли машина к заходу солнца до джайляу — летнего пастбища, где пасутся отары нескольких колхозов. Уже несколько месяцев живут на джайляу чабаны со своими семьями... Небо затянуто облаками, значит, ночь будет темная: Турсуной права, можно и дорогу потерять!..

Думает Мукаш о Турсуной Саукеновой: какая она замечательная! Голос у нее высокий, чистый, как ветер. А сколько она песен знает — китайских, уйгурских, казахских! Работает Турсуной в полеводческой бригаде, но иначе как артисткой ее никто не зовет.

О, завтра большой день будет у чабанов! Какие гости едут к ним, какие артисты из колхоза «40 лет Октября»!

Мукаш даже языком прищелкивает от удовольствия, представляя, как начнется концерт. Как Аружбан Алаев загремит на дапе — уйгурском бубне, глазами, бровями и плечами изображая при этом танцующего джигита; зрители будут просто с ног валиться от смеха! Когда же поет Ракишев, аккомпанируя себе на домре, чабаны могут слушать, покачиваясь в такт, хоть всю ночь.

А после концерта и кино подойдет к Мукашу старый чабан Кожакан Шакиров, знаменитый человек, районный маяк, руку пожмет и скажет: «Хорошая твоя работа, Жаутиков, только открой мне секрет — когда следующий раз привезешь нам праздник? Может, не отпускать тебя назад? Кочуй вместе с нами».

Да, обязательно так скажет старый Кожакан, он любит шутить...

Совсем задумался, замечтался Мукаш, забыл о дороге. А солнце скоро доберется до темных вершин. Вечерняя прохлада уже заползает в кабину, прогоняет дневное тепло. Ежится Мукаш, потирает руки.

И что у него за должность такая? Всегда приходится торопиться. День за днем торопиться,— вот уже четыре года с того утра, когда состоялся памятный разговор с председателем районного отделения культуры. Председатель хлопает Мукаша по плечу и смеется: ну, как же ты можешь не соответствовать? Диплом об окончании педучилища получил? Ну, значит, все в порядке. Ах, ты не знаешь, что такое автоклуб... Милый ты человек, так этого же почти никто не знает! Только еще начинают автоклубы ездить по дорогам Казахстана...

А потом Мукаш увидел обыкновенный грузовик, крытый брезентом, внутри — лавочки, киноустановка, полка для книг. Измазанный машинным маслом человек вылез из-под колес, представился — Денис Рожков, шофер и киномеханик.

Ночью Мукаш проснулся в холодном поту: почему он заведующий? И чем он должен заведовать? Машиной и киноустановкой заведует Рожков, а что же ему остается — полочка для книг?..

Потом Мукаш смеялся над своими страхами, но это «потом» наступило не сразу. Каково-то было ему договориться с председателями колхозов. Встречает председатель Мукаша эдаким долгим, удивленным взглядом:

— Какие артисты, дорогой? Какая поездка?

— Так вы же вчера, аксакал, сами обещали в райкоме!..

— Так то вчера было, дорогой. А завтра начинаем вторую поливку кукурузы, так что артистов у меня больше нет, одни кукурузоводы остались.

Вот и весь разговор...

О, это очень большое искусство — научиться разговаривать с председателями!

Мукаш вздыхает и вдруг... резкий толчок. Денис, чертыхаясь, вылезает из кабины. Прямо под колесами машины шумит, перекатывая камешки, неширокая, но быстрая, неизвестно откуда взявшаяся речонка.

Из кузова выскакивает молодежь, прихрамывая, выходит Рахматулаев, скрипач и руководитель колхозного музыкального коллектива. И, конечно, все к Мукашу:

— Заведующий, что это за речка? В прошлом году здесь на перевале никакой речки не было!

— Мукаш, когда же начнется спуск в долину?

— Заведующий, почему так холодно?

Ну конечно, он должен все знать и за все быть в ответе: и за дорогу, и за климат, и за речку, которая вдруг родилась, когда начали таять снега в горах!..

— А как же,— удивляется Турсуной,— ты же заведующий! Вот почему в твоем автоклубе днем жарко, а к ночи до костей промерзнуть можно? Разве это порядок?

— Так ведь это специальной конструкции автоклуб. Их не так давно заводы стали выпускать.

— Вот и напиши на завод, чтобы лучше делали! Вентиляцию и отопление пусть устроят.

До чего дотошный народ! Но самое интересное — подходит Денис и вместо того, чтобы разом прекратить спор и нападки на Мукаша, тоже начинает говорить сердито:

— Много, много непорядков! И какая может быть польза от нашей работы, если район громадный, а автоклубов — раз, два, и обчелся. Раз ты это видишь, так инициативу прояви! Требуй в Алма-Ате, в Москву напиши! Люди правильно хотят, чтобы искусство заглядывало к ним не только по праздникам. Без культуры и искусства в коммунизм не войти!

«Удивительный человек Денис! Произносит передо мной такие речи, будто я министр культуры, все неполадки вмиг могу исправить»,— думает Мукаш. Но вслух ничего не говорит: надо ехать.

А потом, сидя в кабине, Жаутиков думает, что ребята, в общем, правы — обижаться на них не стоит. Такая сейчас ответственная жизнь наступает, что каждый должен быть в ответе за работу всех, все в ответе за одного. Все должны помогать друг другу, и почему, например, не было такого, чтобы приехал к нему, к Мукашу, какой-нибудь артист или писатель из Алма-Аты и сказал: «Повези меня к чабанам! Хочу выступать для них!..»? Почему не слышно про такое?.. И чтоб не на день приехал — пусть недельку поживет в ауле, поможет самодеятельности! Ведь передовики сельского хозяйства к людям с радостью едут! Усман Маметов, тот самый знаменитый кукурузовод, про которого Никита Сергеевич Хрущев в своем выступлении в Алма-Ате говорил, однажды болен был, а поехал в далекий колхоз, все участки обошел, с людьми поговорил, сколько советов полезных дал!..

Может, и насчет культуры пора вынести такое решение? Денис прав: даже глухие аулы в коммунизм хотят войти вместе с большими городами. Торопиться надо, торопиться!

Мукаш принял решение. На душе у него делается празднично, светло.

О потолок кабины громко стучат: «Приехали, приехали!» Мукаш и не заметил, как начался спуск в долину.

И вот горы разбегаются, раздаются. Под колесами машины, словно выцветший ковер, пуховые кочки травы. Вдали мягкими серо-зелеными волнами набегают друг на друга складки гор, черные скалы вверху покрыты снегом.

К машине быстро приближаются маленькие точки, растут... Это «разведчики» — босоногие ребятишки верхом на лошадях. Вот они остановились, разглядели машину и, радостно ударяя в бока лошадей босыми пятнами, понеслись назад к юртам.

— Автоклуб приехал! Заведующий приехал!..

— При-е-хал! — раскатисто подтверждает далекое эхо в горах...

Горы раздвигаются навстречу машине...
Фото М. Ктитарева.

Интервью «Огонька»

Штурм земли

Академик Д. И. ЩЕРБАКОВ, председатель Отделения геолого-географических наук АН СССР

Советский человек все смелее и увереннее ведет штурм неба, вырывая у природы многие величайшие тайны о Вселенной. Но не меньшее значение имеет и штурм нашей родной планеты.

Меня, геолога, особенно взволновали те разделы проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза, где говорится о прогрессе науки и техники в условиях социалистической системы государства, об огромных возможностях более эффективно использовать богатства и силы природы.

С чувством радости и гордости вчитывался я в лаконичные строки великого документа. В нем впервые в мире наука официально ставится решающим фактором могучего роста производительных сил. И я невольно вспомнил те далекие дни, когда советские люди по указанию Ленина пошли на штурм земных недр.

...1924 год. Средняя Азия. По заданию Академии наук СССР и ВСНХ я, тогда совсем молодой геолог, начал работать над освоением восточных районов нашей страны. Спутником моим в этой поездке был талантливейший советский ученый Александр Евгеньевич Ферсман.

Ослепительно синее небо, на котором месяцами не видно ни облачка. Жара. Безмолвие барханов. А в кишлаках — болезни, нищета, невежество. Ни одного национального не только геолога-специалиста, но и геолога-студента в Средней Азии не было. Немногим лучше обстояло дело и в центре страны. Достаточно сказать, что до революции в Академии наук было лишь одно геологическое учреждение — Геологический музей имени Петра Первого со штатом в одиннадцать человек...

А теперь только в учреждениях Отделения геолого-географических наук работают две тысячи ученых.

Но, читая проект Программы КПСС, не столько вспоминаешь прошлый героический путь нашей науки, сколько думаешь о ее будущем.

Какие же перспективы раскрываются перед нами?

К «центру» Земли

Вы, вероятно, помните увлекательный роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли». Сколько богатств, нужных человеку, видели там его герои.

Но это была мечта, фантастика.

А сейчас наука вплотную подошла к проникновению в сокровенные глубины Земли.

Эта величайшая проблема современной геологии захватывает всех: и практиков и ученых, занимающихся теоретическими проблемами. Человек еще лучше узнает историю нашей планеты, ее образование и строение и получит в свои руки такие ценнейшие полезные ископаемые, о запасах которых даже не подозревает. Ведь они могут оказаться на глубине 10—15 километров.

Советские ученые ставят перед собой задачу: заставить земные недра раскрыть эти богатства и отдать их людям, строящим коммунизм.

Все более совершенствуются методы геологической разведки. На помощь геологу приходят автоматические приборы, сложные химические исследования, математические формулы. То, что лежит под толстым слоем земли, мы научились исследовать чувствительными геофизическими приборами. Но и они уже не удовлетворяют геологов.

Особенно большое значение имеет сверхглубинное бурение. Такие «структурные» скважины дадут ответы не только на научные вопросы о геологическом строении Земли, но и решат задачи практического освоения глубинных богатств нашей планеты. Надо идти вглубь. В этом большое будущее геологии.

Движение на восток

Проект Программы КПСС особенно подчеркивает развитие восточных районов страны. Что мы, геологи, собираемся для этого предпринять?

Долгое время в Сибири не могли найти нефть. Решили, что искать уже нечего. Достаточно в восточной кладовой и других богатств, кроме «черного золота». А Сибирь не только оправдала, но даже превзошла самые смелые прогнозы. Совсем недавно в Западно-Сибирской низменности в отложениях юрского периода был открыт горючий газ. Геологи сделали предположение, что на территории этой низменности на большой глубине находятся крупные запасы черного золота. И вот нефть уже найдена в «Шаиме».

Пока еще на первом месте по добыче угля в нашей стране стоит Донецкий бассейн. Но в недалеком будущем на первое место выдвинутся восточные районы страны. Советскими геологами уже подсчитано, что только в Сибири сосредоточено почти 6 триллионов тонн угля! Цифра особенно внушительная, если вспомнить, что в 1913 году все запасы угля в царской России оценивались лишь в 230 миллиардов тонн.

Вероятно, я называю слишком много цифр, но для геолога они звучат прекраснее поэм.

Одна из первоочередных наших задач — увеличить добычу бурых углей Ачинско-Канского угольного бассейна. Работы тут можно вести в открытых карьерах, что очень удешевляет добычу.

Вдоль Сибирской железнодорожной магистрали лежит Иркутско-Черемховский угольный бассейн. Он тоже содержит большие запасы и пригоден для разработки открытым способом. Скоро начнется разработка угля в новых районах Восточной Сибири: в Тунгусском и Ленском угольных бассейнах. А совсем недавно геологи разведали большие запасы коксующихся углей в Южной Якутии.

Есть в Сибири и еще одно богатство: горячие подземные воды. Ученые предполагают, что площадь этого горячего подземного моря несколько миллионов квадратных километров. Воды его могут отапливать города, утеплять парники, давать энергию тепловым электростанциям, лечить людей. Кроме того, вода подземных морей содержит немало ценных, необходимых человеку химических веществ.

Богат восток нашей страны и железными рудами и редкими цветными металлами, алмазами. Причем добыча на большинстве рудников только начинается.

...Пройдет совсем немного лет, и суровые Сибирь и Дальний Восток станут самым благодатным краем на земле. На карте появятся новые условные обозначения, показывающие месторождение нефти, газа, каменного угля, цветных металлов и железных руд; засветятся огни новых промышленных городов, будут построены новые заводы, институты, научные лаборатории...

План земной кладовой

Много богатств таят недра Земли. Лежат они, оказывается, не как попало, а как в кладовой у хорошего хозяина — в строго определенном порядке. Но порядок этот еще неизвестен человеку. Раскрыть его — вот самая интересная, глубокая и важная проблема геологии XX века. И я не побоюсь сказать, что советские ученые идут на штурм Земли в авангарде всей мировой науки.

Это не случайно. Чем выше культура человеческого общества, тем лучше используются в нем богатства земных недр.

Еще Александр Евгеньевич Ферсман мечтал о том времени, когда человек раскроет таинственный порядок земной кладовой. Тогда не надо будет по всей стране искать нефть, уголь, железную руду. Ученые будут твердо знать, в каких слоях земли, в каких областях есть то или иное полезное ископаемое. Но во времена Ферсмана геологическая наука еще не могла и думать об этом.

Сейчас в Советском Союзе ведутся большие работы по составлению прогнозных геологических карт. Исследования идут широким фронтом по нескольким самостоятельным направлениям в соответствии с различными видами минерального сырья: полезные ископаемые осадочного происхождения, полезные ископаемые магматогенного происхождения, нефть и горючие газы, угли, редкие элементы, подземные воды.

Это грандиозные совместные исследования многотысячной армии ученых. И мне особенно радостно сказать, что очень много в этой самой передовой в мире области геологии сделали ученые когда-то отсталых колоний царской России — в Средней Азии и Казахстане. Это лауреаты Ленинской премии академик К. И. Сатпаев, президент Казахской академии наук, и президент Академии наук Узбекистана член-корреспондент АН СССР Х. М. Абдуллаев.

Так широко поставить задачу освоения земных недр **возможно лишь в стране социализма, при плановом народном хозяйстве, при огромной заботе партии и правительства, которой пользуется в нашей стране наука.**

Уже составлены прогнозные карты нескольких областей и республик. Но перед советской геологией стоит задача — как можно скорее создать прогнозные карты крупных масштабов всей страны.

Особенно много можно ожидать от Сибири и Дальнего Востока. Эти огромные территории лишь местами затронуты геологическими поисками. К востоку от «малахитовой шкатулки» Родины, древнего Урала, лежит еще очень много неизвестных человеку богатств. А их надо найти и поставить на службу уже такому близкому, коммунистическому обществу.

А. Герасимов. ИЗ ОКНА.

По следам заводских объявлений

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Г. КОПОСОВА.

«В итоге двадцатилетия общественные фонды потребления будут по своей сумме составлять примерно половину всей суммы реальных доходов населения. Это даст возможность обеспечить за счет общества:

— бесплатное содержание детей в детских учреждениях и школах-интернатах (по желанию родителей);

— материальное обеспечение нетрудоспособных;

— бесплатное образование во всех учебных заведениях;

— бесплатное медицинское обслуживание всех граждан, включая обеспечение медикаментами и санаторное лечение больных;

— бесплатное пользование квартирами, а также коммунальными услугами...»

(Из проекта Программы КПСС)

В густом людском потоке рядом шагают двое: бывалый монтажник Павел Сергеевич Арцибасов и совсем еще молодой паренек, пришедший на Адмиралтейскую верфь со школьной скамьи, Николай Брянцев.

Они взволнованы, как и вся шумная многолюдная гурьба кораблестроителей, покидающая после смены родной завод. Несколько минут назад в цехах обсуждался проект новой Программы партии. Разговор о том, какой будет страна через два десятилетия, продолжается на ходу.

В проходной Арцибасов бросил взгляд на доску объявлений.

— Постой-ка! А ведь многое из того, что намечено Программой, у нас уже в жизнь входит!

Объявления извещали о разном. О предстоящих культпоходах, о прогулках за город, о поездке на спортивную базу, в дом отдыха. И все это было настолько обычным и примелькавшимся, что мало кто задумывался над тем, какие большие свершения за этими будничными фактами, в которых видны зримые черты коммунистического завтра.

«ПУТЕВКИ В САНАТОРИЯ ПОЛУЧИТЕ В ЗАВКОМЕ...»

Идя по следам этого объявления, мы оказались в Ленинградском аэропорту как раз в тот момент, когда адмиралтеец водолаз Кирилл Жупина садился в «ТУ-104». Он летел отдыхать в Крым. Санаторную путевку получил в завкоме. Стоила она 110 рублей.

— Но я уплатил только тридцать три, — сказал курортник. — Отпускных же мне начислили сто тридцать пять рублей.

Водолаз Жупина лечился в Крыму, а крановщица Ефремова — в Пярну. Она не платила за путевку ни копейки, все расходы взял на себя профсоюз! Сварщица Забелина поехала в первоклассный санаторий Кисловодска. Полную стоимость путевки — сто семьдесят рублей — тоже оплатил завком. (Фото № 1).

«С РАССКАЗАМИ О ПУТЕШЕСТВИИ В ПОЛЬШУ ВЫСТУПАЮТ РАБОЧИЕ ЗАВОДА...»

Многие адмиралтейцы совершают и более дальние поездки: к берегам Адриатики, Ламанша, Средиземного моря... Вот этот снимок дал нам слесарь корпусного цеха Петр Коблик. Адмиралтейцы осматривают бывшее убежище Гитлера в Польше. Коблик вместе с товарищами гостил две недели в Польше. Каждому экскурсанту это стоило по семьдесят рублей — остальные расходы покрыл завод. (Фото № 2).

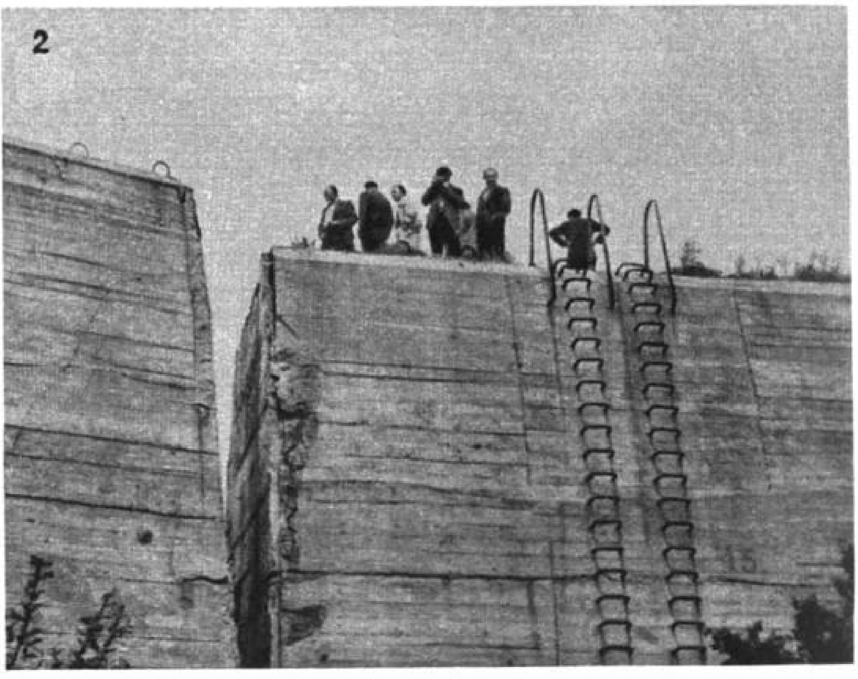
«АБОНЕМЕНТЫ НА БЕСПЛАТНОЕ ПИТАНИЕ...»

За полчаса до начала смены слесарь-монтажник Владимир Шапошников приходит в столовую. Он приветливо здоровается с диетсестрой, садится за стол, накрытый белоснежной скатертью, завтракает и уходит, не заплатив. В полдень он снова в столовой. Ест, благодарит за вкусный обед и опять ничего не платит...

Каждый месяц одиннадцать рублей сорок копеек вносит за Шапошникова профсоюз. Бесплатное двухразовое питание получают в заводской столовой много рабочих и служащих. (Фото № 3).

3

1

2

А. Герасимов.

ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ.

«ДЕТИ, ОТДЫХАЮЩИЕ НА СИВЕРСКОЙ, ЗДОРОВЫ»

Глядя на этот снимок, веришь лаконичному сообщению на заводской доске объявлений. В сосновом бору на берегах реки Оредеж раскинулся целый городок Адмиралтейского завода: пять детских садов, пионерский лагерь, дом отдыха... У Титовых в садике живут сыновья — Сережа и Саша, у Петровых — Олег и Люда, у Столбовых — Вера и Катя. Десятки тысяч рублей расходуются на содержание городка. Пионеров Адмиралтейского узнают по нарядной, красиво сшитой, парадной форме. И за это тоже рассчитывалась дирекция завода. (Фото № 4.)

«ПОСЛЕ РАБОТЫ РЕМОНТ ЯХТЫ «ПРОФЕССОР РУДОВИЦ»...»

Трехмачтовая яхта легко покачивается на водной глади малого ковша. Скоро она уйдет к берегам Скандинавии. Отпускники — заводские спортсмены — готовятся в поход. У кораблестроителей своя большая спортивная флотилия. (Фото № 5.)

«К НАМ ПРИЕЗЖАЕТ ОДЕССКИЙ АНСАМБЛЬ...»

Иной раз глядишь на объявления у заводских ворот, и глаза разбегаются. Отправиться на «Ракете», прогуляться по заливу или пойти с экскурсией под шатер планетария? А может, просто остаться в клубе — там концерт Одесского молодежного эстрадного ансамбля? Вход в клуб свободный, летом тут выступали: композитор Д. Шостакович, ансамбль МГУ, артисты Академического театра имени А. С. Пушкина... А хочешь промчаться «с ветерком» на «Ракете» — половину стоимости прогулки оплатит профсоюз...

Обычно полно везде — и в клубе, и в планетарии, и на «Ракете». (Фото № 6.)

«ПРОВОДЫ НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ...»

Дядю Яшу, так зовут в цехе чеканщика Якова Михайловича Зуева, окружили товарищи по цеху. Они обнимают его, жмут руки, преподносят цветы, подарки. Начальник цеха вручает ему почетный пропуск на завод и Почетную грамоту, в которой отмечаются заслуги ветерана: 30 лет отдал он советскому судостроению.

Яков Михайлович взволнован:

— Теперь я, пожалуй, стану рыбаком. Государство ежемесячно платит 87 рублей пенсии, очень даже хватает. (Фото № 7.)

«ОТЪЕЗД НА ОХОТБАЗУ В СУББОТУ, В 17 ЧАСОВ...»

Когда объявили о начале охоты на пернатую дичь, 200 заводских охотников «взялись за ружья».

— Что вы, хлопцы! С ума спятили, откуда транспорту набраться? — отбивался председатель охотничьего коллектива Роман Семенович Ляховский.

Кораблестроители создавали охотничье угодье сами: собирали стандартные домики, строили челны, сооружали пирсы, прокладывали дороги сквозь лесную чащу. Завод помог им средствами. Теперь это большое и культурное хозяйство. Каждую субботу съезжаются сюда адмиралтейцы. (Фото № 8.)

ГОЛУБЫЕ КНИЖЕЧКИ

Мы хотели на этом и закончить наш репортаж. Но художнику принесли текст еще одного объявления: заводские стипендиаты приглашаются в учебный комбинат. Зачем? Получить удостоверения. Вот они, эти голубые книжечки. Берем первую попавшуюся — слесаря Вадима Пагава.

Мы застали его в аудитории Кораблестроительного института за сдачей вступительного экзамена.

— Теперь все позади,— радостно сообщил он нам.— Я уже студент.

Пагава зачислен студентом Кораблестроительного института по путевке заводских организаций. Предприятие будет ему платить стипендию — на первом курсе 33 рубля в месяц.

Голубые книжечки вручены шестнадцати рабочим! (Фото № 9.)

ИНТЕРВЬЮ С НОВОСЕЛОМ

Из института мы направились на Краснопутиловскую, где раскинулись новые жилые кварталы. И хорошо, что поторопились. Еще минутка, и мы не застали бы дома Николая Петровича Дубинкина. Николай Петрович — такелажник Адмиралтейского завода. Он, жена Мария Ивановна, сын Геннадий и невестка Анна Максимовна уходили в кино. Тут же, у подъезда нового дома, мы и взяли интервью у новосела.

— Нам дали отдельную четырехкомнатную квартиру, и мы очень довольны,— сказал Николай Петрович.— Я, сын, невестка работаем. Наш заработок — триста двадцать

БОЛЕЕ ЧЕМ В 20 РАЗ,

по приблизительным расчетам, увеличились в 1960 году по сравнению с 1913 годом (в сопоставимых ценах) все выплаты и льготы, получаемые рабочими промышленности и строительства сверх индивидуальной заработной платы.

В 2 РАЗА

увеличились в 1960 году по сравнению с 1940 годом реальные доходы рабочих и служащих.

БОЛЕЕ ЧЕМ В 9 РАЗ

увеличился в 1960 году по сравнению с 1940 годом бюджет государственного социального страхования в СССР.

ПЕРВОЕ МЕСТО В МИРЕ

по количеству строящихся квартир на тысячу жителей СССР занял уже в 1958 году.

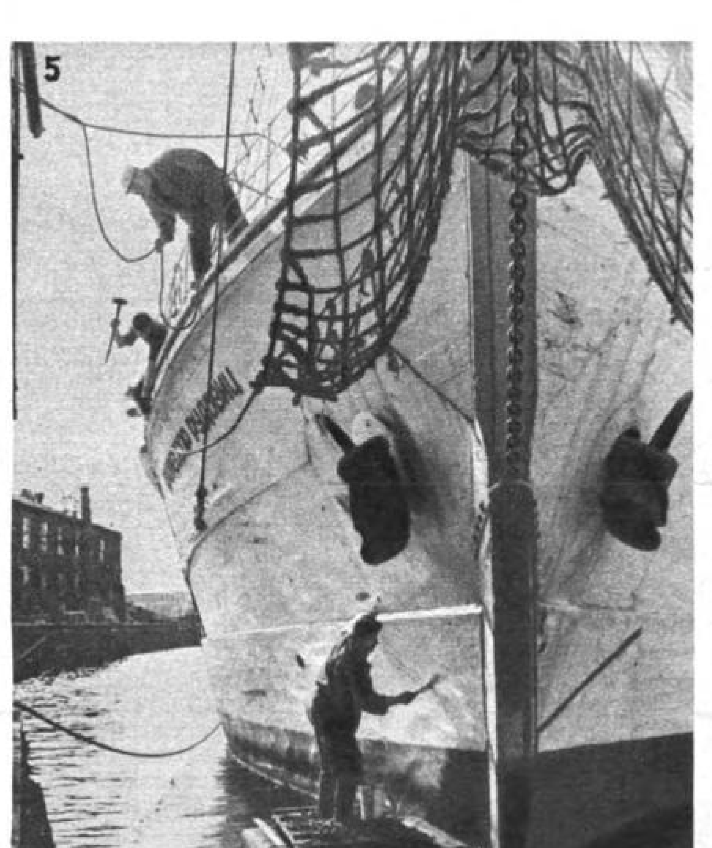
ТЕПЕРЬ КАЖДЫЙ ГОД

мы строим жилья больше, чем за десять довоенных лет.

ОКОЛО 15 МИЛЛИОНОВ КВАРТИР

будет построено в 1959—1965 годах в городах и рабочих поселках, поселках совхозов, РТС и леспромхозов за счет государственных капитальных вложений и средств населения с помощью госкредита. Это в 2,3 раза больше, чем построено в предыдущем семилетии.

4

5

6

рублей. Жена получает семьдесят рублей пенсии. В общем, все вместе имеем триста девяносто рублей, а за новую квартиру платим в месяц девять рублей семьдесят копеек! Въехали мы, расставили новую мебель, пошли еще раз обозревать свои владения, заглянули, конечно, в ванную, на кухню. И полюбопытствовал я: сколько же стоила государству такая квартира? И что бы вы думали? Пять тысяч восемьсот рублей! А за нами закрепили ее навечно! (Фото № 10).

ГОВОРЯТ БУХГАЛТЕРЫ

Откуда же на все это берутся средства? Нам ответили сразу двое — люди, которые подсчитывают тут финансы до копеечки: бухгалтер завкома Анна Павловна Дмитриева и заместитель главного бухгалтера завода Василий Иосифович Игонин.

Годовая смета завкома исчисляется в несколько десятков тысяч рублей. Значительную часть этой сметы профсоюзные организации расходуют на культмассовую и спортивную работу, на путевки в санатории, дома отдыха, на пионерлагерь...

— Но наша смета не единственный источник дополнительных средств, получаемых рабочими помимо своей основной зарплаты,— говорит Анна Павловна.— Огромные суммы тратит дирекция из своего фонда. Но это уж «хозяйство» Василия Иосифовича. Он и расскажет вам...

— Наши накопления,— говорит В. И. Игонин,— зависят исключительно от успеха заводского коллектива, от его настойчивости, энергичности в выполнении всех производственных показателей. Поясню: за освоение новой техники, за строительство новейших кораблей, таких, как плавучий рыбозавод «Андрей Захаров», завод получил в последнее время несколько десятков тысяч рублей премии.

В фонд завода поступили значительные отчисления благодаря снижению себестоимости: прибыль оказалась выше запланированной. Дважды коллектив выходил победителем социалистического соревнования, И ему присуждена большая премия. Доля этих средств тоже пошла на различные культурно-бытовые нужды, содержание пионерлагеря, спортклубов, детских садов, приобретение путевок.

Таковы результаты нашего путешествия по следам объявлений у входа на Адмиралтейскую верфь.

Следовательно, все эти жизненные блага, которые получают корабелстроители, к которым они привыкли и считают само собою разумеющимися, есть результат их же собственного труда. И благ этих будет тем больше, чем упорнее они будут трудиться.

«ТТТ»

Марк **КАРПОВИЧ**

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Что означают эти буквы-близнецы, выстроившиеся в ряд?

Пожалуй, только рижане смогут расшифровать первоначальный смысл трех загадочных «Т». Для них он совсем прост: так в Риге сокращенно именуют городской трамвайно-троллейбусный трест. Но множество людей, живущих в других уголках нашей страны, при виде тех же букв едва ли вспомнят городской транспорт.

— ТТТ? Да это же команда «королев баскетбола»! — воскликнут они.

И будут тоже совершенно правы. Дело в том, что «королевы баскетбола» живут в латвийской столице и носят на своих спортивных костюмах эмблему, состоящую из трех одинаковых букв. И на каждую из букв приходится по крайней мере по одной блестящей спортивной короне: рижанки — чемпионки страны, чемпионки профсоюзов и, наконец, обладательницы высшего на континенте трофея — Кубка европейских чемпионов. Титулов вполне достаточно, чтобы снискать громкую славу команде.

Летописцы рижского баскетбола считают переломным в судьбе команды 1955 год. Именно тогда «Даугава» — прежнее имя команды — впервые шагнула в высшую группу баскетбольных коллективов страны — в класс «А». Еще и сейчас ядром коллектива, его испытанной гвардией остаются спортсменки, завоевавшие победу,— Ивета Краукле, Гуна Карлсоне, Лигита Алтберга, Хелена Хехта. А привел команду в высший класс человек, с именем которого связаны и все последующие ее успехи,— тренер Олгерт Янович Алтберг. Говорят, именно он произнес фразу: «Теперь, что бы ни случилось, мы должны идти вперед».

Это была установка на весь склад жизни и борьбы молодого спортивного коллектива. Ставка на волю, на готовность одолеть любые превратности судьбы. Призыв к дисциплине и творчеству.

Первый зимний сезон принес «Даугаве» большой успех. Она заняла четвертое место — четвертое среди лучших! Летний успех был еще сенсационнее: рижанки, защищая цвета Латвии на Первой спартакиаде народов СССР, оказались вторыми. Но впереди уже маячили грозные испытания. Следующий, 1957 год рижские баскетболистки начали уверенными победами, а закончили его... на восьмом месте. Из шести последних встреч в Москве они проиграли пять. Казалось, взрывная энергия, которая высоко вознесла их в недавнем прошлом, исчерпана. Наступал кризис, и прежде всего кризис настроения, воли. Но тут-то и сказалось мастерство тренера. В ответ на это он усилил тренировочные нагрузки. Долой мрачные мысли, да здравствует труд! Вводились специальные упражнения с тяжелыми медицинболами, со скакалками. Баскетболистки играли в ручной мяч, занимались прыжками. Высокие, тоненькие девушки обретали скорость спринтеров и выносливость атлетов. В исполнении технических приемов появились точность и непринужденность—черты подлинного мастерства.

Растущий класс команды сказался в соревнованиях следующего года. Рижанки стали третьими призерами чемпионата страны. В этом году на их майках и появилась эмблема, ставшая теперь столь популярной.

С тех пор как команда стала защищать спортивную честь трамвайно-троллейбусного треста, она обрела настоящий отчий дом, большую, дружную семью. В команде уже привыкли: где бы она ни выступала—в другом конце страны или за рубежом,— ее успехи и неудачи всегда близки сердцам многочисленных рижских друзей. Всюду их настигают письма, телеграммы, подписанные тремя «Т».

Прошлый год принес обильный урожай почетных трофеев. Рижанки впервые стали чемпионками СССР, победили в спартакиаде ВЦСПС. Успешно прошли и выступления команды на международной арене. Кубок европейских чемпионов, заветный приз всех баскетболистов континента, учрежденный болгарской газетой «Народен спорт», после блистательных побед над польской командой «Вавель» и болгарской «Славией» прописался в Риге. Как-то удивительно легко, естественно вошли в команду, усвоили ее характерный почерк, манеру игры питомцы детской спортивной школы «Даугавы» Ингрида Струповича, Иоланта Калныня, Ария Римбениеце. Подлинной находкой тренера стали новые центровые — Скайдрите Смилдзиня и Сильвия Равдоне.

Быстро пришлась по душе команде Скайдрите Смилдзиня. Дело, конечно, было не только в том, что шестнадцатилетняя спортсменка была ростом в 187 сантиметров. Ныне встречаются баскетболистки и повыше. Помимо выдающихся природных данных, девушка обнаружила тонкое понимание игры. А подобный дар встречается не часто.

«Маленькие» идут по стопам старших подруг. Смилдзиня и Равдоне все лето возили с собой в дорожных сумках учебники: девушки готовились к экзаменам. Первая мечтала о политехническом институте, вторая хотела поступить в университет.

У каждой спортсменки команды свои привязанности и в искусстве. Одни увлекаются театром, другие отдают досуг музыке. Труднее, чем остальным, Дзидре Карамышевой, капитану команды. У нее маленький сын, четырехлетний светловолосый Дайнис. Он требует очень много внимания и забот. Однако Дзидра не отстает от подруг. Она тоже дружит и с театром и с книгой.

Но, может быть, пора нам взглянуть на «королев баскетбола» в подлинной борьбе за мяч, за победу?

В Москве «ТТТ» провела матч, который надолго останется в памяти болельщиков. Рижанки встретились с динамовками Москвы — старыми и грозными своими соперницами в чемпионатах страны. До конца матча оставалось десять минут, а счет был убийственным: москвички оторвались на 10 очков. К тому же пятеро сильнейших рижанок, получив по пять штрафных очков, уже выбыли из игры, остальные же держались на волоске.

Но помните давний девиз команды: «Что бы ни случилось, вперед!»

Тренер взял минутный перерыв.

— Темп! — потребовал он.— Прибавьте темп, и игра наша.

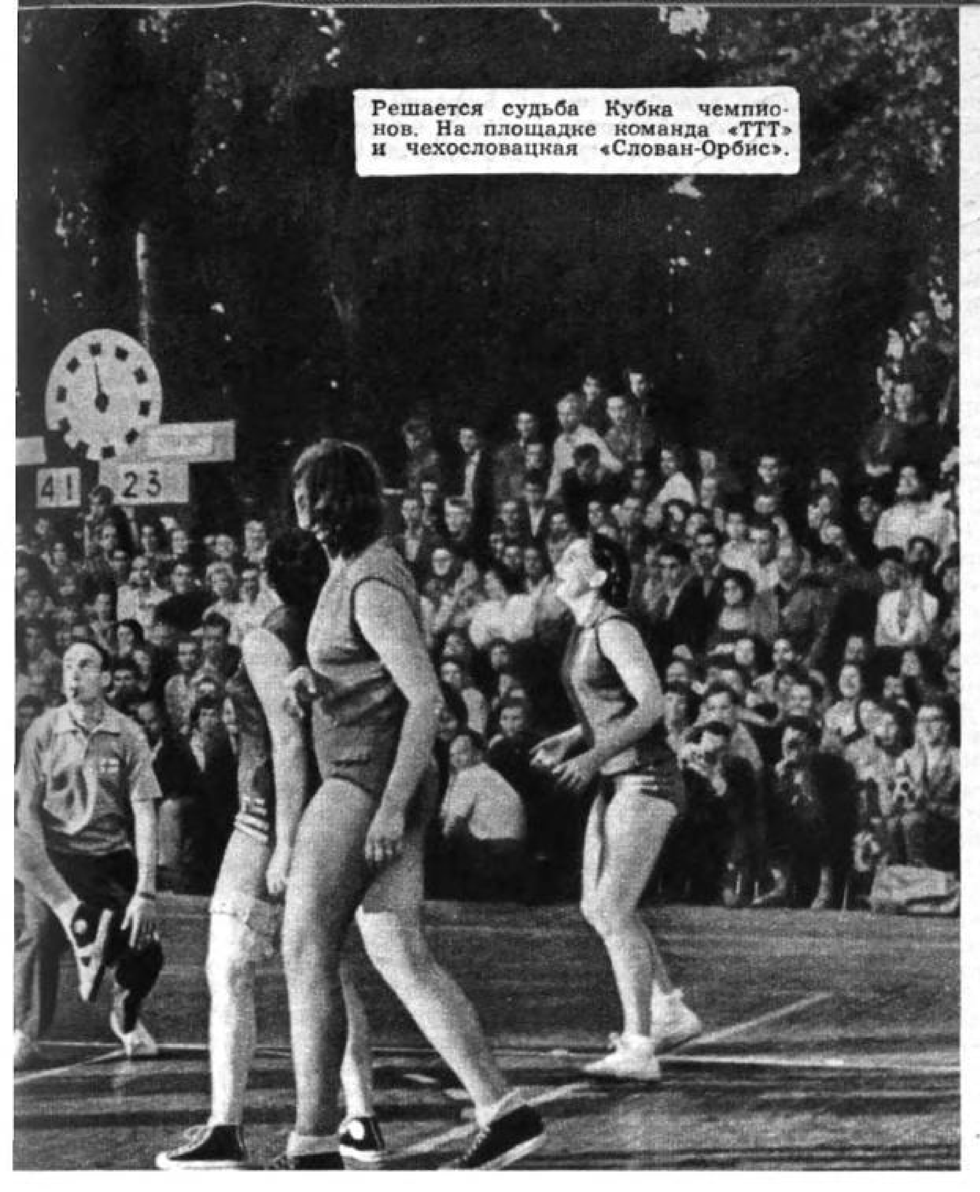
Кто бы смог усилить и без того вихревую скорость атак? Рижанки смогли. На площадку вышла последняя надежда команды — Ивета Краукле. И она принесла коллективу 10 драгоценных очков — по очку в минуту. Ее порыв поддержали подруги. К финальному свистку на табло светились цифры «56 : 55». Матч был выигран.

Это произошло всего за неделю

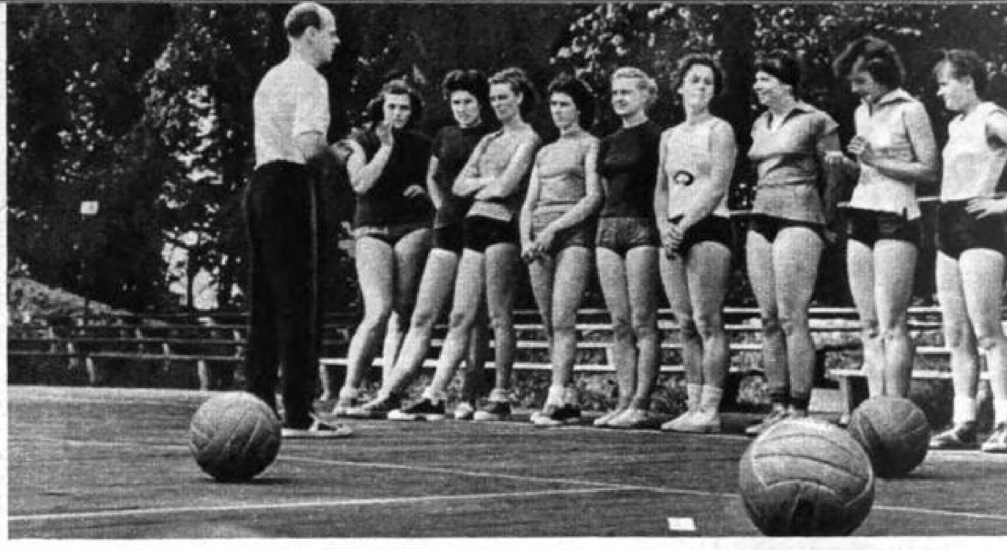

Четырехлетний Дайнис Карамышев, сын капитана команды, предпочитает баскетболу песочек. Но каково его маме? Она вынуждена довольствоваться ролью болельщицы.

Штрафной бросок. Скайдрите ←Смилдзиня — вся внимание...

Решается судьба Кубка чемпионов. На площадке команда «ТТТ» и чехословацкая «Слован-Орбис».

На тренировке.

Победа! Кубок европейских чемпионов остался в Риге. Вот они, счастливые победительницы.

до того состязания, эпизоды которого вы видите здесь на фотографиях. Вот она, памятная вторая финальная встреча с чемпионом Чехословакии пражской командой «Слован-Орбис». Первую, в Праге, рижанки проиграли. И вот дома они оказались в положении отыгрывающихся. А это всегда подливает масла в огонь. Недаром тысячи зрителей буквально наводнили баскетбольный стадион в Межа-парке. Их ожидания не были обмануты: они увидели настоящий большой баскетбол.

Первое очко завоевали гости. Затем довольно долго на площадке царило относительное равновесие сил. А потом как-то незаметно стало нарастать игровое преимущество рижанок. Высокорослые и техничные центровые Смилдзиня и Равдоне без особых помех брали кольцо на прицел. Вездесущей была маленькая Апсе, ее скоростные проходы то и дело ставили защитниц «Слована» в трудное положение. Пятеркой оценил тренер игру Карлсоне. То была ее вторая пятерка за день. Утром аспирантка Карлсоне получила высокий балл на экзамене по философии. Но героиней матча стала юная Скайдрите. Семнадцатилетняя баскетболистка принесла своей команде 25 очков. Убедительный реванш за пражское поражение позволил рижанкам оставить у себя Кубок европейских чемпионов.

Надо ли говорить о том, как счастливы были наши девушки, их тренер, как ликовала вся спортивная Рига. Победительниц засыпали поздравлениями и цветами. Но, может быть, для них показалась бы дороже та фраза, которую я невольно подслушал в эти волнующие минуты на трибуне. Тоненькая девушка-подросток сказала негромко, но решительно: «Теперь я тоже буду играть в баскетбол. Обязательно буду!»

Заманчивый приз

Весной сильнейшие команды Советского Союза взяли старт большого футбольного марафона. И вот сейчас, осенью, десять лучших команд вышли на последнюю прямую, на финише которой водружен победный кубок. На серебряных гранях почетного приза выгравированы имена чемпионов СССР — московских команд «Динамо», «Спартак», ЦСКА, «Торпедо».

А в это время на стадионах Лондона и Парижа, Рима и Будапешта после летнего перерыва футбол делает только первые, робкие шаги. Одновременно с участием в национальных чемпионатах команды — чемпионы 1961 года вступили в борьбу за Кубок европейских чемпионов.

Кубок европейских чемпионов — одно из интереснейших соревнований нашего континента. Несмотря на молодость (Кубку пошел седьмой год), у него уже есть своя биография.

Впервые Кубок был разыгран в 1955 году. Команды встречались друг с другом до финала дважды — на своем поле и поле противника. Победитель определялся по числу одержанных побед, а в случае равенства — по лучшему соотношению забитых и пропущенных мячей. Было решено: если и этот показатель окажется одинаковым, назначать третью встречу на нейтральном поле и, наконец, в случае ничьей кидать жребий.

В истории Кубка немало случаев, когда командам пришлось встречаться трижды, прежде чем завоевать право на дальнейшую борьбу. Вспомним хотя бы полуфинальную встречу двух испанских команд, «Реал Мадрид» и «Атлетико», в IV турнире: первую игру выиграл «Реал» (2 : 1), вторую — «Атлетико» (1 : 0) и третью — снова «Реал» (2 : 1).

Большим спортивным накалом отличались многие финальные встречи. 28 мая 1958 года в Брюсселе «Реалу» удалось удержать переходящий приз, выиграв финальную встречу (3 : 2) у чемпиона Италии команды «ФК Милан» лишь в дополнительное время, забив решающий мяч на 108-й минуте. С таким же минимальным перевесом (3 : 2) в Берне чемпион Португалии «Бенфико» выиграл у испанской команды «Барселона». Так была решена судьба последнего Кубка.

Кубок пришелся «по вкусу» и спортсменам и зрителям.

О популярности Кубка свидетельствует и все возрастающее число участников. В первый год почетный приз оспаривали чемпионы 16 стран, а для участия в розыгрыше 1961—1962 годов записалось 29 команд.

Президиум Федерации футбола СССР решил принять участие в розыгрыше Кубка европейских чемпионов 1962—1963 годов.

До сих пор участие нашей сильнейшей футбольной команды в этих интересных состязаниях встречало упорное противодействие. Противники Кубка обычно ссылались на то, что советских футболистов не устраивает время проведения игр. Так ли это? Во время четвертьфинальных встреч (март — апрель) западноевропейские спортсмены бесспорно будут в лучшей форме, чем чемпион СССР после «зимней спячки», но не настолько, чтобы из-за этого отказываться от участия в самом популярном всеевропейском футбольном турнире. И, конечно, нет необходимости доказывать, что и в конце апреля и начале июня (время проведения полуфинальных встреч и финала) советские футболисты находятся в лучшей спортивной форме, нежели зарубежные спортсмены.

Но, может быть, чемпионы СССР слабее чемпионов зарубежных стран? Конечно, нет. Чтобы в этом убедиться, надо вспомнить историю. Финалистами Кубка европейских чемпионов в разные годы были спортсмены Испании, Португалии, Франции, Италии, ФРГ. С сильнейшими командами Пиренейского полуострова советские футболисты не встречались, но с чемпионами Франции, Италии и ФРГ играли неоднократно и выглядели в этих встречах не так уж плохо.

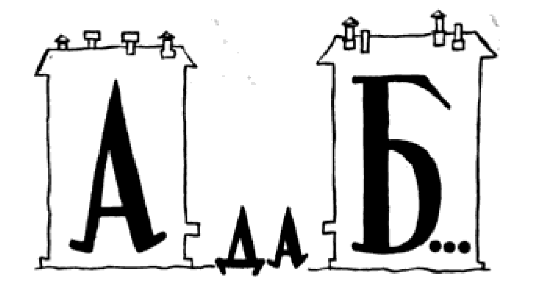
С командой «Реймс» из одноименного французского города — двукратным финалистом Кубка — советские футболисты встречались пять раз на полях СССР и Франции. В СССР команды «Зенит», ЦСКА, «Динамо» (Тбилиси) и сборная команда клубов СССР выиграли все четыре встречи с общим счетом мячей 15 : 3, в Реймсе динамовцы Тбилиси проиграли с минимальным результатом — 0 : 1.

А каковы результаты встреч советских команд с итальянскими командами — финалистами Кубка 1957 и 1958 годов «Фиорентиной» и «ФК Милан»? Из четырех встреч с «Фиорентиной» две закончились победой советских футболистов, одну выиграли итальянцы и одна завершилась ничейным результатом. Счет мячей 9 : 4 в пользу московских команд «Динамо» и «Спартак».

Такой же активный баланс имеют футболисты СССР в четырех встречах с «ФК Милан».

А теперь о самом главном. Участие в Кубке обогатит наших футболистов опытом официальных международных встреч, даст возможность «обстреливать» в этих встречах не только игроков сборной СССР, но и спортсменов отдельных клубов. А чем больше у нас будет опытных спортсменов, тем будет лучше и для сборной команды Советского Союза.

А. ПЕРЕЛЬ

Фельетон

И. КОСТЮКОВ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

«Прошу объяснить, за что меня так обидели?»

Из письма в редакцию шофера П. Лукьянова.

Шофер Петр Лукьянов решил строиться. Его теперешняя комнатушка, скажем прямо, с хоромами состязаться не может. Плохая комнатушка, тесная, без каких-либо намеков на удобства.

Петр Михайлович строился в Москве. Вместе со своими товарищами по работе он возводил общественный дом в Останкине.

В Первом московском таксомоторном парке давно выхаживалась мысль о коллективной постройке дома. Эту мысль стали превращать в реальность.

Водители таксомоторного парка, пожалуй, лучше всех других жителей знали Москву. Им приходилось разъезжать по всему городу, из конца в конец, вдоль и поперек. На их глазах росли новые кварталы и целые районы, прокладывались улицы и проспекты. Каждый день они развозили счастливых новоселов или их гостей с разными подарочными свертками. И часто возбужденный новосел рассказывал водителю о своей радости, о том, какую прекрасную квартиру он получил, какой обворожительный вид открывается с его балкона, как довольная бабушка сразу же лишилась всех своих прострелов и покалываний под лопаткой, и спрашивал, не знает ли он, водитель, где можно купить хорошую люстру.

Нечего греха таить: кое-кто из водителей не без зависти слушал горячие рассказы новоселов. Хотелось вот так же поведать своим друзьям и знакомым и о видах, открывающихся с балкона, и о блаженном тепле ванны.

Но они понимали: хоть и много строится в Москве квартир, даже очень много, однако и спрос еще не мал. Этот спрос не разрешишь скоро. Нужны годы, чтоб обстоятельно ответить на так называемый квартирный вопрос.

В Первом таксомоторном парке не стали ждать, когда этот жгучий вопрос найдет свой полный ответ, а договорились приблизить сроки шумных новоселий. Там стали строить свой дом.

После смены, в выходные дни, во время отпусков водители и слесари рыли ямы, подносили материал, помогали каменщикам и отделочникам.

Работал и Петр Лукьянов. Когда один, а то придут и всей семьей. Отработали в общей сложности более пятисот часов. Кроме того, трудились на всех субботниках и воскресниках.

Дом рос, а с ним росла уверенность в скором новоселье. Лукьянов чаще обычного стал заглядывать в магазины мебели; женская половина семьи вела разговоры о занавесках и дорожках.

Будущий новосел был, что называется, на седьмом небе, когда его привели в одну из квартир и сказали:

— Вот ваши две комнаты. Тут вы будете жить. А пока мойте полы.

Квартиру Лукьяновы вымыли до блеска. А новоселья справлять не пришлось.

Квартиру Лукьянову не дали.

Почти все члены комиссии по распределению квартир и многие члены месткома отпраздновали новоселье. Весело отплясывал в своей новой квартире председатель месткома Ряховский. Ярко светились в корпусе «А» окна у секретаря партийной организации Фролова. Они словно предчувствовали, что в другой раз их не изберут, и поэтому поторопились «улучшить» свои жилищные условия.

А Лукьянову объявили, что в корпусе «А» для него не нашлось места.

Случай с Лукьяновым стал причиной шумных разговоров на одном из заседаний месткома. В протоколе записано горячее выступление тогдашнего директора парка тов. Панова:

«Старый состав месткома неверно подошел к вопросу Лукьянова. Он честно отработал на строительстве и по своей работе заслуживает получения жилплощади... Я предлагаю исправить ошибку, включив тов. Лукьянова в первоочередной список на вселение в корпус «Б»».

Новый председатель месткома Новиков в своем выступлении был более решителен и категоричен:

«Ошибку прошлого состава месткома мы должны исправить...

ЗНАМЕНИТЫЕ ТРЮКИ

Дик ЧИТОШВИЛИ,
заслуженный артист
Грузинской ССР

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Дети — самые наблюдательные и самые непосредственные зрители. Они по-своему объясняют каждый фокус и тут же, в зале, высказывают свои, иногда очень смешные догадки.

Вот фокусник разбил электрическую лампочку и достал оттуда живого желтенького цыпленка. После нескольких секунд удивления в зале начинается шум.

— Этот цыпленок нейлоновый, из губки. Мама подарила мне такого на Новый год! — громко сказала девочка лет шести.

— Конечно,— уверенно подхватил мальчишка постарше,— и пищит-то он через магнитофон.

— А вообще никакого цыпленка нет. Все это мираж. Я читал,— твердо заключил подросток в форме ремесленника.

См. «Огонек» № 15.

И вот ребята прибегают домой и за обедом рассказывают бабушкам, как они легко «раскрыли» все секреты фокусника и что никакое это не волшебство, а все наука и техника. Бабушки слушают и улыбаются: какие у них смышленые внучата! А вот они, бабушки, в молодости смотрели и только ахали, когда им показывали на ярмарке или в цирке людей, глотающих шпаги, или невероятных чудовищ, вроде «женщины-паука». Кое-кто, вероятно, помнит таких «сверхъестественных» женщин.

Кто не видел — расскажу.

Представьте себе лестницу, перед которой растянута толстая серая сетка-паутина. В середине ее — огромное мохнатое тело паука с женской головой. Впечатление жуткое, но мало кто из зрителей знал тогда, что секрет этого фокуса в оптической иллюзии, создаваемой системой зеркал.

Если этому фокусу удивлялись лет 40—50 тому назад, то какое ошеломляющее впечатление произвела подобная зеркальная система в середине XIX века. Это было в Париже в 1855 году. Французский скульптор Тальрих открыл музей восковых фигур. Фигуры были в нормальный человеческий рост, и трудно было подчас отличить их от позирующих живых людей. Для большего успеха и привлечения публики Тальрих решил придумать еще какой-нибудь эффектный аттракцион. И ему повезло. В это время из Лондона приехал в Париж известный иллюзионист доктор Лин. Тальрих и Лин вместе создали знаменитый иллюзион «Отрубленная голова», в котором и были использованы впервые зеркала.

В небольшом, слабо освещенном погребе на расстоянии двух шагов от зрителей на столе лежала окровавленная голова старика с длинной бородой. Рядом на полу валялось туловище и секира, которой якобы обезглавили этого человека.

Когда дрожащие от страха зрители начинали задавать вопросы, веки старика медленно поднимались и «голова» начинала отвечать. Любопытно, что отвечала она на любом языке, что производило ошеломляющее впечатление. Успех «говорящей головы» был невероятен. Устроители этого зрелища зарабатывали огромные деньги. И вдруг фокус оказался раскрытым. Весть об этом облетела Париж в один день, и Тальрих считал, что кончились его заработки. Но народ по-прежнему валил в музей, чтобы посмеяться над человеком, столько времени разыгрывающим роль «отрубленной головы».

Вот как это случилось.

Однажды молодой повеса пришел в музей и решил «поразвлечься». Он стал швырять хлебными шариками в «голову». Та молчала, морщилась и, наконец, обругала обидчика. В запальчивости молодой человек выхватил пистолет, и тут же «голова» ушла в стол. Мгновенно появилась полиция, хулигана арестовали, но секрет уже был раскрыт. В чем же он состоял?

Лишь казалось, что под столом ничего нет. На самом деле между ножками находилась оригинальная зеркальная система. Зеркала прикрывали туловище человека, а голова его как бы лежала на тарелке, залитой бутафорской кровью. Надо отдать должное Тальриху, который приложил к оформлению этого иллюзиона свои недюжинные способности скульптора и художника. Роль отрубленной головы исполнял бывший моряк, корабельный кок, который за свой век объездил немало стран и знал, таким образом, несколько фраз на многих языках. Кок простаивал иногда в столе по восемнадцати часов в сутки, так как наплыв публики в музее был очень велик.

Иллюзион «Отрубленная голова» — прототип почти всех последующих оптических иллюзионов. Вслед за ним появилась «Женщина с тремя головами», «Голова, парящая в воздухе», «Тайна доктора Лина», «Живой букет» и «Женщина-паук». Фокусники широко использовали оптическую иллюзию, помещая зеркала под разными углами и в разных положениях.

В дальнейшем трюк доктора Лина стали оформлять по-разному. Появились номера «Сжигание женщины», «Тамбурин» и многие другие, исполнители которых называли себя их «создателями».

Не претендуя на роль изобретателя, я несколько лет назад вспомнил этот старый прием и сделал для летней программы номер на эстраде. На пустом столике, построенном по принципу «отрубленной головы», стояла маленькая

включить тов. Лукьянова в первоочередной список на вселение в корпус «Б».

После дуэта директора парка и председателя месткома к ним подключился секретарь партийной организации Фролов.

«Принято решение,— пело это руководящее трио в одном из официальных документов,— предоставить жилую площадь тов. Лукьянову в корпусе «Б» после окончания строительства».

Под этими заверениями красовались три синих подписи с закорючками и хвостиками.

Перед самым окончанием корпуса «Б» мы навестили председателя месткома Новикова. Когда распределяли квартиры в корпусе «А», Новиков был членом месткома, сам в том корпусе справлял новоселье и, конечно, был в курсе всех дел.

— Да, тогда мы неправильно отказали Лукьянову,— подтвердил он свое прежнее выступление на месткоме.— Нам за это здорово влетело от райкома. Но мы исправим ошибку. В корпусе «Б» Лукьянов обязательно получит квартиру!

Недавно корпус «Б» принял жильцов. Но Лукьянову и на этот раз не пришлось справлять новоселье. Шумно веселились и те, кто вовсе не работал на строительстве, и те, кто работает в парке без году неделю. И опять кое-кто «улучшил» свои квартирные условия.

А Лукьянову не хватило. До него не дошел черед. С корпусом «Б» покончено. А о корпусе «В» пока ему еще не успели сказать.

И опять мы у председателя месткома Новикова. У того самого Новикова, который и устно и письменно сулил Лукьянову златые горы и реки, полные вина.

— Видите ли, о Лукьянове, как об остронуждающемся, знают в райисполкоме. Он там значится очередником. Наверно, когда-нибудь да получит. Вот мы и отказали.

Сомнений быть не может: рано или поздно Петр Лукьянов тоже справит новоселье. Шумное, веселое — словом, такое, какие уже справили миллионы наших семей. Но на это веселье он не станет приглашать ни товарища Новикова, ни его предшественника Ряховского, ни бывшего секретаря парторганизации Фролова. И еще коекому из руководителей парка он откажет в товарищеском уважении.

Сделает он это вовсе не потому, что ему не дали квартиру ни в «А», ни в «Б». Это, конечно, оставило горький след в душе Лукьянова. Он не позовет их за непорядочность, за их страсть казаться хорошенькими на словах и включать заднюю передачу, когда от слов требовалось переходить к делу.

В своих публичных выступлениях эти товарищи хоть куда! Слушая их, можно подумать, что они за коллективизм и товарищескую взаимопомощь готовы лечь костьми. А на деле прежде всего хлопочут о личном благе. Другим они разъясняют моральный кодекс строителя коммунизма, а сами нарушают его нравственные принципы.

Пожилому шоферу Петру Лукьянову есть за что обижаться на руководителей своего парка.

«Огонек» в 1962 году

1 ОКТЯБРЯ ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ОГОНЕК».

Читатели «Огонька» в 1962 году прочтут о славных делах наших современников, строящих коммунизм, о людях большой судьбы, о разведчиках будущего.

Совершат путешествия в зарубежные страны, посетят малоизвестные уголки нашей Родины, увидят произведения искусств из советских и иностранных картинных галерей, а также лучшие работы фотомастеров и фотолюбителей.

Познакомятся с новыми произведениями советских писателей: Н. Адамян, П. Антокольского, С. Антонова, Н. Асеева, П. Бровки, Я. Брыля, С. Васильева, С. Воронина, Н. Воронова, Р. Гамзатова, О. Гончара, Н. Грибачева, Е. Дороша, Б. Зубавина, В. Каверина, А. Калинина, В. Катаева, В. Кожевникова, В. Кочетова, В. Лациса, Л. Леонова, А. Малышко, С. Маршака, С. Михалкова, Ю. Нагибина, С. Никитина, П. Нилина, В. Пановой, Л. Первомайского, Б. Полевого, А. Прокофьева, Е. Поповкина, Г. Радова, Ш. Рашидова, Н. Рыбака, Н. Рыленкова, М. Рыльского, А. Суркова, К. Симонова, Я. Смелякова, С. В. Смирнова, С. С. Смирнова, О. Смирнова, Л. Соболева, Я. Судрабкална, В. Солоухина, М. Турсун-заде, К. Федина, Г. Холопова, К. Чуковского, М. Шагинян, М. Шолохова, И. Эренбурга и других.

Прочтут произведения зарубежных писателей и публицистов: А. Аббаса, А. Вюрмсера, Г. Бёлля, С. Гейма, А. Гидаша, К. Зилливкуса, А. Кана, П. Карваша, К. Монтелло, А. Моравиа, П. Неруды, Д. Олдриджа, В. Сарояна, Ф. Харди, К. Чандара, Чжао Шу-ли и других.

У НАС В ГОСТЯХ

На очередном заседании творческого клуба редакция журнала «Огонек» встретилась с академиком Иваном Михайловичем Майским. Академик Майский работает сейчас над мемуарами об истории советской дипломатии. В своем интересном выступлении Иван Михайлович рассказал о тех годах работы, когда он был советским послом в Англии.

* * *

Читатели «Огонька» и журналисты познакомились в Доме культуры «Правды» с новинками хроникальной и научно-популярной кинематографии. Были показаны фильмы «Разноэтажная Америка», «Во глубине сибирских руд», «Километры из капли» и другие.

пушка. На сцену выходили конферансье Л. Миров и М. Новицкий и объявляли мой номер. Музыка играла вступление, а я не появлялся. В недоумении оглядываясь вокруг, Миров объявлял меня вторично. Снова звучал оркестр, а меня все не было. Миров, думая, что я опаздываю, упавшим голосом начинал рассказывать обо мне, чтобы както протянуть время и загладить создавшуюся паузу. Но вдруг раздавался выстрел, дым застилал стоявший на сцене стол, и когда он рассеивался, я уже стоял на сцене, появившись из стола. Однажды мой ассистент зарядил пушку несколько большим количеством пороха, и мое появление из зеркального стола прошло особенно успешно. Окрыленный удачей, он зарядил в следующий раз пушку вдвое большим количеством пороха. Взрыв на этот раз сопровождался звоном разбитых зеркал. Кусок разорванной пушки пролетел мимо испуганного Мирова, а дыма было так много, что под его завесой удалось незаметно для публики убрать со сцены остатки реквизита, а мне выйти на сцену просто из-за кулис.

В своих статьях я не собираюсь раскрывать фокусы, еще никогда нигде не опубликованные, но секреты которых я знаю. Я лишь раскрываю принципы вошедших в историю номеров и тайны трюков, созданных мною. Знакомить читателя с техникой иллюзионного искусства и его содержанием — такова моя цель. Делаю это не только из-за товарищеской этики, но и потому, что знаю, как бывает обидно, когда некоторые артисты тайно перенимают с трудом придуманный номер, несколько видоизменяют его и успешно выдают за свой. Плагиат — страшный бич для артиста. Вот как пострадал от него в свое время известный иллюзионист Буатье де Кольта. Кольта сам придумывал и мастерил свои номера и никому не раскрывал их секреты. И вдруг, когда он приехал с новой программой в Америку, оказалось, что там эти иллюзионы уже демонстрировались артистом, попросту укравшим его изобретения. Неутомимый Кольта создает новый иллюзион и едет с ним в Лисабон, где имеет шумный успех. И вдруг публика перестала посещать театр. В чем же дело? Оказалось, конкуренты пробрались ночью в уборную театра, сломали ящик с реквизитом и, узнав секрет, разгласили его на другой день по всему городу. Поэтому незадолго до смерти Кольта приказал сжечь чертежи еще не раскрытых иллюзионов, о которых дошли до нас только рассказы и секреты которых так и остались неизвестными.

Опишу один из них. «Тайна» — так назывался этот номер. В центре арены ставилась обыкновенная лестница, укрепленная с боков на тросах. Кольта выходил, проделывал несколько мелких трюков, раскланивался и медленно поднимался наверх по лестнице. За несколько ступенек до конца лестницы он вдруг неожиданно исчезал. Все это происходило при полном освещении, и публика, сидящая вокруг, не видела никакого прикрытия.

Эффектные трюки Кольта, как и многих других иллюзионистов того времени, были, безусловно, связаны с достижениями науки, неизвестными широкой публике. В связи с наукой — сила иллюзионного искусства. И, пользуясь этим, иногда не только артисты, но и простые предприниматели строили нашумевшие на весь мир иллюзионные аттракционы. Достаточно вспомнить широкоизвестную «Невидимую женщину», над простым секретом которой ломал голову весь Париж. В 1786 году в старом монастыре была оборудована огромная таинственная комната. К ее потолку на четырех цепях был подвешен пустой ящик, из которого высовывалась труба. В эту трубу посетитель задавал вопросы, и глухой женский голос издалека отвечал ему. Посетители подносили к трубе любой предмет, и таинственный голос безошибочно называл его. «Чудо» продолжалось много лет, пока наконец один ученый-физик не снял с него пелену сверхъестественности. Оказалось, что это был обыкновенный рупор. «Невидимая женщина», которая на-

зывала себя Франческой, пряталась над потолком и смотрела на посетителей в дырочку сверху, называя поднесенные к трубе предметы. А ответы ее передавались через акустическую трубу, умело замаскированную в стене и идущую прямо в рупор.

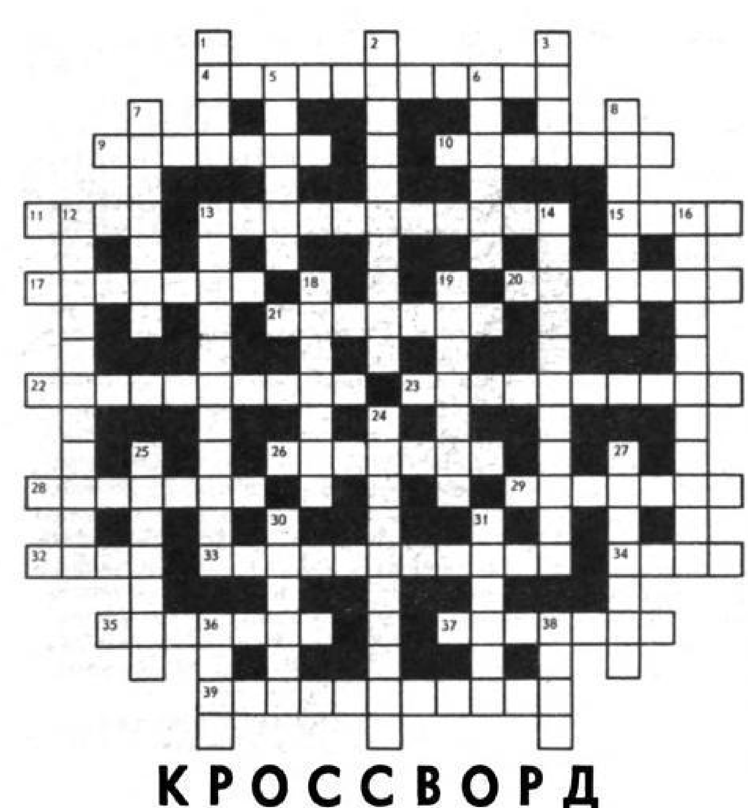
В аттракционах старых времен «исчезали» лошади, автомобили и даже слоны. А один из магов создал трюк, заставив плыть по воздуху пианино вместе с пианистом. А что делали с женщинами! Их пилили, сжигали, давили, протыкали саблями и даже заживо погребали.

В погоне за сенсацией иллюзионисты иногда рисковали жизнью. Таким, по-настоящему смертельным был трюк с пулей, который просуществовал очень долго. Зрители метили пулю, вкладывали ее в ружье и стреляли в иллюзиониста, который, улыбаясь и сохраняя спокойствие, держал в руках тарелку. Артист ловко ловил пулю зубами, выплевывал ее на тарелку и показывал зрителям для сравнения. Это оказывалась та самая меченая пуля. Лондонец Эстли (начало XIX века) претендует на славу изобретения этого трюка. Шотландец Андерсон проделал этот трюк более тысячи раз, и очень удачно. Он вызывающе предлагал публике принести свое ружье и свою пулю. Одним из его приемов была быстрая замена меченой пули пулей из воска, которая расплавлялась в ружье во время выстрела. Говорят, что однажды один из зрителей потребовал не давать в руки Андерсону меченую пулю и сам зарядил ружье настоящей пулей. Андерсон не смог ее подменить. Боясь потерять свое имя, Андерсон разрешил стрелять. Он рассчитывал лишь на психику человека, который, как он надеялся, осознает, что грозит артисту. «Стреляйте!» — страшным голосом крикнул Андерсон, и зал замер. Прошло несколько секунд, и нервы зрителя не выдержали: он бросил ружье и пал ниц перед артистом, отдавшим свою жизнь в его руки.

Как видите, раньше зрители часто считали иллюзию чудом и не догадывались о ее секретах. Теперь же, когда культура и знания публики стоят на значительно более высоком уровне, эффект иллюзионов, безусловно, уменьшился. Иллюзионы кажутся лишь непонятными, труднообъяснимыми, но отнюдь не волшебными.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский композитор. 9. Хищное млекопитающее. 10. Литературный кружок, в котором участвовал А. С. Пушкин. 11. Басня И. А. Крылова. 13. Теория автоматического контроля и саморегулирования. 15. Река в Ленинградской области, приток Свири. 17. Подземная горная выработка. 20. Единица времени. 21. Ночная птица. 22. Одна из сторон прямоугольного треугольника. 23. Озеро в Африке. 26. Характеристика излучения светящейся поверхности. 28. Твердый минерал. 29. Музыкальный коллектив. 32. Разменная монета Румынской Народной Республики. 33. Специалист, дающий советы, заключения. 34. Название месяца. 35. Химическое соединение. 37. Первый официальный чемпион мира по шахматам. 39. Толкователь.

По вертикали:

1. Полевое фортификационное сооружение. 2. Русский писатель XIX века. 3. Плод южного дерева. 5. Вид спорта. 6. Типографский шрифт. 7. Инициалы, связанные общим рисунком. 8. Советский дирижер, народный артист СССР. 12. Коробка для сбора растений. 13. Кормовой злак. 14. Драгоценный камень. 16. Союзная республика. 18. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 19. Часть весла. 24. Лестный отзыв. 25. Машина для передвижения по суше и по воде. 27. Форма хозяйственного контроля. 30. Специальность ученого. 31. Фарш из дичи, печенки. 36. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 38. Мыс, крайняя северная точка Австралии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

4. «Живописец». 5. Шлюп. 8. Шест. 10. Дубрава. 11. Энеску. 12. Состав. 13. Купянск. 16. Ландау. 18. Оленин. 21. Дудук. 22. Актив. 23. Бетон. 26. Ядрица. 29. Ремонт. 32. Боровое. 33. Чавдар. 34. Хартия. 35. Опахало. 37. «Баня». 38. Ямал. 39. Коробочка.

По вертикали:

1. Гипюр. 2. Гиндукуш. 3. Херасков. 6. Лента. 7. Посад. 8. Шоссе. 9. Саами. 14. Пунктир. 15. Новиков. 16. Ладья. 17. Надир. 19. Нетто. 20. Нонет. 24. Набросок. 25. Ореховка. 27. Драга. 28. Индия. 30. «Мария». 31. Наина. 36. Хэбэй.

На первой странице обложки: Больших успехов добилась Анна Лелюк — доярка колхоза имени Ленина, Станиславской области. В прошлом году она получила от каждой из 11 закрепленных за ней коров по 7 746 килограммов молока. На снимке: Анна Лелюк (справа) и звеньевая полеводческой бригады колхоза Мария Проданюк.

Фото Н. Хорунжего.

На последней странице обложки: Не клюет...

Фото Я. Рюмкина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05275 Подписано к печати 20/IX 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1279 Заказ № 2305.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Почему мы так говорим

Червонец

«Силян (Цейлон) же есть пристанище Индийского моря... а около... родится каменье драгое да червцы»,— сообщает Афанасий Никитин, совершивший в XV веке первым «хождение за три моря» в Индию.

Червцы — это красные рубины и гранаты. Чистое золото, имевшее красноватый оттенок, называли у нас «червонным». Червонец — монета из чистого золота. Но не в одном русском языке «черв» связывался с красным цветом.

В славянских языках — в болгарском, сербском, польском, украинском, чешском — червонный (червен, червени и т. п.) значит «красный». В прошлом из насекомых — червеца, червя — получали красную краску. В Польше, например, добывали ее из насекомого «коккус полоникус», (в переводе с латыни — из «червеца польского»). Получали красную краску из насекомых и в южной Франции. Позже появилась и мексиканская кошениль (по-итальянски кошениль — «вермилио», червячок).

Только ли в славянских языках связаны слова, означающие «червяк» и «красный»?

По-латыни червяк — «вермикулюс», откуда французское «вермей» — ярко-красный, румяный. Кстати, отсюда же и заимствованное нами итальянское «вермишель» — «червячки» из теста.

По-персидски червяк — «кирм». От этого слова «крмызы» — «красный» на азербайджанском языке. В арабском (из персидского) «кермес» — кошениль. Оно дало французское название ярко-красного цвета «кармин». Да и у нас есть слово «карминовый».

На Руси был кармазинный цвет, а ткань этого цвета называлась кармазином. В перечне платья царя Бориса Годунова в рукописи 1589 года сказано: «Ферязи (род домашней одежды) камка червчата кармазин». Путь слова «кармазин» опять приведет нас к тому же «червяк».

И. УРАЗОВ

К приезду начальства.

Рисунок М. Вайсборда.

Маленькие басенки

Джанни РОДАРИ

* * *

Судимая за хищение кур Лиса защищалась следующим образом:

— У меня железное алиби! Я в это время находилась совсем в другом курятнике...

— А свидетели есть?

— Свидетелей я съела!

* * *

Библиотечная Мышь обнаружила чучело кошки и обгрызла его от усов до хвоста.

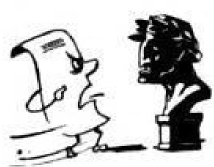
— Вот и все,— промолвила она удовлетворенно.— Никогда больше не стану я бояться кошек. Ведь они дают себя обдирать, даже не сопротивляясь. К тому же все они из бумажных отходов.

Через некоторое время наша Мышь встретилась с кошкой из плоти и крови и была мгновенно съедена. Все же кошка успела вкрадчиво шепнуть ей на ушко:

— Для тебя лучше было бы предварительно потренироваться на живой кошке, а не на бумажной...

* * *

Один Семафор сошел с ума и всем сигнализировал красным светом. Тогда водители машин и пешеходы стали переходить перекресток, не обращая на него внимания.

— Остановитесь! — орал Семафор.— Остановитесь все! Кто в конце концов здесь командует?! Иль вы забыли правила уличного движения?!.

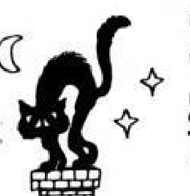
Мораль: когда правила перестают служить человеку, было бы сумасшествием их соблюдать.

* * *

Лист бумаги похвастался, что он чист и бел, без единого пятнышка. Но какой-то Данте Алигьери все же испачкал его чернилами, написав для нас несколько прекрасных терцин.

Мораль: к сожалению, это факт, что чернила пачкают чистую бумагу.

* * *

«Ночью все кошки серы»,— с давних пор твердила Старая пословица.

— А я и ночью черный! — промяукал черный кот на крыше.

Старая пословица, услышав такие слова, умерла от разрыва сердца. А ее родственники пуще прежнего убедились в том, что черные кошки всегда приносят несчастье.

Перевод с итальянского И. Робина.

Охота в Москве

Московское общество охотников организовало секцию охоты с фотоаппаратом. Многие из членов этой секции сконструировали себе фоторужья с «дальнобойной» оптикой. Действительно, разве не интересно охотиться прямо в городе и приносить домой «фототрофеи»?

Если вы любите природу, да еще и охотник к тому же, не зародится ли и в вас желание сменить ружье на фотоаппарат? Попробуйте — и вы убедитесь, что фотоохота не менее интересна, чем охота.

Б. БЕЛИКОВ

По волнам с блокнотом

Изорепортаж Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Интересная книга.

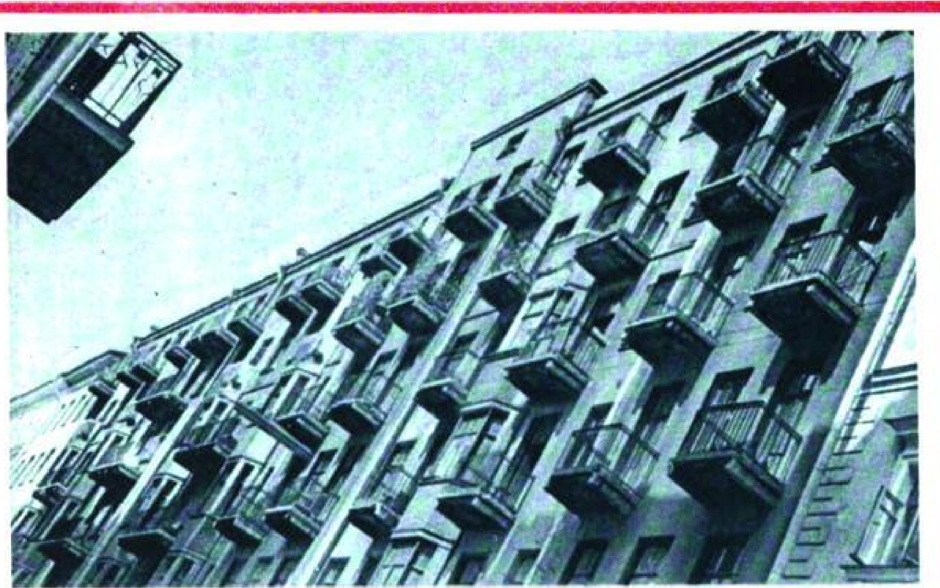
Негде ногой ступить.

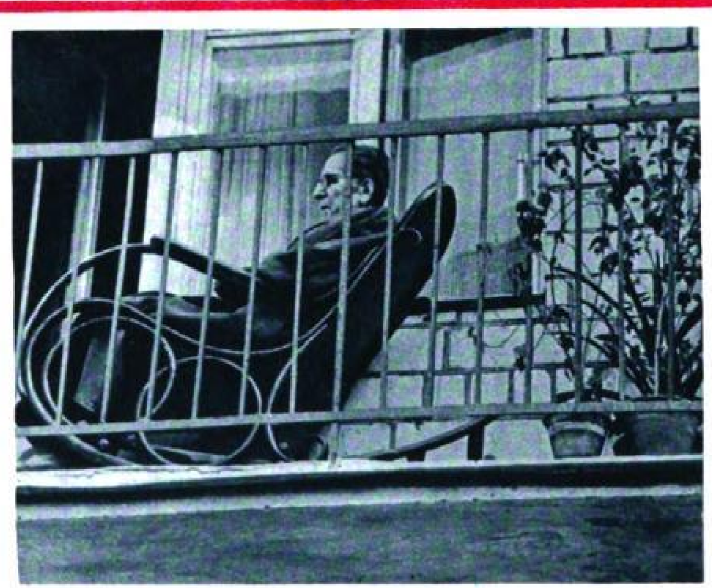
У рыбоприемника:
— Кто последний?

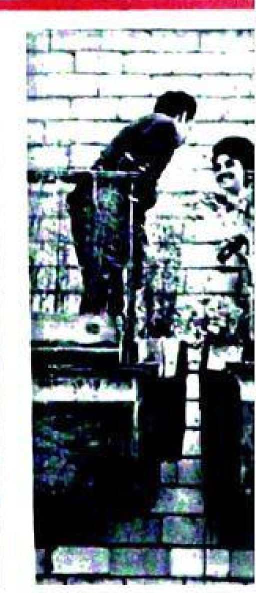
Нашел выход.

В рыбацком поселке.

Дары моря и суши.

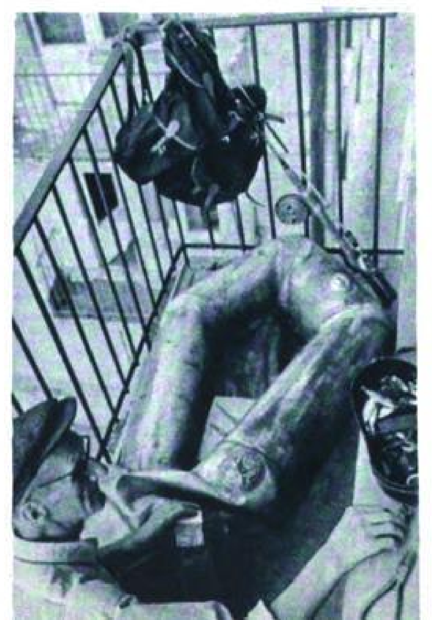

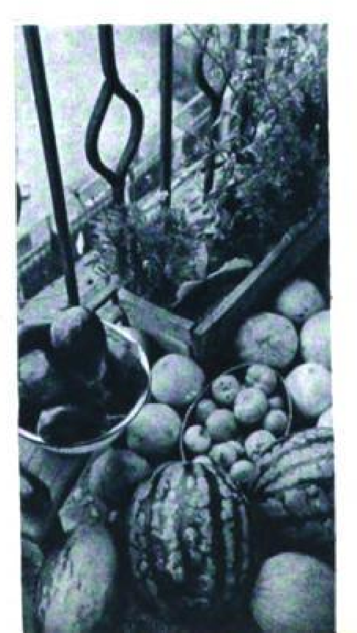

БАЛКОНЫ, БАЛКОНЫ...

Фото Галины САНЬКО.

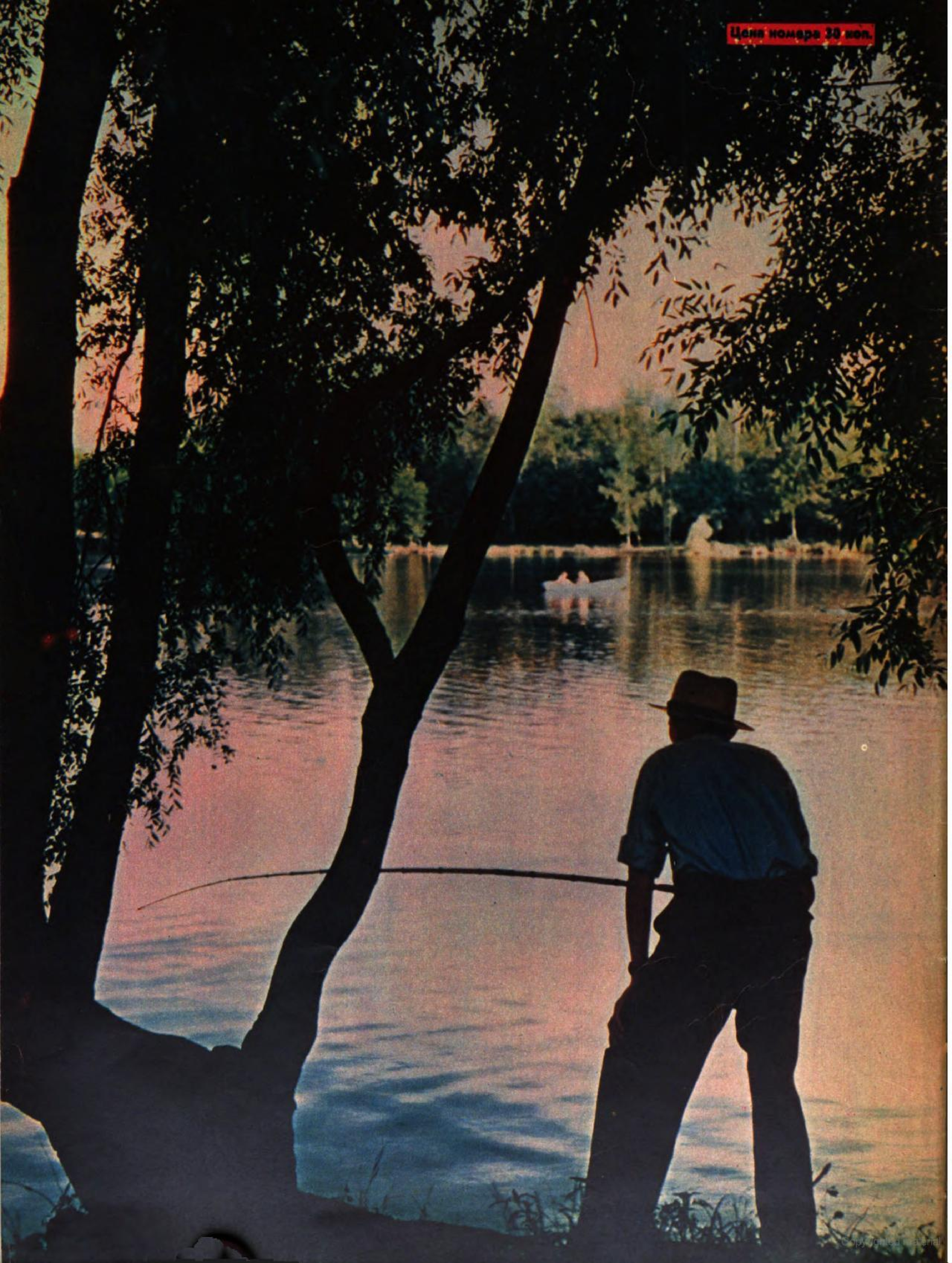

Цена номера 20 коп.